

ВЕСИ

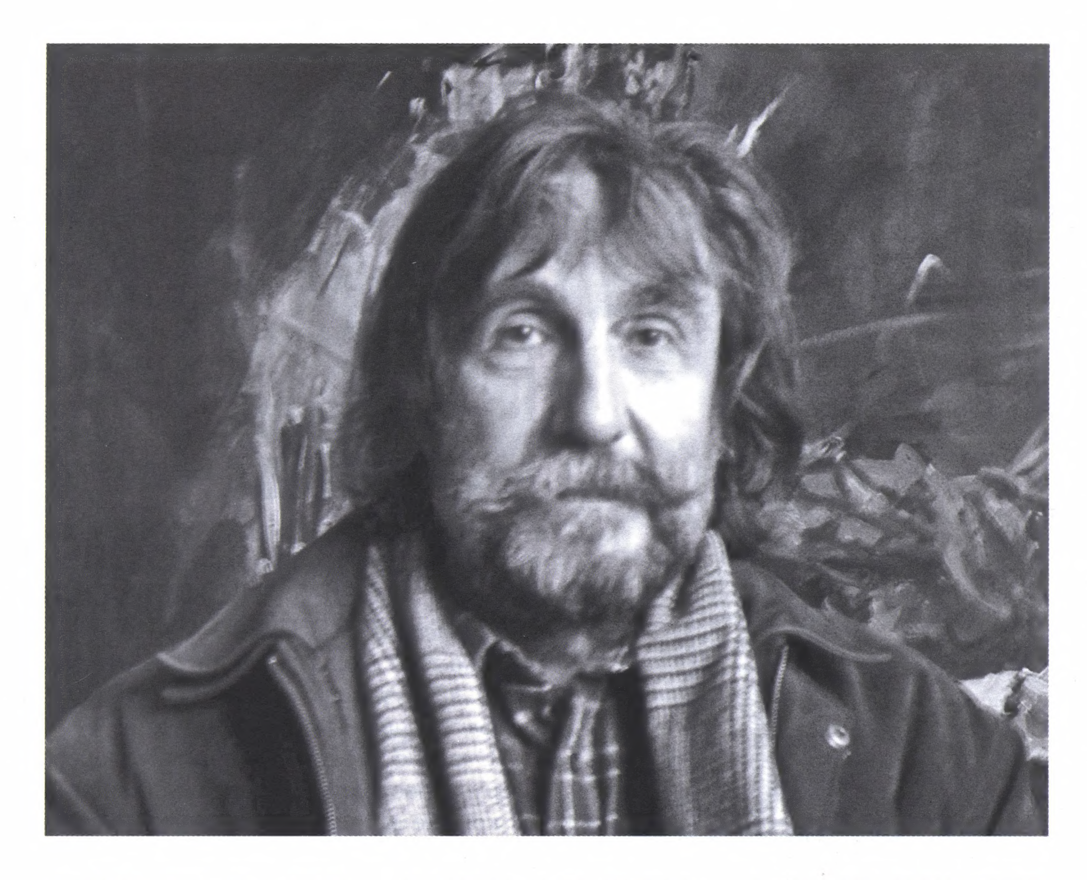
№ 10, 2017

В тени облака.

Фисгармония (Автопортрет).

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ

В XX и XXI веке технический прогресс, стремительно ворвавшийся в жизнь человека еще в XIX веке, многое поменял в привычном укладе жизни, перевернув сложившиеся представления о том, что хорошо, и о том, что плохо. Жизнь человека обесценилась. Люди стали поступать не так, как лучше, а так, как удобней. Произошла подмена понятий. Успешного человека путают с хорошим, богатого — с Богом избранным, востребованного — с талантливым, а живописца — с художником. Люди стали рабами своих желаний. Упростились до примитивного существования, забыв, для чего живут, и — как Бог велел.

Михаил Копьёв — художник, философ, педагог, общественный деятель, публицист, живописец, график, дизайнер... Он обладал многосторонним дарованием.

Про хорошего актера, композитора или писателя говорят: настоящий художник. Именно художник, я не оговорился. Потому что художник — это не профессия, а образ жизни.

Если хотите — склад ума. В Древней Греции не зря философов называли художниками. Они не просто умели рисовать, а обладали пространственным воображением и абстрактным мышлением. Все эти качества были присущи Михаилу Копьёву — большому художнику, посвятившему свою жизнь наукам, изучающим внутренний мир человека и мироздания.

А этим занимается и искусство, и философия.

Будучи эталоном нравственности и человеколюбия, — во всяком случае, для меня, — Копьёв создавал произведения, призывающие делать жизнь человека лучше, а не проще. Обладая уникальной памятью, авторским методом рисунка, он создавал блестящие портреты современников и сложные живописные композиции о вечных ценностях и человеческом их понимании.

В 1989 году я познакомился с Михаилом Копьёвым в Вологодском художественном фонде и был пленен его простотой и обаянием. Живой, непосредственный человек с аристократическим юмором, воспитанием и внешностью, он, как говорят, «фонтанировал» идеями и дарил свою энергию собеседникам и друзьям.

Если я когда-нибудь напишу портрет идеального человека, то я напишу портрет Копьёва, — вот только боюсь, что у меня не хватит мастерства. И еще: я безмерно счастлив, что был его современником. Горжусь его дружбой и восторгаюсь его человеческими качествами. Все это такая редкость в наше время. И быть настоящим художником — это очень большой труд.

Сергей Радюк, художник.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 855).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 855
сайт: www.ukbki.ru
e-mai : ukbkin@gmai .com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке: Живопись Михаила Копьёва (1) «Сезон закончен», (4) «Представление начинается» (фрагмент).

12+

Дата выхода в свет 16.11.2017 г.
Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз. Заказ № 1217.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сколько людей тысячи раз отвечали на этот вопрос: «Что такое счастье?» И все-таки каждый ответ снова и снова вызывал сомнения.

Счастье – это отношение человека к жизни и к миру. Просто его личное отношение, ни от чего и ни от кого не зависящее. Это мне так кажется.

Вот, вроде, все тебя понимают, а счастья нет. Все вокруг уныло и безрадостно. Или все у тебя есть: и кучи денег, квартиры, машины, дачи – а счастья это не приносит, ноги словно приросли к земле, мысль остановилась. Взглянет на тебя такого кто-нибудь со стороны – что еще ему не хватает в этой жизни – все есть, и не сможет понять, отчего тебе жить не хочется.

А бывает так: идешь ты по улице, кругом слякоть и грязь, ветер в лицо тянет холодный, небо закрыто низкими тучами, и день серый и тусклый, а ты – счастливый, над землей словно летишь, всем улыбаешься, и свет вокруг тебя особый, лучезарный. И в этот момент ты просто физически чувствуешь – ты счастлив.

Посмотрит на тебя тот, который с квартирами-машинами, и скажет: «Блаженный какой-то...» А где-то в глубине своей почти зачерствевшей души – позавидует...

Когда человек счастлив, у него как-то и в жизни все складывается по-иному, ему и щи – деликатес, и новые джинсы – в радость, и сыр с плесенью – просто еда, а не предмет статусности. Он творит на работе, и душа его открыта для любви. Для любви к миру и к жизни.

Я понимаю, что сколько людей – столько и представлений о счастье. Главное, чтобы эти самые представления давали вам не только умозрительное, а реальное, физическое счастье и тот его особый лучезарный свет, который виден даже со стороны.

Будьте счастливы!

Главный редактор
Татьяна Богина.

ВЕСИ

№ 10 (136)` 2017
ноябрь

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2017 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

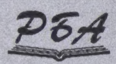

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

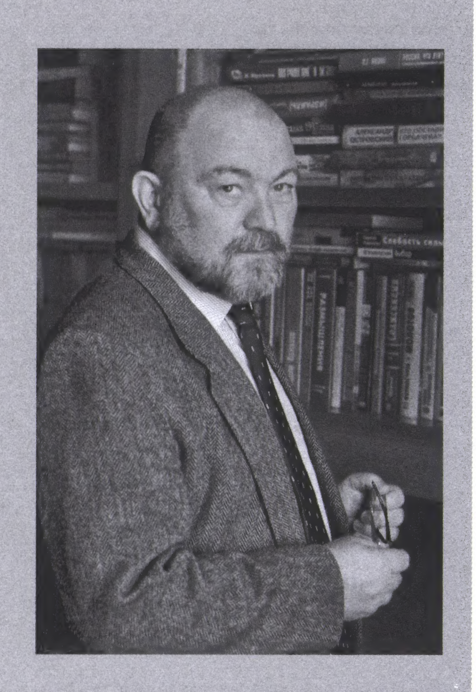

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

КОРРЕКТОР ЖИЗНИ

Сергей БЕЛКИН

Русский писатель, публицист, учредитель и главный редактор журналов «Развитие и экономика» и «Focus». Окончил физический факультет Кишиневского государственного университета им. В.И.Ленина, кандидат физико-математических наук. Член Союза писателей России. Автор 10 книг художественной прозы и сочинений в жанре нон-фикшн в области финансов, экономики, психологии и музыки, а также нескольких десятков научных и публицистических статей. г. Москва.

Спуститесь вниз по любой улице – да, хотя бы, по Армянской, – и вы попадете в странный мир, где улочки шарахаются то вправо, то влево, где нет прямых углов, нет не покосившихся домов, нет и перекрестков, на которых сходилось бы менее пяти дорог.

Старик Ле Корбюзье как-то написал: «Мы идем дорогой ослов», – имея в виду искривленные улицы старых городов, возникших на месте троп, проложенных некогда пешеходами и ослами, на которых возили поклажу. При этом великий мэтр считал, что это – плохо. Мэтр полагал, что улицы должны быть прямыми.

Осел же, как животное умное, выбирал на холмистых землях тропы, требующие минимальных энергетических затрат в процессе движения, а не простоту рисования улиц на бумаге с помощью линейки.

Я в этом вопросе на стороне осла.

Впрочем, запальчивость высказываний Ле Корбюзье с лихвой окупалась мерой его таланта и вкуса: он оставил воистину великое архитектурное наследие.

В нашем Городе изобретатель «Модулора», кажется, не бывал, а вот ослы, вероятней всего, бывали, поэтому улицы в нижней части города так живописны, так привлекательны для молодого художника, ищущего натуру конца XIX века, привлекательны они и для старца, погружающегося в воспоминания, они очаруют и приезжего, которому посчастливится ощутить себя в средневековом городе.

А названия какие: Иринопольская, Теобашевская, переулок Тобултока, улица Золотая, Кациковская, Инзовская, Прункуловская, Антоновская...

Да и люди тут жили замечательные: Липранди, Пушкин, Крупенский, Кацика, Стамати, Кантакузины, Ипсиланти, Маврогени, Полихрони...

Да еще очень много и других, которых вы, скорей всего, пока тоже не знаете, так что я перечислять их больше не буду.

* * *

Началось все с прекрасного ничего-не-деланья летом 19.. года, когда Н*, живущий на магале, пошел погулять в нижнюю часть города, которую по праву можно называть «даун таун», только слово «даун» применительно к Городу, надо переводить не как «нижний», а как диагноз известного психического расстройства.

Н* спустился вниз по Армянской, потом свернул куда-то вправо, потом, кажется, влево – это не имело для него значения. Оказавшись в паутине переулков, он отдыхал, наслаждаясь запустением, руинизированными каменными оградами, осевшими в землю домишками, разросшимися деревьями и торжеством победителя всех руин – плюща, начинавшего краснеть.

Стоял прекрасный осенний воскресный день, когда на улицах никого нет и только звуки, да, пожалуй, запахи выдают присутствие здесь человека.

А какие у нас могут быть запахи в середине октября? – Конечно, запах вина, запах свежевыдавленного виноградного сока, едва начавшего бродить. Город купается в этом стойком, густом аромате, сила которого такова, что время

от времени тянет хоть чуть-чуть, но закусить: тут-то кстати оказывается и другой запах – жареные перцы!

Вы любите жареные перцы? Нет?

В детстве я их тоже не любил, да простит меня создатель этого божественного плода! Зато сейчас... Думаю, случись мне подраться из-за еды, да если этой едой будут правильно приготовленные перцы, я с легкой совестью человек двух, а иных – и четверых бы не пощадил.

Важно, конечно, чтоб перец был хорошим, мясистым, крупным, сладким и спелым. Тогда его следует обмыть, просушить, затем испечь, – можно на сухой сковороде – чтоб он обмяк, подрумянилась мякоть, а шкурка отошла. После этого шкурку следует снять и, беря перцы за хвостики, уложить на блюдо вплотную друг к другу. Представили, какая получается красота? Перламутрово-фисташковые красавцы, лежат рядком, кругами, или полукружьями – как вам больше нравится, а хвостики торчат – с ума сойти!

Теперь надо сверху каждый обработать чесноком, растертым с солью в ступочке, и слегка полить подсолнечным маслом.

Дайте им хоть немного полежать, и – вперед: стакан хорошего вина, серый арнаутский хлеб и перцы – больше ни вам, ни вашему бессловесному организму ничего не понадобится, уж поверьте мне...

Впрочем, я ни словом пока не обмолвился о жареных кружочками молоденьких кабачках, или икре из синеньких, потому что, если я и об этом заговорю, мы никогда не закончим...

Н* продолжал прогулку, и мысли приходили и уходили, как легкие облачка в весенней синеве молдавского неба, на душе было покойно, а глаза бесцельно скользили по мостовой, по тротуару, по стенам домишек...

Вот старые ворота. Они совсем развалились. Правая их половина стояла в стороне, прислоненная к котельцовому забору, а от левой осталось лишь несколько досок...

Был виден дворовый туалет – обычная будочка над выгребной ямой, рассчитанная на одного посетителя, прилепившаяся к тыльной стороне дома...

Бытие определяет сознание: увидел – захотел. Н* зашел внутрь сортира, осторожно ступая на прогнившие старые доски пола, стараясь не слишком изгадиться, и вдруг тихо, но явственно откуда-то снизу, из выгребной ямы до него донеслись звуки музыки...

Звучал хор «Gloria» из второго действия «Аиды», причем в превосходном исполнении... Не обращая внимания на вонь и грязь, Н* с удовольствием дослушал до места, где вступает Радамес: «Concedi pria che innanzi a te...», и только потом задался вопросом – а откуда, собственно говоря, «там» мог оказаться Димитр Узунов? (В том, что Радомеса пел Узунов он не сомневался.)

Н* осторожно наклонился над грязным «очком», но ничего интересного в яме с дерьмом не увидел, а то, что увидел я описывать не стану, чтобы не разрушать тот возвышенный дуэт Аиды и Амонасра, к которому уже добралось действие оперы: «Ma tu, Re, tu signore possente...»

Н* вышел из туалета и стал его осматривать снаружи. Вскоре он заметил маленькое окошечко на казавшейся ранее глухой стене дома. Из этого окошечка совсем тихо, но доносилась та же «Аида»!

Теперь ясно: видимо, в доме есть туалет, из которого канализационная труба ведет прямо в яму. В доме слушают музыку, звуки по канализационной трубе доносятся до туалета во дворе, и дерьмо начинает петь.

Приятно, конечно, когда явления, кажущиеся вначале непонятными, получают свое научное объяснение.

При этом, впрочем, пропадает и загадка, исчезает и то, что питает поэзию, фантазию, что делает нашу жизнь не простым или сложным физико-химическим процессом, но таинством.

Н* вышел со двора, продолжая посматривать на домик, в котором звучал Верди, и за стеклом низенького окошка, между мощных зеленых когтей столетника заметил от руки написанное объявление: «Коррекция жизни. Прием с 10-и до 5-и».

«Хм, – усмехнулся он, задумчиво глядя на малограмотные каракули, – надо же... И чего только на свете не бывает...»

В это время занавеска отодвинулась, и к стеклу приблизилось морщинистое лицо лысого старика, который улыбался и помахивал рукой, приглашая к себе.

Н* улыбнулся, приложил руку к груди и слегка наклонился в знак благодарности за приглашение, но при этом покачал головой, отказываясь. Тогда старик ладонью показал: «Подожди», и занавеска задернулась.

Н* не успел отойти, как старик вышел из соседних ворот. Он был в полосатой пижаме, но при этом в рубашке с галстуком, сильно, впрочем, засаленном – так бывает, если галстук не развязывают и завязывают, когда его снимают и надевают, а годами пользуются однажды сформированным узлом, лишь растягивая и сужая петлю. На босых ногах старика были мягкие тапочки на войлочной подошве с примятой пяткой. Старик приветливо улыбнулся:

– Заходите, заходите, молодой человек... Не пожалеете.

– Да нет, спасибо, – поблагодарил Н*, собираясь двинуться дальше.

– Вы напрасно стесняетесь. Я же вижу, что вас заинтересовало мое объявление. Согласитесь, вы ведь действительно хотели бы узнать, что значит «корректор жизни», продолжал старик спокойным тоном.

– В общем, пожалуй, хотел бы, – согласился Н*.

– Тогда заходите, не бойтесь. Вы ведь не очень спешите, – так мне кажется.

Н* посмотрел на часы и ответил, что он действительно не спешит, но и о времени не забывает.

– Ненадолго, впрочем, заглянуть можно, – сказал Н* и пошел вслед за стариком.

– На полчасика, не более, – заверил его хозяин.

По двору бродили куры, рос виноград, обвивая крыльцо и крышу, посередине двора – водоразборная колонка, окруженная зеленой лужей. Н* вслед за стариком поднялся на крылечко из трех ступеней, на котором мирно спала рыже-черно-белая, «счастливая» кошка.

Жилище старика, который представился как Петр Петрович, было типичным для этой части старого города: в тамбуре располагалась газовая плитка на две конфорки, малюсенький коридор служил одновременно кухней, из коридора, который был еще и прихожей, вела дверь в единственную комнату. В прихожей Н* успел заметить на стенах старые афиши и еще одну дверь – в маленькую кладовку, из которой можно было попасть в крошечный туалетик.

В комнате кроме запахов старых вещей и валерьянки, стоял большой круглый стол, накрытый старой бархатной скатертью, шифоньер с зеркальной дверцей, сервант, на котором располагался проигрыватель – источник «Аиды», накрытая молдавским ковром тахта, три стула – вот, пожалуй, и все. Ну, естественно, не забудьте, что и пол и стены были завешены коврами красно-черно-зеленой расцветки, а с потолка на электрошнуре свисал розовый абажур.

В комнате было темновато: единственное окошечко, на котором и располагалось примечательное объявление, было маленьким, заставленным цветами, да еще и занавешенным тканью, бывшей некогда тюлем.

– Присаживайтесь, – Петр Петрович выдвинул стул, – сейчас я выключу...

– Не стоит, я люблю Верди, – несколько манерно, желая продемонстрировать свою эрудицию произнес Н*, – скажите, это не Димитрий ли Узунов поет Радомеса?

– Господи! – всплеснул руками Петр Петрович, – ну, слава Богу! Не перевелись еще любители и знатоки хорошего пения! Как я рад, как рад... Сейчас я вас угощу чаем с вареньем...

– Спасибо, не стоит, – начал отказываться Н*, понимая, впрочем, что делает это лишь для приличия.

– Сейчас, сейчас, – захлопотал старик, доставая из серванта чашки и блюдца, которыми, возможно, не пользовался несколько лет, – сейчас я их сполосну...

Петр Петрович вышел на «кухню», то есть в прихожую, где была приделана к стене чугунная эмалированная раковина с краном и продолжил:

– Я, видите ли, вдовец... Уже три года, как моя Мария Михайловна отошла в мир иной, а я все копчу тут небо, ждать ее там заставляю... Раньше-то у нас и гости бывали... Детей-то нам Бог не дал...

Петр Петрович принес чашки, поставил их на стол, стряхнув с них капли прямо на пол и вернулся на кухню, чтоб поставить на газ зеленый эмалированный чайник.

Вернувшись, он посмотрел на стол, хлопнул себя по лбу, и снова вернулся в прихожую-кухню.

– Петр Петрович, перестаньте хлопотать, присаживайтесь, или скажите, чем я могу вам помочь, – заговорил Н*.

– Сидите, сидите... Я сейчас варенье достану... – донесся его голос из кладовки, – вам какое: вишневое, абрикосовое, персиковое, виноградное или кизиловое?

– Да любое, господи...

– Нет, вы уж выбирайте. У меня отличные варенья, это еще жена покойница варила... А есть-то их некому... Я помру, так и пропадет все...

– Ну, давайте тогда кизиловое, – ответил Н*, чтоб как-то прекратить эту суету.

Вскоре Петр Петрович вернулся с двухлитровой банкой, накрытой вместо крышки плотной бумагой, примотанной зелеными нитками «мулине». На бумаге было написано: «Кизил. 19.. год». Поставив банку на стол, он сказал: «Откупоривайте», а сам снова бросился обратно в кладовку.

Н* все еще пытался развязать узелок, когда старик вернулся, неся в руках глиняный кувшин, распространяющий знакомый запах «Изабеллы».

– Ну, уж это-то зачем, Петр Петрович, – укоризненно начал Н*.

– «Вин-вино-вино-вино, оно на радость нам дано», – пропел старик, бросаясь к серванту, – сейчас, стаканы поставлю, – и все!

Но это было еще не все. Старик еще несколько раз сбегал в кухню, в кладовку, забирался в нижнее отделение серванта и угомонился лишь тогда, когда на столе стояли тарелки, блюдо с брынзой, помидорами, луком, на блюдце лежала нарезанная ветчинно-рубленая колбаса, а на деревянной дощечке – нарезанный хлеб.

– Попробуйте, это тулбурел нового урожая, – сказал Петр Петрович, наливая мутно-розовый напиток в граненые стаканы. – Я сам уже давно не делаю, а вот сосед угостил. Ваше здоровье!

Н* никогда не забывал, что тулбурел – напиток особенный, поэтому осторожно попробовал молодое вино, пригубив четверть стакана, и поставил стакан на стол.

– Пейте, пейте, не стесняйтесь... У меня еще есть, – стал уговаривать старик.

– Да не в этом дело... Мне еще сегодня поработать надо, а тулбурел – штука коварная. – Я свой организм знаю, – стал оправдываться Н*.

– Вам виднее, вам виднее, но и не стесняйтесь. Я не уговариваю, но и вы не стесняйтесь. Закусывайте... А кем же вы работаете, что в выходной день собираетесь что-то еще делать?

– Я преподаю в институте.

– Боже, как интересно! А что же вы преподаете?

– Начертательную геометрию и машиностроительное черчение, – ответил Н*.

– Так вы, значит, инженер? – с уважением переспросил Петр Петрович, и не дожидаясь ответа, забормотал, – инженер, надо же... хорошая профессия... А я сначала подумал, что вы музыкант... Не каждый так сходу определит... Вы, стало быть, инженер и любитель оперы – правильно? – торжествующе сформулировал старик.

– Так точно. Но, все-таки ответьте – это Узунов, или нет?

– Узунов, голубчик, он самый... А какие остальные имена – вы сами прочитайте, – старик протянул коробку от пластинок, на обложке которой сверху было написано: «Verdi. Aida. Corul şi orchestră operei de stat din Viena. Dirijor Lovro von Matačić». По середине крупными буквами шли имена: Giulietta Simionato, Leontyne Price, Dimiter Uzunov, Ettore Bastianini.

– Вот это да! – восхитился Н*, – откуда это чудо у вас?

– Из Румынии... Мне тут привезли вот... – уклончиво ответил старик, – в молодости я, знаете ли, выступал на эстраде, в цирке... В Кишиневе был зал такой «Одеон»... Я, по правде сказать, объездил пол-Европы, был, конечно, в Бухаресте, в Париже.. С Петей Лещенко выступал, с Аллой Баяновой...

Двух стаканов тулбурела оказалось достаточно, чтоб позабыть о времени, чтоб почувствовать себя как дома, чтоб начать подпевать пластинке, чтоб обнимать друг друга за плечи и не испытывать никаких проблем.

И, все-таки, когда за окном стемнело настолько, что пришлось включить лампу, Н* вспомнил, что причина этой нежданной вечеринки – объявление!

– Петр Петрович, так что же, все-таки, это значит: корректор жизни? – спросил Н*.

– А-а-а, не забыл... Молодец, – старик посмотрел прямо в глаза, – это очень серьезная штука. Садись и слушай. Как я сказал, я выступал раньше на сцене... Но я не пел и не плясал, я читал мысли, давал сеансы гипноза...

– Так вы гипнотизер?

– Да, был и гипнотизером, но потом я стал корректором жизни!

– Так что же это такое?

– После войны мне пришлось долгое время жить и работать в Тюменской области. Там я и усовершенствовал свое мастерство – один зек научил... На зоне очень хочется любым способом стать хоть ненадолго счастливым... А высшее доступное счастье было у нас одно: власть над прошлым! Над настоящим властвовали не мы, будущего у нас не было... Так что, оставалось одно – власть над прошлым.

Н* сел на стул, облокотившись руками на стол, а старик продолжал стоять, держа в руке свой стакан:

– Я могу изменить твою жизнь!

– Как это?

– А вот как. Я могу изменить ход событий, которые имели место в твоем прошлом. Ты хотел бы что-то изменить в своем прошлом?

– Разве прошлое можно изменить?

– Я – могу.

– Этого не может быть...

– Еще как может! Ты подумай – что такое прошлое? Ведь его уже в действительности нет. Это миф, это наши воспоминания, это наше представление о том, что было, а, может, и не было, на самом деле. Вот это-то я и могу полностью поменять.

– И все-таки, не понимаю...

– Помнишь романс: «Но память, наш злой властелин...» Из злого властелина я сделаю доброго волшебника, добрую фею... Вспомни, например, такое детство: отец, скажем, алкоголик, неудачник, вечно пьяный слесарь-сантехник. А будет профессором, артистом, или депутатом... Мать – уборщица? – будет балериной, или, скажем, врачом... Ты будешь в это верить, как в непреложный факт твоей биографии. Или, наконец, приведу такой пример. Было ли в твоей жизни что-нибудь, или кто-нибудь, кто тебя обидел, и обида не забылась?

– Ну, вероятно...

– А я могу сделать так, что обида исчезнет из твоей памяти, само событие, вызвавшее обиду исчезнет... Вместо него возникнут совершенно другие воспоминания, ощущения... Ты будешь помнить, что ты не проиграл, а выиграл, что тебя не обидели, а, наоборот, тобой искренне восхищались и т.д. Понятно?

– Кажется, понятно... То есть понятна эта ваша мысль, но не вполне понятно, как вы, все-таки, можете это изменить?

– Сие есть таинство... Но если ты захочешь и впустишь меня в твое сознание и подсознание, я изменю все, что угодно. Но только, если ты сам этого захочешь. Так что, подумай...

Н* начал думать и вспоминать...

Вчера, например, заведующий кафедрой – Валерий Петрович Моршанский опять на него набросился, причем безо всякого повода. Н* понимал, что причина лишь в том, что работу сейчас найти непросто, а на его должность есть и другие претенденты. Н* даже знал, ради кого заведующий его выживает. Да, это была обида, обида на несправедливость. «Ну, предположим, старик «исправит» мою башку так, что Валерий Петрович будет казаться мне ангелом, лучшим другом, человеком, желающим мне только добра, – размышлял Н*, – но ведь сам Валерий Петрович от этого не изменится и будет продолжать свою травлю. А я просто стану выглядеть идиотом, или, что еще хуже, подхалимом, лишенным собственного достоинства. Нет, это не годится. С такими вещами надо справляться самостоятельно».

Петр Петрович незаметно куда-то вышел, и Н* сидел в комнате один, продолжая размышлять над собственной судьбой и возможностью ее исправления.

«Надо вспомнить что-то далекое. Ну, например, этот подонок Филипп».

Филипп – некогда довольно близкий приятель – несколько лет назад вовлек Н* в пренеприятную историю. Когда-то они учились в одном классе, довольно часто общались все эти годы, поэтому Филипп и попросил Н* помочь его племяннице поступить в Политехнический. Племянница была нормально подготовлена, да, к тому же, она не претендовала на какую-то дефицитную специальность. Ее устраивал строительный факультет, причем по специальности «водоснабжение и канализация», куда всегда был хронический недобор. Н* поговорил с друзьями в приемной комиссии, и они его заверили, что проблем у девочки не будет. Девочка, действительно поступила, но оказалась то

ли дурой, то ли сволочью, но она на всех углах стала трепаться, что «доцент Н* – друг ее отца», что «на экзаменах ее вообще не спрашивали» и т.д. И это бы не представляло угрозы, если бы ее же школьная подруга, которая не смогла поступить, не написала кляузу в Министерство о том, что доцент Н* за взятку устроил в институт дочь своего школьного товарища. Н* начали таскать по парткомам, дура-девочка подтверждала, что еще до поступления она с отцом приходила к Н* домой, и он решал с ней задачи по математике, а в довершение всего, в разгар событий Филипп взял, да и эмигрировал. Н* чудом удержался, и если б не вмешательство старых друзей его отца – выгнали бы с волчьим билетом. Но самое обидное было то, что Филипп еще до отъезда повел себя подло: на все вопросы Н* он отвечал – это твои проблемы, а мне своих хватает. Подонок!

«И что же? Нарисовать теперь в памяти другую картину: не было ни унижений со стороны парткома, ни подлости со стороны Филиппа? А зачем, когда прошло уже много времени, обида поутихла, проблемы позабылись?..»

Н* вспоминал многие подобные эпизоды из своей жизни. Добрался даже до всколыхнувшегося вдруг чувства зависти к соседскому Вадику, который не давал ему покататься на своем велосипеде, – а было им тогда лет по пять!

«Ну, это не серьезно... Не о такой ерунде надо думать. Надо попробовать изменить мое отношение к чему-нибудь. Не обстоятельства, а мою оценку обстоятельств. Например – мне не нравится теперешняя власть... Это меня раздражает, даже, пожалуй, мучает. Пусть старик-корректор создаст во мне другое отношение к этой власти. Даже не надо, чтоб я полюбил, достаточно полного равнодушия, а?»

Мысль на некоторое время заняла Н*, но потом он подумал, что «через два года президента переизберут, власть поменяется, придут новые, причем, скорее всего, еще хуже, а к ним-то я уже не буду равнодушен... Так зачем эти хлопоты...»

«Нет, я, видимо, слишком глуп... Совсем я не готов к встрече с Золотой Рыбкой! Неужели я так ничего и не придумаю? А что если попросить его вот о чем... Если б я был евреем, я бы уехал в Америку, или в Германию... Это ведь и вообще неплохо – быть евреем: вся их древняя история – моя, все их артисты, музыканты, ученые – мои! Я буду всем этим гордиться! Я стану частью великого международного сообщества, я перестану чувствовать себя одиноким, незащищенным!»

«М-да... Мысли, образы, воспоминания, ощущения – это, конечно хорошо, только для успеха в этом деле нужно еще кое-что материальное добавить – документики, например, а кое-что, не просто материальное, а прямо-таки плотское – убавить... Иначе совсем уж глупо: я считаю себя евреем, а все остальные – нет. Таки идиот!»

И вдруг – осенило: Надя Максимова!

Одноклассница. Точнее, из параллельного класса. Они вместе занимались плаваньем, вместе ходили на тренировки, встречались, ходили в кино, целовались...

Однажды поздно вечером, пожалуй, даже ночью, они засиделись на скамейке в Долине Роз, там, где аллея из старинных шелковиц. Они ели спелые, упавшие на землю ягоды, в темноте собирая их прямо в траве, и губы почернели, и руки, а потом они мучили друг друга в объятиях, в попытках добраться друг до друга...

Но ничего, ничего не вышло: они боялись, они были слишком юными...

Потом таких вечеров больше не было, а после школы она уехала в Ленинград, и они больше так и не встретились.

«Пусть он осчастливит меня хотя бы в памяти. Пусть в моих воспоминаниях все будет, все произойдет. Пусть будет долгая ночь упоительной любви, небывалых ощущений первой в жизни сексуальной свободы, радости, раскрепощенности!»

Н* дал полную свободу фантазии, представил себе, как эротический кинофильм, все необходимые видения, а потом вдруг задумался: «Положим, дед что-то действительно может мне внушить, но где уверенность, что нарисованная им картина хоть в чем-то совпадет с моей? Ведь он мне там такого секса может наворочать, что жить с этим будет тошно... Нет, уж лучше я как-нибудь со своим собственным сексуальным опытом доживу».

Петр Петрович вернулся и бодренько спросил:

– Ну, как, не заскучали? Готов ли ваш заказ?

– Да, Петр Петрович, интересный вы мысленный эксперимент предложили... Я чувствую себя выжившим из ума стариком из сказки о Золотой Рыбке.

– Ну, что ж, может еще по стаканчику тулбурела? Для освобождения, так сказать, психологических зажимов...

– Нет, спасибо, уже поздно, спасибо вам за все...

– Так что же, вы так ничего и не хотите изменить в своей памяти, – хитренько улыбаясь спросил старичок.

– Выходит, что ничего, – ответил Н* и направился в прихожую, вытаскивая по дороге из кармана пачку сигарет, и тут его осенило: – Слушай, Петр Петрович, а ты можешь сделать так, чтоб я курить бросил, а? Разрушить во мне образ сигареты как чего-то привлекательного?

– Могу, конечно, но, думаю, что ты и сам теперь с этим справишься. Если сильно захочешь. Ну, а не получится – заходи. Я всегда буду рад тебе. До свидания.

– До свидания, Петр Петрович, до свидания.

Н* шел по темной, неосвещенной улице, но запахов он уже не ощущал, зато хорошо слышал музыку, много-много музыки.

Права молдавская поговорка: «Водка идет рядом с тобой, а вино – догоняет!»

ДЕД-ОБОРОТЕНЬ

Александр ЛИБИХ

По образованию филолог, работал наладчиком на Челябинском тракторном заводе, сейчас – пенсионер. Пишет сказки, фантастические рассказы, юморески на русском и, изредка, на немецком языках. Публиковался в журналах «Странник», «Тропинка», «Урал», «Ступени», в альманахах «Мечел», «Уральская Хахалогия», «Семь кругов сказки», в газетах. г. Челябинск.

Эту историю я слышал в детстве от молодого башкира, товарища отца.

Было раннее, но уже знойное июльское утро. Несколько открытых, переполненных людьми машин медленно ехали по пыльной проселочной дороге, увозя челябинских строителей на прополку картофеля.

Многие взяли с собой детей. Ребята постарше могли помочь родителям, а малышей тоже пришлось взять, потому что в воскресенье детский сад был закрыт.

Нас, детей, посадили в середине машины. Были мы разновозрастные, друг друга не знали и, храня достоинство, молча глотали пыль, равнодушные к попыткам взрослых развеселить нас.

Мужчины постепенно разговорились меж собой, и только Саша, совсем еще молодой парень, не отставал от нас. Его черные, на смуглом лице, удивительно большие глаза озорно блестели. Невысокий, узкоплечий, подобно подростку, и так загоревший, что у него стягивало кожу, он то и дело просил нас похлопать его по спине и плечам, ловко и неожиданно поворачиваясь ко всем по очереди, – и ни одна детская ладошка не осталась без работы.

Вдруг Саша – его называли этим русским именем, хотя, вероятно, настоящее имя у него было другим – получил столь мощный хлопок, что чуть не клюнул носом дно кузова.

Усатый толстый мужчина с добродушно-ужасной улыбкой Гаргантюа потирал ушибленную ладонь о колено и, вынув изо рта трубку, сказал:

– Сашка, а ты им расскажи про оборотня!

Увы, пришел черед грустной фразе о том, что пишущий эти строки не в силах передать все очарование услышанной истории, бесконечные, но ненавязчивые ужимки рассказчика, забавно скрипучий башкирский акцент, путание рода слов, насмешливые и порой резкие (рассказчику многое прощается!) ответы взрослым, которые напрасно ироническими замечаниями и хохотом пытались скрыть, что увлечены рассказом не меньше, чем дети.

***

– Васька... Вась, где ты?

Луч фонарика суетливо прыгал, освещая то куст, то камень, то подорожники. Из полосы света мелькнула в темную траву испуганная ящерка. Или голова змеи?.. Гриша попятился. Наткнувшись на большой, высотой по колено, камень, он вздрогнул, но тотчас догадался, что это камень встал на него и, зябко ежась, прислушался. Нет, все тихо... только дождь.

– Васька, ты не прячься, а то получишь!

Капал мелкий холодный дождь, едва слышно позвякивая на камнях. Ровно дул слабый ветер. Луны не было видно, но порой уголок неба, где находилась луна, из черного становился темно-фиолетовым.

«Спит Васька, завтра будет дразнить... Ничего, я тоже скажу, что не приходил!»

Впереди, в той стороне, куда смотрел Гриша, появился луч света. Мальчик радостно вздохнул и выключил фонарик. Свет приблизился, зашарил по кустам и камням.

– Гришка, я же видел свет!

Гриша, сдерживая хихиканье, снял с головы фуражку и с силой бросил ее на землю.

– Гришка, – голос у Васи дрожал, – ты что ль шуршишь? Включай фонарик, а то я свой выключу!

– Вась, да я здесь, рядом, – поспешно отозвался Гриша.

Вася направил фонарик на голос.

– А зачем ты на камень залез?

Помедлив, Гриша промямлил:

– Вдруг бы ты не по той дороге пошел. Я с камня бы увидел и крикнул.

– Я че, дорогу что ли на кладбище не знаю, – проворчал Вася.

Гриша спрыгнул с камня и принялся искать фуражку. Он ее сразу приметил, но хотел подурачиться и светил фонариком немного в стороне.

– Ну, скоро ты? – Васе надоело ждать, и он тоже начал искать фуражку.

– Стой! – вдруг закричал Гриша, но было поздно.

– Вот она... – Вася вытянул фуражку из-под своего грязного ботинка, встряхнул ее, стукнул несколько раз по колену, сбивая с нее пыль и грязь, и протянул товарищу. – Возьми, Гриш.

Тому стыдно было ругаться, и он только тихо ворчал, вытирая фуражку рукавом пиджака.

– Пойдем что ли... – голос у Васи все еще был виноватый.

Мальчики пошли по тропинке, стараясь светить фонариками под ноги, но постоянно спотыкаясь о камни и корневища.

– Помни, Гришка, уговор. Удерешь первый – отдашь солдатский ремень!

– Смотри сам не хлызди, когда придется бинокль отдавать, – угрюмо ответил Гриша и через несколько шагов с уважением добавил: – Классный бинокль! Я такой в кино у партизан видел.

Вася споткнулся, но не при мысли о кладбище: страшнее было подумать о том, что сделает мать, когда узнает о пропаже бинокля. Живо представив эту картину, Вася твердо решил не отступать перед мертвецами. Он уныло подумал, что даже в случае победы выигранный широкий солдатский ремень сулит в будущем немало испытаний.

Гриша тоже был невесел. Зная свою трусливую натуру, он не сомневался в том, кто побежит первым. В смелости Васи он был уверен (трусливому остальные люди всегда кажутся смельчаками). Гриша размышлял, как бы исхитриться, чтобы не отдавать ремень: в конце концов, завтра можно будет наврать всем, что Васька первый удрал – пусть докажет, что не так!

Гриша удивился своей находчивости и стал радостно посвистывать.

«Гришка, конечно, смельчак, – обреченно думал Вася, слушая беспечный свист. – Наверно, оба пропадем».

Но что это?.. Вася остановился и схватил Гришу за руку.

– Перестань, Гриш...

Голос у Васи дрожал. Гриша невольно тихо заклацал зубами.

– Перестань свистеть! – прошептал Вася.

– Я не свищу... – с трудом выговаривая слова, начал было оправдываться Гриша.

– Молчи, – обмирая, прошептал Вася. – Слышишь, орет?

Мальчики напряженно прислушивались к ночным звукам.

– Кто орет? – наконец прошептал Гриша

– С кладбища, будто человеческим голосом...

Еще с полминуты прислушивались.

– Трус ты, Васька!

Гриша засмеялся и презрительно сплюнул.

Вася, богатырски размахнувшись, дал приятелю тумака. Гриша бросился на обидчика. Оба свалились на землю, заворочались и запыхтели, пытаясь оседлать друг друга.

В это время со стороны кладбища донесся громоподобный, ужасающий рев. Мальчики мигом оказались на ногах.

Рев почти сразу прекратился, но теперь был слышен тихий, далекий человеческий крик.

– Наверно... это... оно... человека жрет, – предположил Вася, – или мертвеца...

Гриша почувствовал, что сейчас заверещит по-заячьи, и, действительно, начал уже тихо постанывать, но все звуки опять заглушил жуткий рев.

Мальчики вихрем полетели по тропинке, и на этот раз никто не споткнулся. Выбежав на проселок, они помчались было к деревне, но впереди показались огромные желтые глаза.

– Ааа! – закричал Гриша и, развернувшись так резко, что задел коленом землю, побежал в другую сторону.

– Гришка, это машина! – голос Васи остановил его.

– Машина?

– Кажись...

Несмотря на то, что оба тяжело дышали, они теперь слышали гул мотора. Ненадолго свет потух – машина ехала по низкому участку дороги, – потом опять стало видно фары.

Неожиданно Гриша подбежал к Васе и, показывая дрожащей рукой на темноту позади, прошептал:

– Вась, там что-то...

Нервы у Васи не выдержали, и он побежал навстречу машине. Гриша наступал ему на пятки, и Вася иногда чуть не падал, но от этого скорость только увеличивалась.

– Помогите! Скорей! – вопили оба героя.

Мотор взревел, и свет фар стремительно понесся навстречу.

Не успела машина остановиться, как мальчики вскочили на подножку кабины.

Водитель осторожно, чтобы не столкнуть ребят, открыл дверцу и вышел из машины.

Мальчики узнали шофера – дядю Тимофея. Он и его отец, экспедитор Иван Сидорович, ехали в областной город.

– Ну что там, Тимофей?

– Да ничего не видно, отец... Чего вы, пострелята, испугались?

Иван Сидорович, недовольно пыхтя, вылез из кабины.

– Ты бы, Тимофей, сначала спросил, что они здесь ночью делают.

– Там... дядя Тимофей... – Васе трудно было говорить, потому что он еще не отдышался, – кричит...

– Что это ты, дядя Тимофей, там кричишь?

Шофер засмеялся, подошел к Васе, которому был дальней родней, и взял на руки.

– А почему, Васек, ты со своим дружком по ночам шатаешься?

– Сказать надо Василию, чтобы драл сынка почаще, пока еще поперек лавки умещается, – пробурчал Иван Сидорович и внимательно посмотрел на Гришу. – А это чей, Меркулов что ли?

Гриша трусливо кивнул, ожидая, что сейчас раздастся: «Надо Меркулову сказать, чтобы драл сынка почаще».

Однако Иван Сидорович только махнул рукой.

– Меркуловы все баламутные.

Это обидело Гришу, и он довольно твердо сказал:

– На кладбище кто-то человека жрет.

Под пристальным взглядом Ивана Сидоровича Гриша опустил голову и, словно в оправдание, добавил:

– Или мертвецов...

– Да... – вздохнул Иван Сидорович.

– Правда, дядя Тимофей, – прижимаясь к твердому плечу шофера, Вася чувствовал себя в безопасности, – жрет человека и рычит от удовольствия, а человек плачет.

– А может, Васек, это мертвецы меж собой дерутся?

– Нет, – подумав, ответил Вася.

– Ладно, Тимофей, сади пацанов, придется их домой отвезти.

Дядя Тимофей посадил Васю в кабину.

– Покурим что ли немного, Тимофей?

– Ты бы все курил, отец, и так по ночам на весь дом кашляешь.

– Ну а ты храпишь на всю улицу, давай спички.

– Не курите, Иван Сидорович, – робко проговорил из кабины Вася.

– А ты вообще молчи покудова, потерпи, с мамкой сегодня вволю наговоришься.

Покурив, мужчины полезли в кабину. Гриша все еще стоял на подножке. Могучей пятерней дядя Тимофей взъерошил ему кудри.

– Не робей, парень. Садись, прокачу.

– Не войдем все, дядя Тимофей.

– Ничего, Ваську дед на колени возьмет.

И в это время со стороны кладбища донесся мощный рев.

– Вот... – после некоторого молчания сказал Вася. – А как человек плачет, отсюда, наверно, не слышно.

Дядя Тимофей спрыгнул на землю и, уперев руки в бока, слушал. Рев стих.

– Что это, отец?

Иван Сидорович опять недовольно запыхтел и ничего не ответил.

Дядя Тимофей заглянул в кабину.

– Васек, вы точно слышали, как человек кричал?

– Точно, точно, дядя Тимофей! – наперебой заговорили мальчики.

– Не ерзай, Васька, – проворчал Иван Сидорович, – не в кресле сидишь!

– Значит, говорите, точно...

Шофер прошел на несколько шагов вперед машины и, по-прежнему уперев руки в бока, вглядывался в темноту.

Снова раздался непонятный, страшный рев.

– Садись, Тимофей, это бык ревет.

– Какой же бык, отец... на быка совсем не похоже.

– Совсем не похоже, – поддержал Вася.

– Молчи, – одернул его Иван Сидорович. – Мамке расскажешь.

Дядя Тимофей подошел к машине и неуверенно сказал:

– Отец... эти гаврики говорят, там человек кричал.

– Они тебе много наговорят. Всему верить будешь?

Дядя Тимофей промолчал.

– Рассуди умом-то, – немного погодя заговорил Иван Сидорович, – кто ночью на кладбище пойдет? Разве вот Васька.

– Так я и думаю, отец, может, с каким пацаненком что-нибудь случилось?

Иван Сидорович что-то тихо проворчал.

Минута прошла в молчании.

– Ну, хорошо! – дядя Тимофей решительно шагнул в кабину, захлопнул дверцу и взялся за руль.

– Погоди... Правда, вроде не бык ревел.

– Конечно, не бык! Неладно что-то...

***

– Ой, не могу! – вдруг закричал Саша. – Умираю! Почешите спину!

Два мальчика стали энергично чесать худую загорелую спину.

– Ой, хорошо, ой, молодцы! – Саша изогнулся, откинув назад голову, зажмурив глаза, как кот. Почесывание продолжалось довольно долго.

– Не томи ребят, Сашка! – загремел «Гаргантюа».

– Спасибо, друзья! – Саша выпрямился. – Если вы меня так будете чесать, то я согласен рассказывать до вечера!.. На чем мы остановились?

Саша мельком взглянул на черноглазую девушку, сидевшую за две скамьи от него, и мне почему-то показалось, что вся эта история была для нее, именно для нее он так старался.

Девушка медленно отвернулась и стала смотреть на мелькавшие за бортом машины деревья.

Сразу несколько голосов повторили Саше последнюю фразу его рассказа.

– Внимательно слушали! – Саша засмеялся, потом несколько раз так грустно вздохнул, что мы замерли. – Забыл я, что дальше было... подождите... нет, забыл!

Девочка лет четырех встала, опираясь на колени рассказчика.

– Когда папа вечером сказку забывает, я его целую, и он опять рассказывает!

Саша молча подставил щеку.

***

– Правда, вроде не бык ревел...

– Конечно, не бык, – горячо проговорил дядя Тимофей. – Неладно что-то!

Иван Сидорович открыл дверцу кабины, пересадил Васю с колен на сиденье и вышел из машины. Шофер подошел к отцу.

Мужчины немного о чем-то поговорили, вновь достав папиросы. Затем быстро пошли вперед по проселку.

Мальчики растерянно смотрели им вслед.

Дядя Тимофей обернулся.

– Васек, ты с другом нас подожди, мы скоро придем.

– Мы с вами! – уже на бегу разом крикнули перетрусившие Вася и Гриша.

По-прежнему моросил холодный дождь, небо закрывали тучи, но по ровному проселку было легко идти. Взрослые размашисто шагали посередине дороги.

Ребята семенили по краям, то и дело обо что-нибудь запинаясь.

Когда свернули на тропинку, окруженную деревьями, сразу стало темнее. Вася и Гриша зажгли фонарики.

– Вот как, молодцы! – похвалил дядя Тимофей.

– Вы это... ребята... не говорите, что мы на кладбище ходили, – Иван Сидорович вздохнул и добавил: – А то вас обсмеют.

Почти у ворот кладбища ночных путешественников остановил все тот же жуткий, непонятный рев. Мальчики прижались к взрослым, ухватили их за полы пиджаков.

– Кажется, батя, из Чертовой ямы?..

– Похоже, – согласился Иван Сидорович.

Гриша и Вася зажмурились от страха. Ну конечно, страшный рев должен был раздаваться в Чертовой яме – где же еще!

***

– Дядя Саша, – прервал рассказ один из самых маленьких слушателей, который тоже зажмурил глазенки, – а почему... почему яму называли Чертовой?

Мы все зашикали на испуганного малыша, мешавшего рассказывать

– Не бойся, дружок! – Саша обнял его за плечи. – А яму называли Чертовой вот почему. Давным-давно яму эту выкопал один бродяга, искавший платину: он слышал от кого-то, что, если искать на кладбище, то дьявол поможет. Старики подговорили молодых парней, и те чуть не сделали бродяге карачун, то есть чуть не прибили до смерти за то, что он кладбище бесчестит.

Теперь послушаем, – Саша понизил голос до шепота, – что было дальше...

***

Медленно пробирались между могилами. Дядя Тимофей пробовал заговорить с отцом, но тот упорно отмалчивался. В давние времена Иван Сидорович был среди тех парней, которые избили бродягу, и тягостно было вспоминать, как азартно тузили грязного, яростно ругавшегося, но, в общем-то, беззащитного, исхудалого человека.

– Дядя Тимофей, – жалобно проговорил Вася, – а вдруг мертвец разозлится, что мы к его яме подошли?

Задумавшийся Иван Сидорович не услышал ответа.

«Конечно, оживших мертвецов, чертей и тому подобного нет, – размышлял Иван Сидорович, – но, может, какая-нибудь чертовщинка все-таки есть. Вот, когда Тимофей младенцем был, бабка ведь ему грыжу заговорила, перестал по ночам реветь».

Он искоса взглянул на высокую, хотя и немного сутуловатую фигуру сына. «Как рукой сняло. Вон... вымахал».

Иван Сидорович подумал, что очень неприятной была бы встреча со злобной душой бродяги. Разумеется, такой встречи не может быть, но вот если бы... ну, не душа, а сам осквернитель кладбища...

Неожиданно Иван Сидорович представил, как обтрепанный бродяга с раздвоенной бородой, развевающейся на ветру, гордо откинув голову, зло и почему-то чувствуя за собой силу, словно на суде, говорит: «Сладко было бить! Ндравилось!»

Пусть! Я бы ответил:

– Зачем на кладбище пакостил?

«Врешь! – ехидно бы засмеялся бродяга. – Ндравилось, ндравилось бить!»

Иван Сидорович упрямо склонил голову:

– Правда на моей стороне!

– Что? – удивленно переспросил дядя Тимофей, прислушиваясь к бормотанию отца.

«Лезет в голову всякая чертовщина!» – подумал Иван Сидорович, досадливо мотнул головой, вытряхивая чертовщину, и зашагал веселей.

«Да у Тимофея вовсе и не грыжа была. А бродяга давно в какой-нибудь другой Чертовой яме сгнил, и кости истлели, – так успокаивал себя Иван Сидорович, но исподтишка подкралась и мелькнула мыслишка: – Если что, Тимофей не выдаст».

– Фу, ты! – опять забывшись, вслух ругнулся Иван Сидорович и с трудом удержался, чтобы не развести руками, удивляясь привязчивости чертовщины.

– Ты что ругаешься, батя? – весело спросил дядя Тимофей.

– Поскользнулся, – не сразу ответил Иван Сидорович и придирчиво добавил: – А тебе и смешно.

– Да что ты, отец, сегодня такой ворчливый?

– Иди знай...

– Так пришли уже. Васек, не упади.

Вася испуганно застыл на месте, только теперь увидев впереди широкий черный провал, и осторожно отступил.

Дядя Тимофей, немного опустив голову, спросил над ямой:

– Кто кричал?

Обернувшись к мальчикам, он тихо хохотнул, показывая, что его вопрос шутка.

Из ямы раздался страшный, непонятный, но явно человеческий голос.

Все отпрянули от ямы.

Голос почти тут же стих. Никто не смел пошевелиться. Наконец дядя Тимофей достал из огромного бокового кармана пиджака моток толстой веревки, который держали в машине для крепления грузов.

– Придется лезть. Наверно, пьяный кто-то свалился в яму.

Дядя Тимофей принялся обматывать себя веревкой.

Глядя на него, Иван Сидорович сжал зубы и со стыдом подумал: «Неужто сыну за мой грех в яму лезть...»

– Нет, Тимофей, – Иван Сидорович остановил сына, – я сам.

– Почему? – растерялся дядя Тимофей. – У меня ведь, прости, отец, сил побольше.

– Побольше! – ворчливо передразнил Иван Сидорович. – А подумал, как такого борова буду обратно тащить?

Помедлив, дядя Тимофей недовольно сказал:

– Верно...

И передал веревку отцу.

Обвязавшись ею, Иван Сидорович опустился на четвереньки и, медленно пятясь, начал спускаться в яму.

Дядя Тимофей, надевший рабочие рукавицы и вставший для лучшего упора за дерево, тяжело задышал.

– Гришка, поможем! – Вася ухватился за веревку и вскоре тоже тяжело задышал.

И Гриша бросился якобы помогать, но не сопел натужно: он просто держался за веревку и беспокойно осматривался. Ему было очень страшно и досадно. Он злился, что не догадался встать впереди Васи: если кто-то подкрадется сзади, то нападет на последнего, а Васька с дядей Тимофеем успеют удрать.

Из ямы вновь донеслось бормотание... Гриша от страха присел на корточки, не сразу узнав голос Ивана Сидоровича.

– Тяжело, Тимофей?

– Ни-че-го, – выдохнул шофер.

Но вот туго натянутая веревка ослабла, дядя Тимофей выпрямился и облегченно встряхнул плечами. Холодные капли дождя падали ему на лицо, от глубокого дыхания высоко поднимались плечи.

Гриша забыл о таинственных чудовищах, с восхищением глядя на дядю Тимофея, который казался необоримым богатырем.

Ночной мир властно напомнил о себе, когда Вася, обернувшись к товарищу, с широко раскрытыми от ужаса глазами прошептал:

– Деда борется...

Гриша вздрогнул и вновь обрел заячий слух. В глубине ямы происходила какая-то возня.

– Батя! – позвал дядя Тимофей и вдруг отчаянно закричал: – Ба-а-тя!

– Чего орешь? – раздался злой голос Ивана Сидоровича, и немного погодя послышалось: – Тащи!

Дядя Тимофей и мальчики взялись за веревку. Тяжесть показалась огромной.

– Вверх... тащить... тяжелее... – медленно шептал дядя Тимофей.

– Угу... – сопел Вася.

Гриша молчал.

Веревку вытянули только метра на полтора, потом она вырвалась из рук. Вася покатился по земле, даже дядя Тимофей упал на колено.

– Сейчас мы по-другому, отойди-ка, Васек.

Дядя Тимофей уперся ногой в дерево и резко дернул веревку, откинувшись всем корпусом назад, потом повалился в сторону. Веревка врезалась в дерево, сосновая кора зашуршала, веревка немного скользнула назад, глубже вошла в кору и застряла.

– Ура, дядя Тимофей! – восторженно крикнул Вася.

Шофер передохнул несколько мгновений и вновь удачно повторил рывок с последующим маневром.

– Ура! – крикнули теперь уже вместе Вася и Гриша.

Страшный рев перекрыл их голоса. Рев постепенно перешел в какое-то обиженное тихое рычание.

– Отец... – хрипло проговорил дядя Тимофей.

– Что? – спокойно отозвался Иван Сидорович.

– Как же это?.. – спросил дядя Тимофей. – Ревет...

– Так больно ведь, веревка в мясо врезается.

После долгого молчания дядя Тимофей опять принялся рывками вытаскивать веревку, не обращая внимания на постоянный рев.

Над краем ямы показался вроде бы козырек фуражки Ивана Сидоровича. Вася и Гриша подбежали к яме и вдруг с воплями бросились обратно, спрятавшись за дядю Тимофея, который готовился к новому рывку.

– Чего испугались?

Шофер поднял голову и... Звериная оскаленная морда возвышалась над краем ямы, жутко белели толстые, мощные зубы.

– Ууу! – испуганно и грозно замычал дядя Тимофей, веревка выпала у него из рук.

Что-то тяжело ухнуло о дно ямы, и оттуда донеслось:

– Хоть предупреждай, убьешь отца-то!

Вскоре вновь раздался голос Ивана Сидоровича:

– Хорошо... ноги целы.

– Оборотень... – прошептал Гриша.

Дядя Тимофей молча смотрел на него.

– Сам ты оборотень! – яростно крикнул Вася.

– Нет, Васька, ты не знаешь, что такое оборотень, а мне бабушка рассказывала: это который то в человека, то в зверя превращается.

– Дедушка не такой! – чувствовалось, что Вася плачет. Сжав кулаки, он пошел на Гришу.

– Ну ладно... – устало сказал дядя Тимофей и, глубоко вздохнув, вытер рукавом пиджака пот со лба. Затем поднял веревку и вновь начал ее вытаскивать.

– Оборотень, оборотень! – без умолку, как полоумный, шептал Гриша. Он бегал туда-сюда, подобно маятнику часов, чтобы все время быть за дядей Тимофеем.

Вася стоял на одном месте и плакал, вытирая кулаками слезы. Дядя Тимофей при каждом рывке зло ухал, а потом, отдыхая, шепотом ругался.

– Потерпи, Тимофей, – донеслось из ямы, – немного осталось.

– Дедушка! – сквозь слезы закричал Вася.

– Ты что плачешь, Василек? Не бойся, сейчас меня дядя Тимофей вытащит.

Черные рожки показались над краем ямы. Мальчики напряженно всматривались. Рожки подрагивали. Шофер вновь мощно рванул веревку.

Длинная звериная морда высунулась из ямы. Зверь, казалось, улыбался, задирая верхнюю губу и обнажая чудовищные зубы. Ужасная пасть распахнулась, и в ночной тишине явственно прозвучало:

– Ну, еще разок, Тимофей!

Что было дальше, мальчики не видели и не слышали, потому что через минуту их пятки мелькали почти на околице деревни. В отдалении раздавалось тяжелое, но энергичное топанье дяди Тимофея. Вероятно, его кто-то догонял, пару раз шофер страшно кричал:

– Не подходи! У-убью!

***

Громовой хохот прервал рассказ. «Гаргантюа» вынул изо рта трубку.

– Ну это ты уже врешь, Сашка! Не такой Тимофей мужик, чтобы пятки показывать!

Саша подмигнул нам и с притворной доверчивостью спросил:

– А ты, видно, знал Тимофея?

– Да по твоему рассказу сужу, – немного растерянно проговорил толстяк.

– Значит, я плохо рассказывал. Извините, ребята! – улыбнувшись, Саша искоса взглянул на черноглазую девушку.

Ее рука опиралась на колено сидящего рядом усатого парня в тельняшке.

– Извинят, – сказал парень. – Ври дальше, еще не приехали.

– Неправда, что дядя Тимофей убегал, – упрямо поджав губы, проговорил один из малышей. – Взрослые ничего не боятся!

Помедлив, Саша ласково ответил:

– Ты прав, дружок.

Минута или две прошли в молчании. Саша грустно задумался.

«Гаргантюа» кивнул, его лицо расплылось в лукавой улыбке.

– Ладно, чего только не бывает! А самое удивительное, что есть на свете, – это красное солнце и славные дивчины! Эх, Сашка, глянь, какие красавицы вокруг, а ты грустишь!

– Посмотрите, разлюбезничался! – женщина, сидевшая позади толстяка, замолотила кулаком по его спине. – Ну, подожди, дома я с тобой разберусь!

– Ты что дерешься, Клавочка, я же тебя в виду имел!

Многие засмеялись, но вдруг усатый парень спокойно, без смеха сказал:

– С твоим ли пузом, Трофим, о красавицах думать...

Серьезность и суровость голоса неприятно поразили. «Гаргантюа» как-то весь напрягся и хотел было обернуться, но все-таки решил не обижаться. Подобрал живот и молодецки расправил широченные плечи.

– А где ты у меня пузо увидел? Что выше пояса – все грудь!

Раздался дружный смех.

Не дожидаясь, пока он стихнет, тоненькая девочка пододвинулась к рассказчику и робко проговорила:

– Дядя Саша... ну пусть, пусть бежал, а что было дальше?

Саша глубоко вздохнул и с усилием улыбнулся.

– Потом было вот что...

***

Добежав до своего дома, Вася перемахнул через забор, промчался по дворовой дорожке и заколотил кулаками и даже лбом по двери.

Потрясенный нахальным вторжением, лохматый, черный Чуха выскочил из конуры и, зарычав, бросился на защиту дверей хозяйского дома. Отважный сторож уже собирался прыгать на врага и передние лапы были в воздухе, когда он узнал Васю.

Чухе с трудом удалось опустить передние лапы, он заскользил по земле, крыльцо стремительно приближалось. Заботясь о чувствительном к боли носе, он развернулся, врезался задом в крыльцо и обиженно завизжал.

Загремел засов, и одновременно загремел мощный, хотя и женский голос:

– Это какому пьянчуге не спится? Сейчас ты у меня протрезвеешь!

– Это я, мамочка! – закричал Вася.

Дверь распахнулась. Вася влетел в прихожую и, трясясь всем телом, обнял грозную, недоумевающую мать, стоящую с опущенными пока еще руками.

– Пшел! – раздалось через несколько мгновений.

– Н-нет! – заверещал Вася, прижимаясь к матери и не зная, что «пшел» относилось к Чухе, который в этот момент сунул в прихожую свою лопоухую морду, на всякий случай придав ей виноватое выражение.

Рука матери взяла Васю за шиворот, легко повернула и толкнула вперед, в комнату.

Отец, в майке и трусах сидевший на кровати, робко привстал.

– Полюбуйся, – угрюмо проговорила Вера Ивановна.

– Да, сын... – Василий Петрович осуждающе покачал головой, искоса преданно взглянув на жену.

– Полюбуйся, твое чадо, второй папа растет.

Вера Ивановна посадила сына на кровать рядом с отцом, а сама села в кресло напротив них. Воцарилась тишина, спешить Вере Ивановне было некуда.

Вдруг послышался топот сапог дяди Тимофея...

Впрочем, оставим на время Васю. Его ближайшее будущее выглядит безрадостным, но все-таки он дома, рядом с родителями, отец обнял Васю, во дворе порой сочувственно скулит Чуха. Так что сейчас нас больше заботит судьба Гриши.

Дом его был гораздо дальше, чуть ли не на другом конце деревни. Гриша запыхался и поневоле вынужден был бежать медленней. Наконец, пугливо оглянувшись, он вовсе перешел на шаг – и не только из-за усталости. Он представил, какой прием ждет его дома, и уже не хотелось торопиться.

Вы знаете, друзья, что у каждого существа есть средства защиты: медведя спасает сила, лису – хитрость, зайца – ноги. И если, например, Вася переносил порку за счет своей природной смелости и терпеливости, то Гриша в основном переносил порку за счет того, что избегал ее.

В задумчивости он перелез через забор. Позвякивая цепью, подбежал Барсик и стал ласкаться. Гриша рассеянно почесал своего пушистого друга за ухом. Барсик довольно заурчал.

– Тихо, Барсик! – испуганно прошептал мальчик.

Барсик затих. Гриша устало опустился в траву, вытянув ноги, и обнял собаку.

Шершавый теплый язык облизывал Гришины щеки: Барсику было скучно одному ночью, он обрадовался неожиданному появлению друга и, может быть, блаженно мечтал, что так теперь будет каждую ночь.

– Милый Барсик, – Гриша крепче обнял собаку, – я знаю, ты бы согласился, чтобы тебя выпороли вместо меня, но ты ведь ничего не понимаешь.

Барсик доверчиво облизывал Гришу. Мальчик снял фуражку и

вытер ею потное лицо, забыв, что фуражка грязная. Барсик, тихо и ласково заурчавший, обслюнявил другу лоб. Подул ветерок. Грише на волосы упал сухой лист. Мальчик поднял голову – и тут же вскочил, как ужаленный.

Он нашел выход! Вернее, не выход, а вход. Окно, через которое Гриша с часок назад вылез, оставалось немного приоткрытым. Он распахнул окно, взобрался на подоконник и хотел было уже спрыгнуть в комнату, но помедлил и, хитро улыбнувшись, снял сначала грязные ботинки. Через минуту Гриша сладко спал, а под окном, зевая, скулил Барсик.

Пока Гриша чесал Барсика, а тот облизывал трусливого путешественника, Вася и дядя Тимофей успели рассказать свои приключения.

Вера Ивановна недоверчиво качала головой и уже в четвертый или пятый раз спрашивала:

– А ты случайно не выпимши, Тимофей?

Вздохнув, она сама себе отвечала:

– Не видно, чтоб выпимши...

– А я верю, верю! – быстро заговорила Васина бабушка, которая, проснувшись от гула голосов, тоже пришла в комнату и сидела пока никем не замеченная.

Понизив голос, бабушка почти зашептала:

– Знаешь, Верочка, лет пяток назад сон мне был... Зверь такой с длинными ушами... или рогами, уж не помню...

– С ушами, бабушка, – зашептал Вася. – Я тоже сначала думал, что рога, а потом вижу – уши!

Вася хотел что-то добавить, но под взглядом матери замолчал.

– Вот, Верочка, и подходит ко мне это Ушастое, и поднимает копыта, и кладет мне на шею и душит...

Бабушка закрыла глаза и замолчала. С полминуты прошло в молчании. Вера Ивановна уже собиралась заговорить, когда бабушка снова открыла глаза и громко сказала:

– А теперь замечаю, похоже было Ушастое на деда, на Сидорыча. Вчерась у магазина он еще так на меня смотрел пристально...

Бабушка перекрестилась и обернулась к Васе.

– Ты уж, Василек, ложись седни у меня в комнате. Страшно мне... Я тебе на сундучке постелю.

– Не бойся бабушка, – срывающимся голосом проговорил Вася, – я еще топор возьму, а тебе кочергу.

– Это ты деда что ли рубить собрался? – загремел голос Веры Ивановны.

Вася пристыженно опустил голову.

Вера Ивановна посмотрела на дядю Тимофея.

– Бросил старика в яме... Не ожидала от тебя, Тимофей.

Она решительно поднялась, вышла из комнаты и почти тут же вернулась, на ходу надевая кофточку.

– Куда ты? – робко спросил Василий Петрович.

– Пойду деда из ямы вытащу. Мужиков-то у нас дома нет.

– Подожди, Вера, я сейчас, – засуетился Василий Петрович, – подожди, оденусь!

– Догонишь, если захочешь.

Хлопнула калитка, и Вера Ивановна зашагала по деревенской улице. Немного погодя позади показались Василий Петрович, дядя Тимофей и Вася. За ними бежала бабушка, обеими руками она держалась за длинный поводок, который Чуха натянул до предела. Возбужденный Чуха рвался вперед. Не выдержав бабушкиной медлительности, он нетерпеливо залаял.

Вера Ивановна оглянулась и остановилась. Подождав всех, она недовольно спросила бабушку:

– Мама, а собаку-то зачем взяли?

В это время со стороны ближнего дома раздался старческий голос:

– Кузьминишна, куды-ть вы всем колхозом?

– Разбудили лешего! – тихо проговорила Вера Ивановна.

Бабушка, узнав голос деда Петра, с которым была в хороших отношениях, обрадованно отозвалась:

– Идем мы, Петро, оборотня воевать!

***

– Вот и все! – Саша встал и потянулся, как после сна.

Мы были ошеломлены, но вскоре уже возмущенно кричали:

– Почему это? Нет! Совсем не все!

– Я говорю: – Все, приехали!

Улыбаясь, Саша ловко спрыгнул с машины и поднял руки, чтобы помочь черноглазой смуглой девушке:

– Прыгай, Зоя, не бойся, удержу!

Однако Зоя, видимо, сомневалась, что эти по-детски тонкие руки удержат ее. Она прыгнула, когда, оттеснив Сашу, на его место стал усатый широкоплечий парень.

Зоя и усатый парень, взявшись за руки, пошли по картофельному полю, а Саша еще долго стоял возле машины.

В обед мы просили его дорассказать историю, но он был не в духе.

– Да не о чем больше рассказывать... Все просто объяснилось. Один пьяница ехал на осле со свадьбы и уснул. Осел стал щипать травку вдоль дороги, а травка чем дальше от дороги, тем вкусней, так он забрел на кладбище и вместе с хозяином свалился в Чертову яму.

Ну, а когда Иван Сидорович спустился в яму, то решил, что справедливо будет сначала осла вытащить и потом уже пьяницу.

Саша замолчал.

– А расскажите, пожалуйста, еще сказку, – попросила тихая маленькая девочка.

– Нет, ребята, сказки кончились.

Саша отошел и лег под деревом в стороне ото всех.

А мы весело переговаривались, повторяя друг другу самое интересное из рассказа и почти сразу забыв рассказчика, так неожиданно загрустившего под ласковым солнцем и бескрайними небесами.

СУМЕРКИ ГОДА

Евгения ДЕРИЗЕМЛЯ

Родилась в семье военнослужащего. По профессии – менеджер. Увлекается написанием рассказов, стихов, сказок для детей с 2014 года. Лауреат и дипломант различных литературных конкурсов. Печаталась в сборнике поэзии «Pro Patria!», в литературном приложении к журналу «Мир фантастики», в газетах «Абетка кохання», «Абетка для дітей», «Абетка казок», «Товарищъ», «Просто культурная газета», в журналах «Веси», «Артбухта», «Золотая Пектораль», «Зарубежные Задворки», «Красиво сказано», в «Невском альманахе», в вестнике международного конкурса короткого рассказа «Zeitglas-2015». г. Кременчуг, Украина.

– Да-а-а, – медленно протянула Глафира, разглядывая незамысловатую обстановку в доме подруги.

Ничего особенного – печь, лавки, стол, сундук кованный у дальней стены, да икона Матери Божьей в красном углу. «И вправду продать нечего!»

– Может из одежи чего найдется?

– Да какая одежа? – махнула рукой Соломия. – Уж седьмой год в одной и той же юбке хожу. Так и сорочка шитая-перешитая, – в подтверждение своих слов женщина продемонстрировала собеседнице ровный шов на рукаве. – Сама ж знаешь, каким Федот при жизни был, – Солоха тяжело вздохнула, вспомнив мужа-покойника, – всю жизнь он мне испортил, ирод окаянный! – от досады она стукнула острым кулаком по столу. – Над каждой копейкой трясся.

И вправду, Федот при жизни был очень скупым, лишний раз мошну не открывал. Хотя все на селе знали, что деньги у мужика в заводе имелись. Ну а как же, ведь хорошим работником Федот был. Лучше него печных дел мастера во всей округе не сыщешь. А за хорошую печь и платили исправно. Да только куда он деньги девал – неведомо.

Глафира грустно покачала головой, слушая сетования соседки. Жаль ей было Соломию, вот только помочь ей женщина никак не могла.

– И что теперь делать? – запричитала Солоха, обхватив руками голову. – Как с долгами быть?

Как жив был Федот – жилось тяжело, а как помер – так еще тяжче стало. Даже перед кончиной не открыл он жене тайну, где деньги прячет. Вот и мыкалась бедная Соломия уже второй год – без мужа, без денег. Еще и долгов нажила. А долг, как известно, платежом красен. А чем отдавать? Уж все, что ценное в доме было – все продала, а долгов меньше не стало.

– А может еще раз в доме поискать? – пожала плечами Глашка, – того глядишь и тайник Федотов найдется!

– Да я уж за два года все перерыла, – горько вздохнула Солоха, – и на чердаке, и под полом, даже в сарае искала, – по-бабьи запричитала Соломия, – нигде нет!

– Вот так дела! – ахнула Глаша. – А ты знаешь что, подруга, ты не грусти. Лучше на стол вечером накрывай. Ведь как-никак Дмитров день грядет – родных поминать нужно!

– Не буду, – отрезала хозяйка дома, – да и кого поминать? Родителей что ли? – хмыкнула она. – Так ведь это они, родненькие, меня за Федота замуж выдали. А знали, что не хочу. Все одно силой отдали. Молодость мою сгубили! – слезы брызнули из темных карих глаз рассказчицы. – Или, может, муженька моего помянуть за то, что он жизнь мне испортил. Во всем отказывал. Я десять лет за ним прожила – недоедала. А теперь, значит, пир горой ему устраивай?! – женщина грозно сдвинула черные, словно смоль брови. – Э-э-э, нет! – твердо решила она. – Так и нечего на стол ставить. Во-о-о – последний рубль остался, – Солоха потрясла рублем перед носом гостьи и тут же бережно припрятала его за пазуху.

– А ты, Солоха, не горячись, а лучше послушай сперва. Сегодня день не простой. Этой ночью за накрытым столом весь твой род соберется, и деды, и прадеды, и родители, и Федот твой, само собой разумеется. Так что ты уж постарайся, – Глафира хитро прищури-

лась, поучая соседку уму-разуму. – Как соберутся все покойнички с твоего рода, наедятся досыта, напьются допьяна, довольными останутся, вот тут-то ты и поспрашай их, где деньги припрятаны. Уж они-то, покойнички, про все знают! – Глашка довольно крякнула.

– И то дело! – обрадовалась хозяйка дома.

Не мешкая ни минуты, побежала она на базар и скупилась на последний рубль. К вечеру стол ломился от яств. Тут были и сочные кулебяки, и пироги с разными начинками. В общем, всего, как и положено, поставила Солоха на стол двенадцать блюд из зерен и мяса. Еще и графинчик водки не забыла, ведь отец уж больно охоч до нее при жизни был. «Надо же старика уважить!»

Накрыла на стол Соломия и села во главе. Сидит, значит, гостей поджидает. Ровно в двенадцать послышался тихий стук в дверь.

– Кто там? – удивилась женщина, направляясь к выходу, но на пороге никого не оказалось. Только сильный холодный ветер ворвался в дом, словно смерч, кружа по комнате опавшую рыжую листву, будто в дикой пляске. Солоха еле успела закрыть дверь, чтобы еще больше сора со двора не нанесло.

– Ну и где же они? – хозяйка недовольно насупила брови.

«Зря только рубль последний извела!»

– Что ж ты, дочка, мешкаешь? – услышала она хриплый отцовский голос. Солоха вздрогнула.

– Мы тебя уж заждались! Негоже хозяйке гостей одних за столом держать! – с укором произнесла мать.

Как и при жизни, женщина взялась поучать дочку. Соломия обернулась к столу и застыла от увиденного. Вокруг щедро накрытого стола по лавкам расселись все покойные родственники. Вот и дед Григорий. Совсем как живой, только горло у него разодрано. «Это его волки в лесу загрызли!» А вот и баба Маруся. Все в том же зеленом платочке. «Совсем не изменилась!» Маленькая сухонькая старушка. Вот только при жизни она розовощекая была, а тут кожа у нее синяя, губы, будто инеем покрыты. «Но это и не удивительно, ведь замерзла старушка насмерть!» А вот и батька с мамкой. Сидят за столом, улыбаются. «Угощениям, стало быть, рады!»

Кого тут только не было. Солоха видела знакомые и не знакомые лица. «А это что за мужик, с петлей на шее?» – задумалась женщина, разглядывая здоровяка, сидящего по левую руку от отца. «Наверно это дядька Анфим. Совсем его не помню. Только говаривали, что повесился он, бедный!»

Женщина судорожно переводила взгляд с одного родственника на другого. Кого тут только не было – и тетки, и дядьки, даже прапрадеда у себя в гостях Солоха узрела. А как его не узнать, он ведь один в роду священником был. Одного только Федота Соломия не увидела.

Взяв себя в руки, женщина неуверенной походкой направилась к гостям, все еще не веря в происходящее. Она села на свободное место и стала чествовать родных. Собравшиеся с удовольствием поглощали все, что лежало на тарелках. Ели, пили, а еды меньше не становилось. Вроде и плеснул себе отец в стакан беленькой, а графин все одно полный.

– А где же муженек мой? – наконец-то решила заговорить с покойниками женщина. – Где ж он, мой соколик? – вымучено улыбнулась она.

– Так, не захотел идти! – уплетая куриную ножку, прошамкал беззубым ртом дед Григорий.

– От чего же? – удивилась хозяйка застолья. – Я ж так старалась всем угодить!

– Да ты ж сама, дочка, знаешь, – встряла в разговор мать, – у муженька твоего и при жизни нрав скверный был, – хохотнула покойница, – а после смерти лучше не стал.

Комната тут же наполнилась заливистым смехом. У Солохи по коже мурашки побежали.

– Ну, так что, Соломия, – утерев кулаком пышные усы, пробасил отец, – ты нас уважила, а теперь спрашивай, чего хотела?

– Я, – неуверенно начала хозяйка дома, – я спросить хотела. Помощь нужна ваша. Мочи больше нет... – разрыдалась женщина, всхлипывая и причитая. – Вы ж знаете, что Федот помер и ничего мне не оставил, – заголосила она, – если ведомо вам, где он, окаянный, деньги припрятал, ведь были они у него, точно знаю, – Соломия шмыгнула носом, утирая слезы, – так скажите, где искать. Подскажите, где его тайник? – с мольбой смотрела Солоха в лица собравшихся.

– Этого, дочка, мы не ведаем! – словно гром среди ясного неба прозвучал ответ.

Солоха тяжело вздохнула, уронив голову на руки. «Все было зря!» Ее плечи содрогались от рыданий.

– Но-о-о, – медленно нараспев протянул отец, – можем подсказать, где найти того, кто тебе поможет.

– Где? – встрепенулась Солоха, в нетерпении заерзав на лавке.

– Это тебе, милая, – неторопливо продолжил дух, – нужно этой ночью пойти к церкви, да на церковной паперти сесть, глядя на дорогу! – тяжелая отеческая рука легла дочери на плечо, но Соломия не почувствовала этого прикосновения, только легкое дуновение коснулось ее кожи.

– И что? – хозяйка дома удивленно захлопала ресницами.

– А то, – перебила говорившего мать, поучительно подняв вверх указательный палец, – тот, кого на дороге увидишь – знает, как тебе деньги мужа отыскать.

Оказавшись возле небольшой сельской церквушки, Солоха осторожно заозиралась по сторонам. Ночь-полночь на дворе, вокруг ни души. Только звезды ярко светят в морозном ноябрьском небе. Женщина зябко обхватила себя руками за плечи, посильнее кутаясь в шерстяной платок и, уселась на паперти лицом к дороге. Соломия напряженно всматривалась в непроглядную мглу.

В какой-то момент ей показалось, что она видит вдали черную точку. Солоха тряхнула головой, чтобы отогнать непонятное видение, но точка не пропала. Она стремительно разрасталась, превращаясь в темный силуэт, приближаясь все быстрее и быстрее к оторопевшей женщине. Незнакомец совсем близко подошел к ожи-

дающей. Лунный свет скользнул по его лицу.

– Архип, – ахнула Соломия, пытаясь схватить друга своего покойного мужа за руки, – неужто ты? – она не могла поверить своим глазам.

Ведь ожидала духа встретить, или нечисть какую. А тут – живой человек. Но как только Солоха взяла за руки пришедшего, вмиг отшатнулась. От Архипа веяло ледяным холодом, будто мертвец перед ней предстал. Подняла она на Архипа глаза, а у него кровь из головы сочится.

– Чего хотела? – грубый голос мужика вывел ее из оцепенения.

– Я, – неуверенно начала Солоха, еле сдерживая крик ужаса, – я узнать хотела, где Федот деньги спрятал? – она отвела взгляд в сторону, чтобы не видеть окровавленной головы собеседника. – Говорят, ты знаешь!

– Деньги! – повторил за Соломией Архип. – Деньги! – его глаза хищно блеснули и мужик зашелся диким хохотом. – С собой в могилу твой муженек денежки забрал.

У Солохи от неожиданности, что называется, глаза на лоб вылезли:

– То есть как в могилу? – непонимающе пробормотала она.

– А так, – Архип вплотную приблизился к супруге своего покойного приятеля. В лицо женщины ударил затхлый могильный дух. – Зашиты деньги в кафтане. В том, что на покойничке одет!

«И правда!» – вспомнила Солоха, как муж ее постоянно в одном и том же кафтане ходил. Сам стирал его, сам заштопывал. Никому к нему дотронуться не давал. В том кафтане и схоронен был.

– Ах ты ж, сволочь! – топнула ногой рассвирепевшая бабенка, ругая на чем свет стоит муженька-покойника.

Она яростно сжала кулаки и стремглав бросилась на кладбище. Пробегая по селу, словно буря снося все на своем пути, услыхала Соломия голос Архипа:

– Куда спешишь, кума?

Женщина на мгновенье остановилась, завидя мужика. Никакой разбитой головы, никакого могильного холода. Она в недоумении захлопала глазами:

– Живой! – только и смогла вымолвить.

Ничего не понимая, Солоха мелко перекрестилась и со всех ног кинулась прочь. Бежала, спотыкалась, хватая ртом воздух. Остановилась только возле могилы Федота.

– Ах ты, сволочь! – взревела она, обращаясь к покойнику.

– С собой решил деньги забрать, а меня ни с чем оставил?! – Соломия рухнула на колени и руками стала разгребать могильный холм. – Э-э-э нет, ирод ты окаянный, не выйдет!» – женщина зло отшвыривала подальше от себя пригоршни сырой земли, – я этого так не оставлю, – злобно шипела она, зарываясь все глубже в могилу. – Ах вот, значит, почему ты сегодня ко мне в гости не пришел! – приговаривала Солоха, выясняя отношения с мужем.

Шло время, яма становилась все глубже, а горы земли вокруг могилы все выше. Вот еще несколько жменей земли и женщина наткнулась на дощатую крышку:

– Теперь ты от меня никуда не уйдешь! – размазывая по лицу грязь, расплылась она в радостной ухмылке.

Но как только ее ногти подцепили первую доску, сверху, над самым ухом, прогремел голос Федота:

– Что, женушка, денег моих захотела?

Солоха от неожиданности вздрогнула, подняв наверх взгляд. Над разрытой могилой, в воздухе, парил потревоженный дух:

– Оставь меня в покое! – прорычал он, свирепо сдвинув брови. – А не то хуже будет!

Но Солоха даже и не подумала останавливаться. Она покрепче вцепилась в гробовую доску и с треском потянула ее на себя. В это самое мгновение все вокруг задрожало, разрытая земля лавиной обрушилась в могилу, скрыв в своих недрах разбушевавшуюся женщину.

Прошло полгода. Следом за Соломией не стало и Архипа. Ведь правду в народе говорят – кого в ночь на Дмитров день на церковной паперти встретишь, того скоро не станет.

Южные просторы нашей страны издавна населяли кочевники. Где они формировались, почему перемещались в Восточную Европу, как жили здесь, какое влияние оказали на славянские и другие европейские народы, в силу каких причин покидали эти земли и какова их дальнейшая судьба. Обо всем этом в доступной и увлекательной форме повествуется в предлагаемой книге.

Племена
днепро-донецкой культуры:

Скифы
Сарматы
Готы
Гунны
Болгары
Авары
Хазары
Русы
Мадьяры
Печенеги
Торки
Половцы

«БЫВАЮТ В СУДЬБЕ ПОВОРОТЫ...»

(ИЗ СЕРИИ «СТУДЕНЧЕСКИЕ БАЙКИ»)

Сергей ГАМАЮНОВ

Член Союза писателей России, г. Кисловодск.

Шла зима 1977 года. Свердловск словно готовился к обороне от неведомого врага, огородив улицы и дома огромными брустверами из снега и льда, и стоял бессменным часовым Урала – заиндевевший, заснеженный и промерзший. Дымящиеся цигарки труб заводских окраин создавали иллюзию тепла, но совсем не грели. Уральцы – народ к холодам привычный, поэтому улицы города с раннего утра и допоздна были многолюдными. В самом центре города простерлась огромная мозолистая от ледяных торосов и старых рыбацких лунок ладонь Исетского пруда, которую избороздили многочисленные жизненные линии – тропки, нарезанные пешеходами. Хоть гадай по ним...

Санька Птицын любил бродить по этим тропкам-линиям в свободное от занятий и других дел в институте время. Вот самая длинная линия – линия жизни, что пролегла от плотины через реку Исеть к кинотеатру «Космос»... Вот линия судьбы. Она пролегла через ладонь пруда с юга на север. Так же, как и Санькина судьба, что привела его в холодный Свердловск из южных теплых ставропольских степей... Другие линии покороче. И которая из них что означает – каждый, кто задумывался над этим сходством, решал для себя сам...

Санька, вглядываясь в эту причудливую философию природы, каждый раз задумывался о неожиданных поворотах своей судьбы, гадая, куда уведет его тропинка-линия в следующий час, день, следующий год?

Жил Санька в студенческой общаге на улице Комсомольской. В стране развитого социализма – это был практически маленький островок светлого будущего – коммунизма, неоднократно обещанного советскими вождями. Правда, с гипертрофированными отдельными его сторонами.

Коммунизм по определению – гипотетический общественный и экономический строй, основанный на социальном равенстве, общественной собственности на средства производства и т.д. Такой строй, согласно работам основоположников марксизма, предполагал наличие высокоразвитых производительных сил, отсутствие деления на социальные классы, упразднение государства, изменение функций и постепенное отмирание денег.

Вопрос социального равенства в студенческой общаге семидесятых годов прошлого века был решен однозначно: богатенькие здесь не жили – не приживались; социальное происхождение и национальность были абсолютно не важны! Для студентов их средства труда и сам труд были не столь уж сложны и разнообразны: сессии, лекции, семинары, практические занятия, экзамены и зачеты, доклады, рефераты, конспекты и дипломные работы... В общаге все это достигло поистине коммунистического обобществления! Конспекты, рефераты и даже дипломные работы передавались по наследству от курса к курсу, от комнаты к комнате, от студента к студенту...

Власть государства на коридоры и комнаты общаги практически не распространялась и фактически в них не наблюдалась! Здесь жили по не писанному, издавна сложившемуся правилу: «От каждого по возможностям...» – близкому по духу коммунистическому принципу: «От каждого по способностям...» Но каждому по его по-

требностям, увы, не всегда получалось...

Деньги в общаге были эквивалентом эфира и испарялись буквально сразу после их появления в день стипендии, или получения денежного перевода от родителей... Гуляли, ели, пили (в смысле выпивали...) и голодали тоже всей общагой! Ну, чем не коммунизм?!

Итак, на календаре 23 февраля – почитаемый всеми в СССР праздник – День Советской Армии и Военно-Морского флота. Общага «гудела» от первого до пятого этажа! Праздновать начали еще с утра: в аудиториях и классах, где девчонки традиционно поздравляли мужскую половину студенческого сообщества и преподавателей цветами и символическими недорогими подарками; по-серьезному отмечать, как повелось, продолжили в общаге. А вечером самые выносливые и мудрые сбивались в компании и направлялись догуливать праздник по свердловским кабакам – кафе и ресторанам.

Санька с друзьями отправились в «БУШ», или, в переводе со студенческого – ресторан «Большой Урал», располагавшийся в самом центре города, на улице Малышева. Почему «БУШ», а не «БУР»? История об этом умалчивает. По крайней мере, к 41-му и 43-му президентам США эта аббревиатура точно отношения не имела...

Компания получилась большая – двенадцать человек! Костяк компании составила Санькина дружная комната: Вовка-Старый, Шурка, Славка-Бобер, Вовка-Молодой и, естественно, сам Санька. Для того чтобы все оказались за одним столом – пришлось сдвинуть три столика вместе. Тамадой застолья был единогласно избран старейшина компании Вовка Антипин, он же Старый, или Потомок Колчака.

– Ну, что, ядрена копоть, – открыл застолье Вовка традиционной присказкой, – наливай!

Предложение было принято с живым энтузиазмом.

Налили! Потом еще, потом снова, потом опять...

После пятого тоста пошли перекурить в фойе ресторана: курить в зале почему-то не разрешалось, а для перекура за столом без разрешения администратора выпито было еще недостаточно...

В фойе Санька столкнулся с молодым преподавателем кафедры семейного права Илюхой Черданцевым, год как окончившим институт. С Санькой их связывала совместная общественная работа в Комитете ВЛКСМ института.

– Привет, Санька! – первым по-приятельски окликнул его Илья. – Гуляете? И мы гуляем. В дальнем углу столик, – сообщил раскрасневшийся от выпитого спиртного Илюха. Он и без того был лубочным «добрым молодцем», пухлощеким и румяным как девица. И от этого его густые и ершистые пшеничные усы смотрелись довольно комично и были постоянным предметом шуток и подначек со стороны друзей и коллег.

Приятели потрепались немного о том, о сем, после чего Илья заспешил в зал к своей компании. Но эта встреча в фойе имела продолжение...

Время в застолье бежало быстро! Байки и анекдоты чередовались с тостами. Не давала скучать и девичья компания за соседними столиками. Танцевали девчонки дружно и до упаду. Санька сразу положил глаз на шуструю, небольшого росточка коротко стриженую блондиночку. Пару раз обменялся с нею взглядами в кругу на быстром танце. Потом пригласил на «медляк»...

Звали девчонку Татьяной. Работала она сборщицей на электромеханическом заводе. Все ее подружки были оттуда же. Девчонка вела себя скованно и застенчиво. Больше молчала и улыбалась, смешно морща конопатый курносый носик. В танце смело прижималась к Саньке своим ладным, стройным тельцем, однако, все его ухищрения, направленные на то, чтобы ее разговорить, закончились неудачей. Наверное, поэтому к концу вечеринки Санька к ней как-то охладел... «Или дура совсем, или боится дурой показаться», – решил он.

Стрелка часов неумолимо приближалась к 12 – времени закрытия ресторана. Еще быстрее заканчивались водка и Санькины надежды на интересное завершение вечера.

– Еще по полтинничку, и – домой! – благоразумно произнес кто-то из сохранивших трезвость ума студиозусов.

– А нету больше, – возмущенно констатировал Санька, вытряхнув последние капли из опустошенных бутылок в рюмку.

– А мы еще попросим! – не сдался Вовка Антипин.

– Эй, молодой человек! Можно вас на минутку, – позвал он сновавшего между столиками молоденького лощеного официанта в накрахмаленной белой рубашке с бабочкой и в черном жилете.

Официанты уже убирали с освободившихся столов остатки пиршества. В зале оставались занятыми менее половины столиков: в дальнем левом углу зала сидел со своими приятелями Илюха Черданцев, справа гуляла в отрыв та самая компания молодых девчонок явно пролетарского происхождения, да бурлила весельем за сдвинутыми тремя столами шумная студенческая братия.

– Слушаю вас... – недовольно отреагировал на зов обслуживавший столики студентов официант.

– Простите, как вас по имени? – поинтересовался Вовка.

– Вадим, – напыщенно и коротко ответствовал официант, по-гусарски склонив черноволосую голову с короткой стрижкой и четким пробором в напомаженных волосах и манерно перекинув крахмальную салфетку через левую руку. – Что вы хотели?

– Сообразите-ка нам еще бутылочку водочки, – ласково попросил Старый официанта.

– Мы закрываемся через полчаса, и буфет уже не работает, – парировал, ухмыляясь, официант. – Рассчитайтесь лучше. Вам уже и так достаточно!.. – пренебрежительно, словно через губу сплюнув слова, резюмировал он.

Это было откровенное хамство. Вся студенческая бражка забурлила возмущенно, но Вовка решительно задавил волну возмущения:

– Цыц, мальчишки! А то кулак спущу... – рыкнул он одну из своих знаменитых крылатых фраз. – Где там счет? Считаем рублики...

Рубликов хватило в обрез: у каждого осталась только мелочь на трамвай...

Пока официант ходил с полученными деньгами в кассу, Санька метнулся к столику Илюхи:

– Выручай, Илья! Дай червонец до стипендии, или закажи для нас бутылку водки. Завтра сочтемся...

– Да какой разговор, Санек! Всегда пожалуйста,– хлопнул приятеля по плечу Илья. И подозвал женщину-официантку, обслуживающую его столик.

Бутылку водки к столику студентов официантка принесла буквально через пять минут... Как говорится: от нашего стола – вашему столу!

Возвратившийся с кассовым чеком халдей, увидев в руках у Саньки непочатую бутылку водки, поднял скандал:

– Это что такое? Откуда у вас водка? С собой принесли? Безобразие! Я прошу немедленно покинуть зал! – заверещал он, притопывая ножками.

– Это нам передали вон с того крайнего столика, – спокойно прервал его вопли Санька, придерживая собравшегося «спустить кулак» Старого.

В подтверждение его слов Илья помахал из своего угла рукой. Но официант разошелся не на шутку: как же – его обошли, игнорировали, да и навар ушел другому...

– Не положено! – продолжил возмущаться он, – вы обязаны делать заказ только мне!

– Да пошел ты на ху...тор бабочек ловить! – взъерепенился Старый, – вот сейчас допьем и уйдем. Свободен, как великий китайский народ!

Халдей побежал разбираться со своей напарницей по залу. Девчонки за соседним столом откровенно хохотали над незадачливым прощелыгой. Водку, естественно, студенты лихо допили!

В фойе, когда вся студенческая компания уже оделась и стала весело выдавливаться на свежий морозный воздух, Санька озорно и хмельно подмигнул Славке Грицацуеву – Бобру:

– Славка, пошли должок отдадим халдею! И он многозначительно показал кулак...

– Да ну его на хрен! – махнул рукой Славка, – поехали, а то скоро трамваев не будет, придется пешкодралом добираться! Денежков на такси у нас тю-тю... – почти трезво рассудил он.

Но Саньку уже понесло. Да и с белобрысой девчонкой-малявкой из-за соседнего столика он не договорил, не попрощался: видно ведь, запала на него дивчина и не прочь продолжить знакомство.

На выходе из банкетного зала он столкнулся с давешней женщиной-официантом:

– Простите, мадмуазель, – галантно-пьяненько раскланялся он с нею, – не могли бы вы пригласить вашего коллегу? Кажется, его Вадиком зовут? Я ему должен за столик...

– Конечно, конечно, молодой человек! Сейчас позову, – добродушно отозвалась женщина. А что, долги в ресторане – дело обычное...

Компания девчонок тоже завершила вечеринку и пробиралась между столиками к выходу из зала.

Недоумевающе озабоченный Вадик вышел из зала через минуту: кто же в здравом уме откажется получить причитающееся?

– Кто тут мне должен? – вожделенно вопросил полутемное фойе халдей.

– Я должен, я... – вышел навстречу Вадику из сумрака Санька и сходу врезал вредному официанту промеж глаз правой...

Вадик рухнул в проем дверей под ноги девчоночьей компании, а Санька, не дожидаясь дальнейшего развития событий, ломанулся на выход из ресторана.

Бобер ждал его за углом здания.

– Ходу, Славик! – крикнул, пробегая мимо, Санька. И друзья помчались к ближайшей остановке трамвая. Благо, что он как раз громыхал колесами по стыкам рельсов на подходе к остановке. Трамвай был по-ночному пустой. Следом за друзьями в вагон забежали хохочущие недавние их знакомые девчонки из ресторана.

Закрываясь, зашипели пневматикой двери вагона. Трамвай, звеня колоколами, тронулся. Погони не было. Адреналин и мороз выбили из головы Саньки весь хмель.

– Ну, ты даешь, ядрена копоть, – рассмеялся Вовка Антипин, когда Бобер рассказал всем об апофеозе вечеринки.

– А пусть не вы...ся! – гордо ответствовал Санька и, качнувшись от резкого поворота трамвая, схватил в охапку стоявшую рядом в группе подруг Татьяну.

– Правильно ты ему дал! – поддержала героя вечеринки девчонка, не противясь объятиям.

Слово за слово Санька договорился встретиться с нею завтра в пять вечера у кинотеатра «Космос».

Но назавтра коварная Санькина судьба преподнесла сюрприз: с утра его срочно вызвали на кафедру физкультуры, и он со сборной командой института по беговым лыжам уехал на тренировочную базу в город Сысерть готовиться к городской лыжной эстафете. Тренировки были интенсивными, в составе сборной были интересные парни и девчонки с разных курсов, поэтому эпизод со случайным знакомством и неудавшимся свиданием быстро стерся из Санькиной памяти. Дело ведь молодое: сколько уже было таких случайных знакомств и сколько еще будет? После сборов его опять закружили студенческие будни, и о Татьяне он вспомнил только после сдачи весенней сессии в июне...

Впереди у Саньки была свободной целая неделя перед отъездом его строительного отряда «Эврика» в зону работы в поселок Таватуй, что располагался на берегу одноименного озера в 50 километрах северо-западнее Свердловска. Постоянной пассии на тот момент у него не было, поэтому Санька решил скрасить оставшееся время поисками той белобрысой девчонки. Задумано – сделано! Дождавшись окончания рабочего дня, Санька стал у проходной Электромеханического завода, внимательно разглядывая выходящих особ женского пола. Татьяну он узнал сразу. Да и она тоже обратила внимание на высокого парня с букетиком красных роз...

– Ну надо же, объявился студент! – рассмеялась она, подходя.

– А я подумала, что просто болтуном пацан оказался! Спасибо за цветы. Меня еще никто так не встречал...

Врать Санька не стал. Рассказал все, как было. Татьяна не обиделась.

– Куда едем? – поинтересовалась она.

– Сначала в кино, потом ко мне, – не стал нарезать круги вокруг да около Санька.

– Ишь какой шустрый! Сначала вину искупи, – снова засмеялась девчонка, уворачиваясь от Санькиного поцелуя, – а потом видно будет.

В трамвае, пока ехали к киноконцертному залу «Космос», Санька самозабвенно «заливал» о тяготах и суетности студенческой жизни, все крепче прижимая к себе податливое и горячее девичье тельце. Кажется – все шло к искуплению...

В «Космосе» показывали какую-то индийскую мелодраму, название которой Санька не запомнил, поскольку с того момента, когда в зале погас свет и до конца сеанса всецело был занят Танькиным ушком, ее руками, грудью и ножками. Шутливо шлепнув его пару раз по рукам, девчонка благосклонно позволила шаловливым губам и рукам Саньки исследовать доступные места своего тела. К концу киносеанса оба уже изнемогали от переполнявшего их вожделения...

Вопрос о том, куда ехать после кино решился сам собой! Поехали к Саньке в общагу. В общежитии больше половины студентов разъехались: кто в стройотряды, кто по домам. Остались спортсмены сборной института, бойцы двух или трех стройотрядов, чьи зоны находились недалеко от Свердловска, да те, кто должен был отрабатывать на ремонте зданий и помещений института при хозчасти.

Так что, комната общежития была в полном Санькином распоряжении, и молодым людям никто не мешал более близкому знакомству...

Татьяна оказалась опытной любовницей. Да и Санька пришелся ей по душе, так что оставшиеся дни, а точнее вечера и ночи они провели вместе, наверстывая упущенное...

Девчонка тоже жила в рабочем общежитии завода. Отец у нее умер несколько лет назад, а мать со старшим братом жили в своем доме в поселке Кольцово, в двадцати километрах от Свердловска. Характер у нее оказался легкий, нрав веселый. Татьяна неплохо управлялась на кухне, была чистюлей. Отсутствие высшего образования и рабочая простота Саньку не смущали. Все это казалось тогда несущественным и поправимым: отсутствие образования и культуры можно было восполнить со временем. Главное, как говорится, чтобы человек был хороший...

Льстило Санькиному самолюбию и то, что Татьяна меньше говорила, а больше слушала его болтовню, байки про моря и океаны, песни под гитару.

Неделя пролетела незаметно. Санька пообещал приехать при первой же возможности.

Такая возможность приключилась буквально в ближайшее воскресенье: командование стройотряда отрядило его, как единственного специалиста, разбирающегося в технике, на рынок в Свердловск для приобретения бензопилы. Санька был родом из села, с детства работал в колхозе с отцом на тракторе и комбайне, имел права тракториста-машиниста третьего класса...

Выделенных на покупку бензопилы трехсот рублей хватило с лихвой: Санька сторговал практически новую бензопилу «Урал» за 220 рублей и к ней две запасных режущих цепи с шиной за пятьдесят рублей. Тридцатка осталась ему как премия, что было сразу оговорено командиром отряда Славкой Кривошлыковым.

С делами он управился довольно быстро и к 14 часам дня был готов к тому, чтобы дать отдых душе и измотанному тяжелой стройотрядовской работой телу. Всю неделю отряд работал на заливке бетоном фундаментов для коровников и теплиц. Бетон шел по восемь-десять пятитонных самосвалов в день. Часть бетона заливалась специальной калошей с автокрана, а большую половину стройотрядовцы закидывали в опалубку с помощью совковых лопат. От такой работы к концу дня болели все мышцы тела, а на руках, невзирая на рукавицы, вздувались кровавые мозоли...

У Саньки был номер телефона вахтера в общежитии, где жила Татьяна. Она сама заботливо записала номер в записную книжку парня...

Ему повезло дважды: и вахтерша оказалась не вредная, отзывчивая, и Татьяна оказалась на месте, в своей комнате. Возвратиться на базу стройотряда нужно было к ужину, не позднее 19 часов, так что для личной жизни времени оставалось не так уж много...

Приняла возлюбленных все та же комната в студенческом общежитии на Комсомольской...

На базу стройотряда в деревне Таватуй Санька добрался только к восьми часам вечера. Учитывая успех его поездки, нареканий от командира не поступило.

За полтора месяца работы в стройотряде Санька побывал в «увольнительной» еще раз только через две недели, когда вчетвером с бойцами отряда он отправился расчищать от зарослей пятикилометровую просеку от железнодорожной станции Таватуй до поселка. На выполнение задания была отведена неделя сроку. Бригада управилась с работой за пять дней и потом оставшиеся почти двое суток парни догуливали в Свердловске!

Стройотряд сдал все запланированные объекты к 23 августа. Бойцы получили расчетные деньги и имели еще неделю для отдыха перед началом занятий в институте. Когда Саньке вручили тысячу двести с лишним рублей (его доля зарплаты с учетом трудодней и активности), счастью не было предела: по тем временам это была фактическая зарплата рядового инженера за год!

На отдых в Кавминводы Санька укатил вместе с Татьяной: не смог отказать в ее просьбе – уж очень преданно и восторженно она смотрела ему в глаза, когда он распинался о своих планах на оставшуюся неделю и хвастливо тряс пачкой красных десятирублевок.

Неделя пролетела быстро: парочка побывала в Пятигорске, в Кисловодске, в горах Теберды и Домбая... Показал подружку Санька и дома, в родном селе. Родителям Танька явно не понравилась:

– Доходяга прямо. Не кормят их на Урале что ли? – бурчала временами Санькина мать.

А отец только мудро и многозначительно ухмылялся в усы: дескать, поживем – увидим...

Возвратились в Свердловск загоревшие, отдохнувшие и довольные поездкой и друг другом. Затем у Саньки начались учебные студенческие будни третьего курса. Как-то незаметно пролетели сентябрь и октябрь. И так же незаметно Татьяна вскружила парню голову своим вниманием и безотказной, умелой любовью, да так, что в середине ноября они решили подать заявление в ЗАГС!

Отметить это решение решили у Татьяны дома в Кольцово, сообщив ее матери и старшему брату. Своим родителям Санька сообщать новость не спешил, побаивался... Для моральной поддержки и в качестве свата взял Санька с собой и своего закадычного друга Вовку Антипина!

От общежития института их с Вовкой забрал Татьянин брат Толян, подкатив на собственной потрепанной «копейке» (ВАЗ-2101). Татьяна уже сидела в салоне автомашины. Три дня назад выпал обильный снег, стоял легкий морозец – для среднего Урала в ноябре дело обычное. По пути в поселок Кольцово с подачи Вовки друзья заехали в местный продовольственный магазин, затарились спиртным и закуской, благо, что от Санькиной стройотрядовской зарплаты еще остались кое-какие денежки.

С оживленной трассы свернули на проселочную дорогу, которая пролегла через густой хвойный лес. Красотища была неописуемая: снег лежал пышной белой искрящейся пеной на густой щетине старых елей и сосен. Дорога все время петляла среди деревьев, но Толян знал каждый поворот и каждую кочку, поэтому погонял свою «копейку» со скоростью под 80 километров в час. За одним из поворотов прямо перед автомашиной выскочила крупная лиса, и, не успев увернуться, попала под бампер. Толян резко затормозил. Автомашину немного занесло, но из колеи не выбросило. Санька с Татьяной слушали треп Старого и момент наезда не видели.

– Что случилось, Толик? – испуганно спросила Татьяна.

– Да ерунда, лиса под колеса бросилась, решила покончить с собой, – заржал Толян.

Он быстро выпрыгнул из салона в снег, обошел вокруг автомашины и вытащил из-под нее рыжую красавицу, держа ее за хвост.

– Вот какой воротник Танюхе на свадьбу подарю, – весело заорал Толян, тряся добычей.

Он закинул лису в багажник, и погнал автомашину дальше. Минут через пятнадцать подъехали ко двору Красоткиных (фамилия Татьяны). Это была типичная уральская сельская усадьба постройки начала века: большой, сложенный из сосновых бревен сруб, крыша четырехскатная, крытая толью, двор небольшой с деревянным навесом и деревянным же сараем, забор вокруг подворья тоже из почерневших от времени досок.

Гостей встретила Татьянина мама, небольшого роста русоволосая, как и дочь, женщина лет пятидесяти, широкая в кости, довольно полнотелая, с широким добродушным крестьянским лицом. На ней было теплое цветастое байковое платье, вязаная серая шерстяная жилетка. Забранные на затылке в тугой пучок волосы наспех покрыты пуховым шерстяным платком. На ногах теплые вязаные носки с узором и калоши. Венчал наряд темно-красный фартук. Руки женщины были в муке: гости застали ее за приготовлением беляшей и шанег – традиционных уральских блюд.

– Знакомьтесь, это моя мама, Галина Ивановна, – представила ее Татьяна.

– Ну, а я вроде как жених. Александром кличут, – бравируя хохотнул Санька и подтолкнул вперед Старого.

– А это мой друг, Володя.

– Владимир Иванович, – церемонно раскланялся перед хозяйкой Вовка и первым вошел в сени.

Толян в это время выгружал из багажника припасы для застолья. Последней достал лису и стоял, не зная, что с нею делать.

– Мужики, кто дичь ободрать может?

– Давай сюда, я могу, – отозвался Санька.

Навыки обращения с убитой дичью он действительно имел: учился у своего отца свежевать зайцев, лис и кроликов, мог и барашку разделать...

Подвесив тушку лисы на перекладине под навесом двора, Санька смастерил наскоро из трех досок импровизированные пяльцы для натяжения снятой шкуры, подставил снизу под тушку оцинкованный таз для стока крови и принялся за дело. Лиса еще не застыла на морозце, и шкура легко поддалась Толянову острому финскому ножу. Санька работу закончил буквально за полчаса. Толян все это время стоял рядом, наблюдая за работой, усваивал науку.

Когда Санька закончил и вымыл руки – они с Толяном перекурили это дело, после чего пошли в дом, где Вовка уже разлил водку по стаканам и призывно стучал в окно.

Как полагается, вначале выпили за знакомство, и Галина Ивановна поспешила на кухню, а ее место во главе стола занял Толян, и обмывание помолвки пошло полным ходом.

За разговором выяснилось, что Толян недавно освободился из мест лишения свободы, где отсидел два года за хулиганство. Ну, в те годы это было делом обычным. Санька особого значения данному факту не придал, хотя задуматься было о чем: для карьеры будущего юриста судимости родственников, даже родственников жены, имели существенное значение...

Утолив первый голод и уничтожив все беляши и шаньги, мужская часть компании расслабилась: перекурили, перекинулись в картишки. Женщины все это время хлопотали на кухне. Примерно через час будущая теща принесла горячее: традиционное картофельное пюре и тушеное с тома-

том мясо... Под горячее Толян снова разлил, как выражался Старый, «по единой».

И тут произошел небольшой конфуз. Мужчины были уже под хорошим градусом, распив практически на троих две бутылки водки. Правда, Старый был крепок на это дело и сохранял завидную трезвость ума. Он и заинтересовался происхождением поданного блюда:

– Это что за зверюшку нам поджарили, случайно не «бараниной-лай»? – спросил он, тыкая вилкой в истекающие красной подливой ребрышки.

Санька знал, что «бараниной-лай» на зоне называли мясо собаки и навострил уши.

Толян весело заржал:

– Да ты что, Владимир Иваныч, это барашка, зуб даю!

Но Старого провести было трудно:

– А ты на ребра посмотри, ядрена копоть! У барана ребра плоские и на концах заострены, а эти круглые! Ты нам, лапшу на уши не вешай! Колись, давай, где собачку добыл!

– Все путем, батя. Не пыли. Все путем! – выставил перед собой ладони Толян. – Это не собачка. Два часа назад эту барашку Санька во дворе обдирал...

Санька чуть было не подавился куском мяса:

– Вот сука, лису нам скормил зэчара!

Но Вовка отреагировал спокойно:

– То-то, пацан! Меня хрен проведешь на мякине. Наливай!

Жаркое из лисы пошло на «ура». Кстати, мясо оказалось вполне съедобным – собачатиной и не пахло. Оказалось, что перед жаркой его дважды вымочили: сначала в растворе марганцовки, а потом в уксусе. Затем обжаренное с луком мясо хорошо протушили в томатной подливе со специями...

Застолье закончилось довольно поздно, ехать обратно в Свердловск было бессмысленно, да и не на чем: Толян заснул здесь же, на кухне у стола. Вовку уложили в зале на диване. Санька с Татьяной легли в ее комнате. У новоиспеченного жениха еще хватило сил и памяти получить от нареченной невесты интим на десерт...

Утром Санька с Вовкой «подлечились» пивком и укатили в Свердловск. Назавтра нужно было быть в полном здравии на занятиях в институте.

Молодожены договорились подавать заявление с ЗАГС в ближайшую пятницу. Однако, этому судьбоносному событию не суждено было случиться: вмешался господин великий случай!

В понедельник, когда Санька после занятий заглянул в Комитет ВЛКСМ института, членом которого состоял второй год, его поймал за пуговицу пиджака заместитель секретаря и бывший командир стройотряда Славка Кривошлыков:

– Саня, а что это за рыжая девчонка с тобой была в общаге? – сощурил он близорукие свои глаза, приблизив к Санькиному лицу толстые стекла профессорских очков в тонкой металлической оправе. – Ее случайно не Татьяной зовут? – ожидающе уставился он на свою жертву.

– Ну, Татьяной, а что? – насторожился Санька.

– Да ты знаешь, мне в принципе все равно. Но я тебе по-дружески скажу. Она, конечно, симпотная деваха. Я ее давно знаю, хотя уже года четыре не видел. Мы работали вместе на заводе «Электроавтоматика». Я там командиром оперотряда был. И Танька в нем состояла. Боевая девка, только на передок слаба была...

– Слышь, ты! – вспылил Санька, хватая Славку за лацканы его знаменитого серого пиджака с кожаными нашивками на локтях. – Ты говори, да не заговаривайся!

От злости и неожиданности у него помутилось в голове, горячая волна прилила к лицу.

– Спокойно, Саня, – оторвал его руки от своего пиджака Славка. – Мне по барабану, с кем ты любовь крутишь и спишь. Я ведь из лучших побуждений, чтобы она тебе мозги не запудрила...

Славка поправил на переносице сползшие очки и вышел из кабинета, а Санька, огорошенный услышанной новостью, рухнул в изнеможении на стул. Благо, что посторонних в кабинете Комитета комсомола в это время не было...

Влетевший метеором в кабинет неугомонный секретарь Комитета ВЛКСМ Коля Остапчук вывел Саньку из ступора:

– Привет, Саня! Чего такой смурной сидишь? Как дела со стенгазетой? Когда ее увижу?

На стенгазете еще и конь не валялся, а Санька был ее главным редактором... Надо было срочно сваливать!

– Заканчиваем, Коля, – залопотал он, – заканчиваем! Еще пару дней и будет висеть.

– Ладно, иди, дерзай, – махнул рукой Остапчук, запихивая свою нескладную фигуру за письменный стол и с головой погружаясь в лежавшие на столе деловые бумаги. О Саньке он сразу же забыл, что того вполне устраивало.

Вечером они с Вовкой напились вдрызг. Санька ему все рассказал. Старый рассудил мудро:

– Решать тебе, но раз такая хренотень пошла – не спеши. Наливай! Завтра разберешься...

Татьяне Санька звонить не стал. Как и разбираться тоже... Противно было, как будто в дерьмо вляпался руками и ногами. В пятницу в назначенное время к ЗАГСу он тоже не пришел... Танька как будто чувствовала, откуда ветер дует, и сама ни разу не дала о себе знать... А Санька, переживая и прокручивая в очередной раз в голове случившееся, вспомнил, что когда они столкнулись в общаге с Кривошлыковым, тот поздоровался с Татьяной, как старый знакомый. А она даже не поинтересовалась, кто же это был, и вела себя потом очень нервно. Санька тогда этому происшествию значения не придал: мало ли почему у женщины настроение испортилось? Беспечно принял это на свой счет и постарался развеселить подругу.

Встретились они с Татьяной вновь только весной следующего года в кафешке на улице Малышева, куда Санька пришел со своей новой пассией – девчонкой с младшего курса, новым членом Комитета ВЛКСМ института Натахой Хмелевской. Танька тоже была не одна, а с кавалером.

Оба сделали вид, что не знают друг друга... ❑

ЖИВИ, МОЯ ДЕРЕВНЯ!

Александр ЛЮЛЯКОВ

Иинженер-механик. Окончил в 1986 году Вологодский Молочный институт, служил в армии, работал механиком в колхозе им. В.Куйбышева, специалистом Администрации сельского поселения Марьинское. В настоящее время трудится страховым агентом. Стихи пишет со студенческих лет. Более чем к сотне своих стихов подобрал музыку. В 2014 году стал победителем Вологодского фестиваля им. Валерия Гаврилина в номинации «Самодеятельный музыкант». Живет в деревне Марьинская Вожегодского района, Вологодской области.

ЖИВИ, МОЯ ДЕРЕВНЯ!

Похожа на картинку,
что в школьном букваре,
Стоит перед глазами деревня на бугре.
Притихшие проулки, штакетник ветхий
в ряд,
И никого не видно, и все как будто спят.

Здесь жизнь неторопливо из года в год
идет.
То дождиком помочит, то снегом заметет.
То сенокос и лето, то снова листопад.
А я в родной деревне любой погоде рад.

Пусть кто-нибудь приезжий мне скажет:
«Глухомань», —
Ругать мою деревню сейчас же перестань.
Пусть много мест на свете,
каких я не видал,
Но для меня деревня — начало всех начал.

Люблю свою деревню и Кубену-реку
И ничего поделать с собою не могу.
Бывало, еду в город, помаюсь день-другой,
На третий непременно захочется домой.

С общественным сознаньем в народе
полный мрак.
Мол, если из деревни, то чуть ли не дурак,
Но по большому счету, ведь даже короли
Все родом из деревни, от печки все пошли.

Как жаль, что плохо знаем историю села:
Какой была деревня, и чем она жила.
Откуда появились, откуда мы пошли,
Что сдуру потеряли, что не уберегли.

Была когда-то церковь на берегу реки.
Издалека на маковки крестились мужики.
Спроси тогда любого, и каждый говорит:
«Я троице-енальский», — послушай,
как звучит.

Вот старенькая школа — всего два этажа.
На уровне района кому теперь нужна?
На уровне района ее, считай, что нет.
А скольких в люди вывела
за девяносто лет.

И если в край далекий забросит
вдруг меня,
Места свои родные не позабуду я.
У нас с моей деревней не оборвется связь,
Я марьинским останусь,
как был им отродясь.

Ах, сколько загубили таких вот деревень,
И нынче умирают деревни каждый день.
От этого не лучше, наверно, никому.
Живи, моя деревня, живи назло всему!

ЧЕРЕМУХА

Вроде лето на дворе,
Но весь день то дождь, то ветер,
И тревогою в душе
Оседает мокрый вечер.
И черемуха в ночи
Успокоиться не может,
В окна бьется: «Помоги!»
Ну а чем тут ей поможешь?

Видно, правда, говорят,
Для нее дарить забава
Кому свадебный наряд,
Кому с изморозью саван.
И чего ж, я не пойму,
Ты так бьешься, ты же знала,
Ты сама свою судьбу
По весне наколдовала.

Ветер стихнет, и тогда
Забормочет сумрак летний,
Тихо вздрогнешь от дождя
И наклонишь ниже ветви.
Потеряв былую страсть,
Вдруг обманутой девчонкой
Горько плачешь, не стыдясь
Слез на белой рубашонке.

Ты не плачь, что позади
У тебя пора цветенья,
То, что будет впереди,
Будет лучше, без сомненья.

* * *

Дай руку мне, идем со мной,
Оставь ненужные вопросы —
Я поведу тебя, друг мой,
Туда, где серебрятся росы.

Где по весне почти всегда
На светлой радостной опушке
Кому-то долгие года
Считает добрая кукушка.

Где в тихой заводи реки
Танцуют желтые кувшинки,
А солнце им на лепестки
Рассыпало свои смешинки.

Где сотни лет зеленый бор
Рукой своей призывно машет,
Его послушай разговор —
Он многое тебе расскажет.

О том, как в нем в начале дня
Восторженно щебечут птицы,
Пришел лисенок из ручья
Воды холодной всласть напиться.

Как в ранних проблесках зари
Цветы лесные оживают,
В глухих чащобах глухари
Победно песни распевают.

Как сам не свой от страха весь
Пугливый заяц в куст забился,
О том, кто нынче умер здесь,
О том, кто нынче здесь родился.

Глазами в небо упаду —
Лишь синь от края и до края.
Ты знаешь лучше красоту?
Не знаешь? Вот и я не знаю.

ПРОЛЕТЕЛО ЛЕТО

Одуванчиками лето пролетело мимо нас.
Кто мне скажет, кто ответит:
не в последний ли уж раз?
Не остынут ли березы спелым золотом
в снегу,
И смогу ль сдержать я слезы?
Нет, наверно, не смогу.

Перед осенью студеной лето будет
отступать,
Да и мне с травой зеленой
тоже впору погибать,
Погибать, как погибает эта песня
на ветру,
И потухнуть, как потухли огоньки
в глазах к утру.

Под сугробом похоронит время
белая метель,
Память в прошлое прогонит,
что у нас с тобой теперь.
И зима колючим снегом заметет
твое село.
Это было прошлым летом, это было,
да прошло.

Одуванчиками лето пролетело мимо нас,
Кто мне скажет, кто ответит:
не в последний ли уж раз?
И зачем от стужи где-то голубая
меркнет высь?
Где ж ты, лето, мое лето,
если слышишь, отзовись!

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осенний дождь смывает лето за окном,
И мокрый ветер между соснами гуляет,
Не перестану думать только об одном,
Как мне тебя здесь не хватает.

А мне над крышами так хочется взлететь
И сбросить с плеч скорее
этот дождь тяжелый,
На солнце я во все глаза хочу смотреть
И чтобы солнце — в мои тоже.

А листья, вспыхнув, умирают там и тут,
А я стою и думаю: «Зачем все это?»
Не знаю, можно ли тебя еще вернуть,
Чтоб ты опять вернула лето.

И кто сказал, что это лето не вернуть,
И кто сказал, что скоро будет день короче,
Ведь пламя листьев так полощет на ветру,
Чтоб день не стал короче ночи.

И лето в благодарность Богу своему
Прощальным криком журавлиным
отзовется.
Зачем же осень так бушует на ветру,
Зачем смеется?

ЗАМУЖЕМ

Я смотрю в письма листочек,
Крик немой неровных строчек:
«Замужем».
Прочитаю, не поверю, на конверте
адрес сверю:
Замужем.
Что ж ты, сердце, удивилось,
Как должно, так и случилось —
Замужем.
Отцвело, отколосилось, отмечталось,
отлюбилось.
Замужем.
А я не верю этому письму,
Не верю в неизбежность этих слов,
Ну почему, и сам я не пойму,
Мне жаль не мною сорванных цветов?

Я тебе желаю счастья,
Пусть не будет дней ненастных
Замужем.
Пусть не будет раньше срока
Почему-то одиноко
Замужем.
Ты теперь другою будешь,
Ты теперь меня забудешь.
Замужем.
Но в одном из снов отважных
Я тебе приснюсь однажды.
Замужем.

И в этом лишь моя вина,
Что носишь на руке теперь кольцо.
И смотрит между строчек на меня
Твое невиноватое лицо.

ТАМ, ГДЕ-ТО ЗА ШИРОКИМ ПЛЕСОМ...

Кому-то море синее как ясный свет
в окне,
Кому-то горы нравятся, кому-то,
но не мне,
А я люблю ручьев лесных весенний
разговор,
И мне березки белые дороже всяких гор.

Земля отцов и дедов, земля родных осин,
Я здесь один из многих деревни
гражданин,
И вам поля и рощи, тебе забытый храм,
Хотя бы счастья капельку. Кому же,
как не вам?

Не слишком всех нас радовал уже
прошедший день,
Как много позаброшенных в округе
деревень,
Но верится, что худшее осталось позади,
Все к лучшему, все к лучшему:
надейся, верь и жди.

Там, где-то за широким плесом,
Так грустно иволга поет.
А над полем, а над лесом
Закат малиновый плывет.

НИ ОТВЕТА, НИ ПРИВЕТА

Скоро снег на землю ляжет.
День короче, ночь длинней.
Бог тебя, поверь, накажет,
Что не шлешь ты писем мне.

Ни ответа, ни привета
Ты не шлешь мне до сих пор.
Догорело бабье лето:
Вот и кончен разговор.

Что ж ты так неосторожно
Часто снишься мне во сне?
Ты уже, вполне возможно,
Позабыла обо мне.

У меня на сердце вьюга.
Снег кружится, снег метет.
Видно, для тебя, подруга,
Я был просто эпизод.

Ни ответа, ни привета
Ты не шлешь мне до сих пор.
Будет снова бабье лето.
Будет новый разговор.

ПЕСЕНКА ПРО ДЕДА ЕГОРА

Из-за леса, из-за гор
Ехал дедушка Егор.
И, зайдя ко мне во двор,
Так повел он разговор:

«В разных я бывал столицах.
Уж такое там творится.
Не дай Бог тебе приснится:
Это чистый беспредел.

Там крутые иномарки,
Бизнесмены, олигархи,
Торгаши, бомжи, гадалки:
Кто при деле, кто без дел».

Из-за леса, из-за гор
Ехал дедушка Егор.
Оперевшись о забор,
Продолжал он разговор:

«Я хотел попасть в больницу,
Мало-мальски подлечиться,
Но не смог туда пробиться:
Это вам не щи пролить.

Там есть такие эскулапы,
Что пока не дашь на лапу,
Даже собственного папу
Не подумают лечить».

Из-за леса, из-за гор
Ехал дедушка Егор.
Глядя на меня в упор,
Грустный вел он разговор:

«В подворотне темной ночкой
Отобрали лапоточки,
Пиджачок, часы, сорочку.
Думал, и не живу быть.

Мне отвесив подзатыльник,
Сокрушались очень сильно,
Что себе крутой мобильник
Постеснялся я купить».

Из-за леса, из-за гор
Ехал дедушка Егор.
Подаривши мне пятак,
Дальше говорил он так:

«Там в метро, конечно, баско,
Но такая свистопляска,
Суета и нервотряска.
Просто некуда ступить.

Там лихие уркаганы,
С виду и не хулиганы,
Могут вычистить карманы,
Могут бомбу подложить».

Из-за леса, из-за гор
Ехал дедушка Егор.
Необычный визитер
Так закончил разговор:

«В трех соснах неосторожно
Заблудиться тоже можно.
И конечно очень сложно
Просто быть самим собой.

Жить, чтоб все тебя хвалили,
Девки на руках носили.
Чтобы люди говорили:
«Этот парень в доску свой».

Так по свету с давних пор
Путешествует Егор.
На свою кобылку влез
И уехал снова в лес.

ДЕВОЧКА ИЗ ЮЧКИ

Девочка из Ючки:
Чертики в глазах,
Среднего росточка,
«Крабик» в волосах.

Гордая походка.
Мимолетный взгляд.
Тонкая березка.
Беленький халат.

Милая улыбка,
Что теплей огня.
Золотая рыбка,
Только не моя.

Свет стационарный
Глаз ее больших.
Повезет же парню,
Что утонет в них.

Время быстро катится:
Не твоя вина.
Молодость не кончится.
Вечная она.

Мотыльки пугливые,
Сбудутся мечты.
Самая счастливая.
Кто? Конечно, ты

НЕ ЖАЛЕЙ

Снова осень. Время листопада.
Опадают желтые листы.
Не печалься, милая, не надо.
Не грусти, что не сбылись мечты.

Не жалей, что лето пролетело,
Ничего тебе не подарив.
Что зима не за горами где-то.
И метель со шлейфом белых грив.

Где-то там, в небесном расписанье,
Очередь, как видно, не твоя.
Там чужие исполняются желанья.
И решили там все без тебя.

Но однажды, как дыханье ветра,
Прилетит и сбудется оно,
Может завтра, может послезавтра.
Самое заветное твое.

* * *

Она страшна, она жестока
И жалит, будто сотня пчел.
Она кусает, как гадюка.
Ты с ней всегда угрюм и зол.

Она смешна, она убога.
Она на сердце черный знак.
Она такая недотрога:
То ей не этак, то не так.

Ее лицом, лицом старухи,
Пугают маленьких детей...
Не верьте. Это просто слухи.
Все это домыслы людей.

Тех, у кого в груди нет сердца.
Кто зол всю жизнь на всех и все.
Те люди просто иноверцы.
Но мы-то с вами знаем, что:

Она умна, она прекрасна.
Она как летняя заря.
Она как утренняя песня,
В цвету черемух, соловья.

Она тепла и терпелива,
Как руки матери твоей.
Она добра и не спесива.
Она на свете всех сильней.

С нее все в мире начиналось.
И ею кончиться должно.
Она и мужество, и жалость.
Она как легкое вино.

Она как светлая дорога.
И ты зови ее, зови.
И если уж любовь от Бога,
То жить нельзя нам без любви.

МАЛАЯ МОЯ РОДИНА

Родина моя синеокая,
До чего же ты необъятная,
Ты душой, как море, широкая,
Для чужих умов непонятная.

Ты живи, другим не завидуя,
Все уж видела, перевидела,
Никогда тебя не обижу я,
Только бы ты меня не обидела.

Родина моя распрекрасная,
Много ли нам, милая, надобно,
Было бы лишь солнышко ясное,
Чтобы на душе было радостно.

Что судьбой дано, то и сбудется,
Жизнь идет себе, не кончается,
Все плохое пусть позабудется,
Все хорошее нам останется.

Малая моя родина,
Милое мое Марьино,
Красотой неброскою, вроде бы,
Сердце мое глупое ранено.

Опустилась ночь белая,
Над рекой туман стелется,
И хожу повсюду здесь смело я,
Знает меня каждое деревце.

ПЕРВОЕ УРАЛЬСКОЕ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕВЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Сергей БЕЛЯЕВ

историк, искусствовед, доктор педагогических наук, профессор. г. Екатеринбург.

Ближайшие месяцы после Февральской революции 1917 года были отмечены в Екатеринбурге появлением сразу нескольких музыкальных обществ. Их судьба долгие годы оставалась неизвестной. Сам факт создания этих обществ советская историография обходила молчанием. Восстановить историческую справедливость стало возможным только в наши дни.

Музыкальные объединения, возникшие в течение весны – лета 1917 года, символизировали перемены, происходившие в стране и на Урале после падения самодержавия. Подобных учреждений история Екатеринбурга еще не знала. Новые общества провозглашали в качестве приоритетных задач защиту профессиональных прав своих членов и развертывание широкой просветительской работы. Стремление объединиться на этой идейной основе проявлялось в среде артистов оперной сцены, регентов, оркестровых музыкантов, преподавателей пения. Причем, инициаторы создания обществ приглашали к совместной деятельности не только коллег по цеху, но и музыкантов других специальностей, а также любителей и лиц, сочувственно относившихся к целям объединения.

В течение марта – июня 1917 года о себе заявили (не только публикациями обращений, но и участием в концертной жизни города) певческое общество, Уральский союз музыкальных деятелей, Екатеринбургское отделение Всероссийского союза оркестрантов, Екатеринбургское отделение Петроградского союза учителей пения. Через несколько месяцев, в начале 1918 года, стало известно об образовании еще одного общества – Екатеринбургского отделения Всероссийского союза сценических деятелей.

Преодолев организационный этап (кроме агитационной кампании, он включал разработку собственного устава), новые музыкальные общества в дальнейшем проявляли себя по-разному. Сохранить активность в нелегких условиях тех лет удалось далеко не всем. Деятельность лишь отдельных обществ продолжалась до весны – начала лета 1919 года, но после установления в Екатеринбурге советской власти (это произошло в июле) уже не возобновлялась.

Среди тех, кто выстоял в трудные годы войн и революций, было певческое общество[1].

Первые страницы в биографию этого объединения были вписаны еще до Февральской революции. Будущее общество начало создаваться как церковно-певческое под эгидой епископа Екатеринбургского и Ирбитского Серафима. Преосвященный ратовал за основание в епархии такой организации, «которая бы объединила регентов, дала им возможность совершенствоваться, а вместе с тем и бороться с разными нежелательными явлениями, вредными для общего дела»[2].

В обсуждении вопросов, связанных с учреждением церковно-певческого общества, в январе – феврале 1917 года участвовали видные деятели епархии

и музыканты города – протоиерей М.С.Сушков, священники Н.А.Дягилев, А.А.Игнатьев, регенты и педагоги Н.П.Долгушин, А.Е.Старков, Ф.С.Узких. Из их числа была избрана комиссия для разработки устава[3]. И тогда же у будущего общества появились первые кандидаты – более сорока человек.

В решении организационных проблем нарождающегося общества активную роль сыграл священник Алексей Алексеевич Игнатьев[4]. Человек в городе и в епархии новый, он обладал богатым регентским опытом, приобретенным за годы предшествующей службы. Известны были и его немалые заслуги в области изучения истории русского церковного пения. Кроме этого, А.А.Игнатьев был близко знаком со спецификой деятельности церковно-певческого общества, поскольку до перевода в Екатеринбург возглавлял подобное объединение в Вятке. Неудивительно поэтому, что устав Вятского церковно-певческого общества стал образцом аналогичного документа, к созданию которого приступила комиссия в Екатеринбурге. Сотрудничество А.А.Игнатьева с обществом, возникшем при его участии, продолжалось и в дальнейшем.

Рубежной вехой, ознаменовавшей начало активной деятельности певческого общества, следует считать 22 марта 1917 года. На состоявшемся в тот день общем собрании был утвержден устав и принято решение об участии объединения в первом значительном проекте[5]. Общество совместно с другими учреждениями включилось в подготовку концерта, организуемого в пользу политзаключенных, освобожденных после Февральской революции Временным правительством. Концерт состоялся 3 апреля (на следующий день его программа была повторена) и собрал на сцене Нового городского театра многочисленные творческие силы города. Певческое общество на этом концерте представлял сводный хор (дирижер М.Е.Кусков), исполнивший Реквием (« Не плачьте над трупами павших борцов») М.В.Анцева на слова Л.И.Пальмина[6].

Дебютировав как певческое, общество вскоре обрело свое окончательное название. Со второй половины апреля 1917 года в анонсах концертов и в рецензиях оно именовалось уже Первым уральским музыкально-певческим обществом. По-видимому, это название должно было в большей степени соответствовать внеепархиальному статусу общества, избранному направлению и предполагаемым масштабам деятельности в новых социокультурных реалиях.

Опубликовав обращение в прессе, правление музыкально-певческого общества призвало к объединению в своих рядах певцов, музыкантов, регентов и всех сочувствующих для совместной работы. Ее целью, как указывалось в обращении, являлось «широкое распространение в народе необходимых музыкальных знаний»[7]. В планы общества входили: создание на Урале сети местных отделений, организация хоров, устройство в городах, селах и заводах «разумных развлечений» (концертов). Важным направлением деятельности признавалось участие в обеспечении хоровых коллективов региона регентскими кадрами. При этом, став независимым от епархии, музыкально-певческое общество не исключило из сферы своих интересов область церковного хорового пения. Так, избранный в апреле 1917 года председатель правления общества, Михаил Ефимович Кусков, выступая на страницах печати, особо подчеркнул значение организации подготовки руководителей хоров для Народных домов, школ и церковных приходов. Потребность в таких специалистах, как считал М.Е.Кусков, с годами будет непременно расти[8]. Добавим также, что в своей деятельности в Екатеринбурге общество опиралось на кадры певчих городских церквей, объединяя их для концертных выступлений в сводный хор, численность которого достигала ста – ста пятидесяти человек.

Наиболее значительные начинания музыкально-певческого общества, осуществленные собственными силами или в содружестве с другими объединениями, пришлись на первую половину 1917 и вторую половину 1918 годов.

Первый из этих периодов был отмечен двумя самостоятельными хоровыми концертами. Сборы от их проведения предназначались для пополнения собственных средств общества, а также для оказания благотворительной помощи. В концертах исполнялась оратория Й.Гайдна «Семь слов Спасителя на кресте». Кроме этого, хор общества принял участие в проекте, инициатором которого выступило Екатеринбургское отделение Всероссийского союза оркестрантов. Собрав имевшиеся в городе музыкальные силы, отделение устроило большой симфонический концерт (центральное место в его программе занимала Пятая симфония П.И.Чайковского, выступали и солисты). Вкладом хора музыкально-певческого общества в обширную концертную программу стало исполнение гимна «Да здравствует свободная Россия». Это сочинение, написанное А.Т.Гречаниновым на слова К.Д.Бальмонта как отклик на февральские события, пользовалось в то время невероятной популярностью. В концертах его исполняли по требованию публики, как правило, неоднократно.

Выступления хора музыкально-певческого общества на разных сценических площадках проходили под управлением Михаила Васильевича Баталова. Опытный хормейстер, имевший за плечами образование, полученное в Регентском классе Придворной певческой капеллы, за полтора десят-

ка лет работы с церковными хорами Екатеринбурга он снискал заслуженное признание знатоков и любителей хорового пения. С его именем был связан расцвет исполнительского мастерства архиерейского хора. Духовные концерты с участием этого коллектива в годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, всегда собирали небывалое число слушателей и удостаивались высокой оценки критиков в прессе[9]. Во главе хора музыкально-певческого общества М.В.Баталов выступал и позднее. Возможно, к нему же перешли функции руководителя объединения. Прежний председатель правления общества, М.Е.Кусков, после Октябрьской революции занял ответственный пост в новых органах власти, а накануне прихода белых покинул город.

В течение года (с июля 1918 по июль 1919) Екатеринбург находился в руках белых. Музыкально-театральная жизнь города в этот период не замерла. Ее учащенный пульс, возможно, даже напоминал современникам о совсем недавнем прошлом. Афиши, как и прежде, приглашали на концерты и спектакли, организаторами которых были приезжие антрепренеры и местные учреждения. Последние часто выступали инициаторами проведения благотворительных акций (лотерей, вечеров, патриотических концертов) с участием находившихся в городе артистов и музыкантов.

Посильную лепту в устройство концертов вносило музыкально-певческое общество, объявившее через прессу о возобновлении своей деятельности[10]. В октябре – ноябре 1918 года образованный обществом хор трижды выступал перед публикой – на вечере славянского искусства, собственном концерте и мемориальном концерте, приуроченном к двадцать пятой годовщине со дня смерти П.И.Чайковского. О репертуаре коллектива сведений сохранилось немного. Известно, например, что в рамках проводившихся в ноябре мероприятий, посвященных памяти П.И.Чайковского, этот хор исполнял на концерте в Новом городском театре легенду «Был у Христа младенца сад». В те же дни по инициативе общества хором Златоустовской церкви в этом храме была исполнена Литургия П.И.Чайковского. В обоих случаях хоровыми коллективами дирижировал М.В.Баталов.

С осени 1918 года установились партнерские отношения музыкально-певческого общества с Народным университетом. В литературе до сих пор можно встретить сведения о том, что это учреждение при новой власти будто бы не возобновляло свою работу[11]. На самом же деле Народный университет осуществлял и образовательную, и просветительскую деятельность в течение всего учебного года. Совместно с университетом музыкально-певческое общество принимало участие в подготовке и проведении вечера славянского искусства, состоявшегося в начале октября 1918 года в Новом городском театре. Перспективным направлением сотрудничества должно было стать намечавшееся открытие в университете музыкально-певческой секции. Этот проект, однако, осуществить полностью не удалось: в расписание занятий слушателей были включены только лекции по истории музыки, которые читал А.А.Игнатьев.

В феврале 1919 года музыкально-певческое общество почтило память А.Д.Городцова. Известный всему Уралу хоровой деятель скончался в октябре 1918 года в Перми. В Екатеринбурге узнали об этом, вероятно, с большим опозданием. По заказу музыкально-певческого общества в память о А.Д.Городцове была отслужена панихида в Златоустовской церкви .

Данной инициативой, по всей видимости, была вписана финальная страница в биографию музыкально-певческого общества. А сообщение об этом, попавшее на страницы городской печати, стало последним свидетельством деятельности объединения.

Задуманные с размахом, устремленные в будущее, планы общества были реализованы лишь частично. Произошло это, безусловно, не по причине забвения членами объединения своих идеалов. Короткий исторический период существования общества оказался наполненным событиями, которые отнюдь не благоприятствовали полномасштабному развертыванию просветительской работы. Но даже в этих условиях музыкально-певческое общество сумело продемонстрировать продуктивность и значимость своих начинаний. С уверенностью можно утверждать, что позитивный опыт просветительской деятельности этого объединения принадлежит не только истории, он актуален и для дней сегодняшних.

Примечания:

[1] Епархиальное церковно-певческое общество // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1917. № 10–11. Отд. неофиц. С. 97.

[2] Из епархиальной жизни // там же. 1917. № 4–5. Отд. неофиц. С. 38.

[3] См. о нем подробнее: Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр. «Православная энциклопедия», 2009. Т. XXI. С. 153–155.

[4] [Местная хроника] Общее собрание певческого общества // Заурал. край. 1917. 22 марта.

[5] N. Концерт в пользу освобожденных политзаключенных // там же. 1917. 8 апр.

[6] Обращение Правления 1-го Уральского музыкально-певческого общества // там же. 1917. 23 апр.

[7] М.К. Организация музыкальных деятелей. 1 Уральское музыкально-певческое общество // там же. 1917. 17 апр.

[8] Отзыв о пении нашего архиерейского хора // Екатеринбург. епарх. ведомости. 1913. № 8. Отд. неофиц. С. 218–219.

[9] Член общества. К концерту 1-го Уральского муз.-певч. общества // Урал. жизнь. 1918. 27 окт.

[10] См. например: Екатеринбург: Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 381–382.

[11] [Хроника] Панихида по А.Д.Городцову // Урал. жизнь. 1919. 22 февр.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Любовь СОСНИНА

Искусствовед, научный сотрудник Вологодской областной картинной галереи, заслуженный работник культуры России, г. Вологда.

Михаил Копьёв – художник, творчество которого в полной мере раскрылось в последние два десятилетия XX века. Это было время, когда в европейской, да и в российской художественной культуре наблюдалось появление большого числа новых художественных идей: от нового реализма до постмодернизма. Конечно, творец, работающий в своей мастерской, вряд ли ставит перед собой обязательную цель стать апологетом того или иного художественного течения (исключение, наверное, составляют гении, генерирующие эти новые направления). Но, так или иначе, напрямую или опосредованно главные эстетические идеи времени влияют на характер творческого мировоззрения всякого отдельно взятого автора.

Наверное, нет необходимости напрямую причислять искусство Копьёва к какому-то из конкретных направлений русского искусства конца XX века. Ясно одно, художник никогда не подвергал сомнению те принципы изобразительного искусства, которые говорят о человеке и затрагивают нравственные проблемы своего времени. Истоки творческих приоритетов художника скорее можно отыскать в русской культуре рубежа XIX и XX столетий. Его мировоззренческие позиции, на мой взгляд, перекликаются с ретроспективной поэтикой художников объединения «Мир искусства»: с ироничной игрой в историзм Константина Сомова, историко-интеллектуальными изобразительными эссе Александра Бенуа, или ностальгией по безвозвратно утраченному русскому быту Бориса Кустодиева. Есть в языке, стилистической трактовке исторических полотен живописца и явные отголоски русского и европейского академизма.

Михаил Копьёв приехал в Вологду уже сложившейся творческой личностью. Вологодское изобразительное искусство, воспитанное в основе своей на реалистических традициях национальной русской школы живописи, как организм живой и развивающийся не отрицает привносимых извне новшеств. Они или уходят сами естественным путем, или органично приживаются на новой почве. Так произошло и с предшественниками Копьёва, уфимскими художниками Александром Пантелеевым и Яном Крыжевским. Они не только стали лидерами в вологодском изобразительном искусстве 1980-х годов, но каждый из них по-своему или опосредованно повлиял на общее состояние культурной ситуации Вологды, что позволило по-новому, а может и более широко взглянуть на задачи и цели творчества как такового. Энергия и творческая целеустремленность Я.Ю.Крыжевского объединили возле него художественную молодежь Вологды. Не без влияния личного авторитета А.В.Пантелеева вологодским мастерам была открыта широкая дорога в престижные выставочные залы столицы, где их искусство нашло достойную оценку.

Михаил Копьёв появился в Вологде в тот период, когда ощутимые перемены в обществе начали активно влиять на ее культурную жизнь. Именно в 1990-е годы возникают новые творческие объединения вологодских художников, среди них – «Северный венец» и «Радуга». М.Копьёв становится активным членом товарищества «Северный венец». Не без поддержки и влияния Копьё-

ва утвердились взгляды на искусство таких известных сегодня живописцев, как Александр Баканов, Александр Савин, Николай Корбаков, Олег Пахомов. Среди его последователей был и Сергей Радюк, воплотивший новые идеи содружества художников города в межнациональном проекте «Солнечный квадрат»: Радюк является лидером этого объединения с конца 1990-х годов и до сегодняшнего дня.

Анализируя манеру произведений Михаила Копьёва, где метафора и иносказание играют далеко не последнюю роль в прочтении художественного образа (а он всегда стремится к идейной и информационной насыщенности своих картин), приходишь к невольному выводу о том, что подобный метод выражения своих мыслей у живописца сложился явно неслучайно. Немаловажную роль в становлении его творческих приоритетов и формировании стилистики картин сыграли как социальная ситуация, существовавшая в обществе в 1970-х годах, так и классическое художественное образование, полученное Михаилом Васильевичем в полном объеме. Это и занятия в Уфимском институте искусств, затем стажировка в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина (Российская академия художеств) и, конечно, последующая преподавательская деятельность самого художника. Эта строгая, упорядоченная система получения знаний, затем передача их студентам сформировали в характере живописца уважение к профессиональной стороне творческого процесса, где огромную роль играют классический натурный рисунок, композиционная выразительность и четко сформулированный замысел.

Эта классическая культурная традиция творчества стала той спасительной средой, которая была логичней и ясней настоящей жизни, терявшей свои идеалы. Добавим к этому плодотворную многолетнюю работу Копьёва в драматических театрах Уфы, а затем и Вологды, сотрудничество с книжными издательствами. И еще бесценный багаж знаний истории культуры как европейской, так и отечественной, в которой прекрасно ориентируется мастер. Талантливый рисовальщик и художник, обладающий даром образного и композиционного мышления, Копьёв начал свою выставочную деятельность в 1970-е годы как мастер сценографии. Сегодня мы знаем его и как портретиста, жанриста, исторического живописца.

Михаил Васильевич Копьёв – художник востребованный. У него много благожелательных и благодарных поклонников. О нем пишут именитые исследователи-культурологи, профессиональные искусствоведы, журналисты из российской столицы, провинции и дальнего зарубежья. Одни из критиков определяют его творческий метод как «фантастический реализм», другие называют его неоромантиком и идеалистом, но все сходятся в одном: Копьёв – художник, тонко чувствующий свое время и заинтересованно реагирующий на его проблемы, философ, интеллектуал и эстет.

Мне кажется, что размышления М.Копьёва о современном мире, которые он концентрирует на холсте, не укладываются в его творчестве в привычную классическую систему жанров. И он смело раздвигает их рамки, превращая портрет в бытовое или историческое полотно, а пейзаж насыщает элементами историко-бытового характера. Отсюда аллегоричность трактовки сюжетов и образов. Богатое воображение и эрудиция художника позволяют ему свободно перемещаться во времени, перенося зрителей то в воображаемые легендарные времена русских былинных богатырей («Святогор», 1995), то в европейское средневековье («Охота короля», 2003) или атмосферу русского декаданса начала XX века («Игорь Северянин», 1991). Подобный метод выражения своих идей изначально не приемлет простого пересказа действительности. Наверное, с этого и начинается основная интрига, своего рода игра автора в реальную нереальность, в исторический неисторизм. Помещая своих героев в предполагаемые обстоятельства, Копьёв предлагает и самим зрителям свободную ассоциативную трактовку сюжетов увиденных картин. Правда, он тонко и деликатно координирует этот процесс. И в результате каждый из нас по-своему понимает, трактует иносказания, заложенные в таких его картинах как «Стена» (1990), «В тени облака» (1992) или «Реквием» (1991). И в то же время мы осознаем, что за интригующей внешней занимательностью сюжета подразумевается смысл более глубокий. Размышляя о современном ему мире, художник никогда не впадает в декларативность, предпочитая оставить окончательное решение за зрителем.

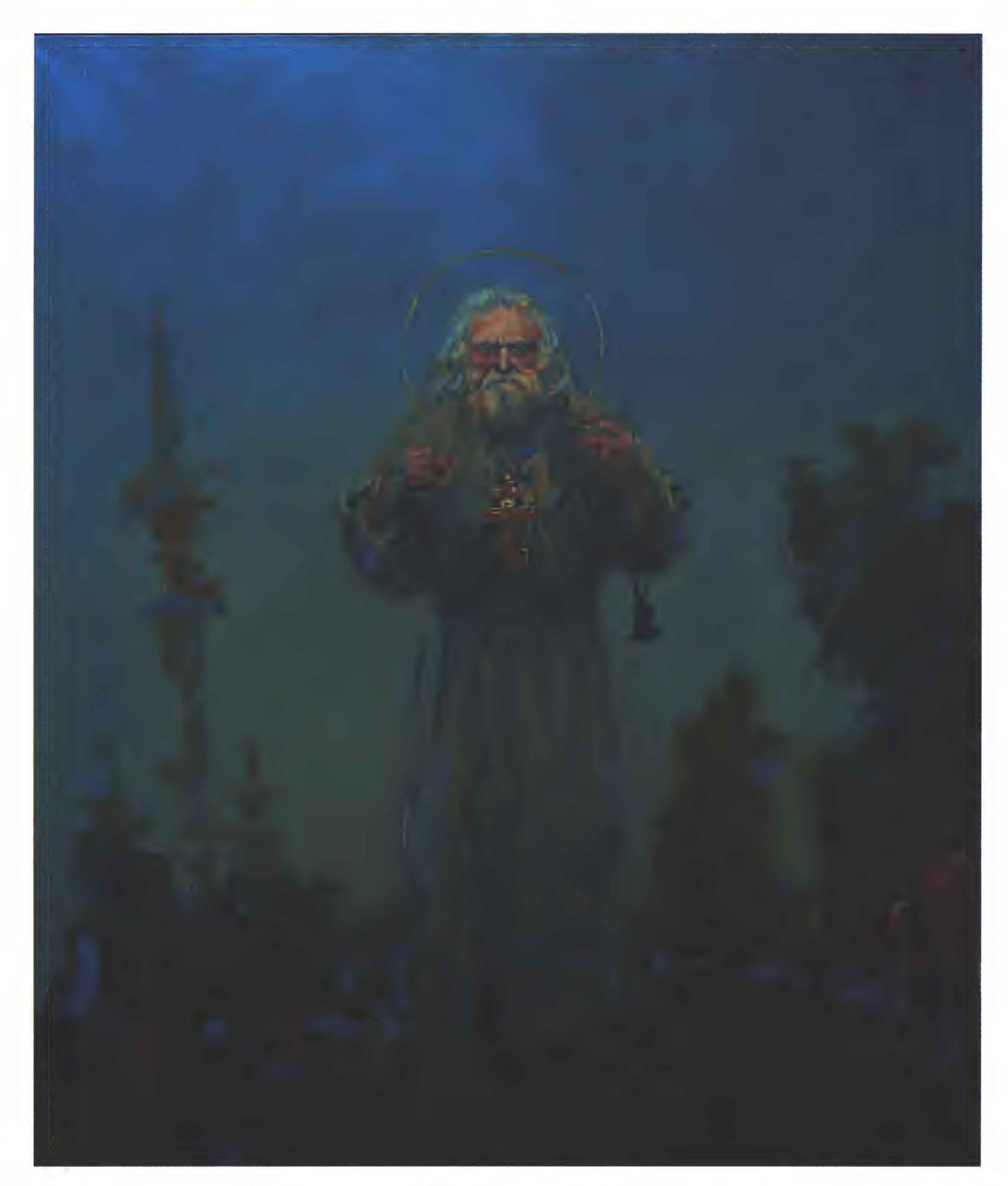
Богатство ассоциативных связей, на мой взгляд, составляет одну из интереснейших черт творческого метода Михаила Копьёва. Реальное жизненное событие, конкретное состояние природы, подмеченная анималистическая сценка чаще всего и являются отправным, побудительным толчком для создания произведений. Но в процессе творческой работы, обрастая удивительными смысловыми дополнениями, первоначальная идея преображается в более глубокий по мысли художественный образ. Именно так мне представляется рождение картины «Сезон закончен» (1996), начало которой было заложено в удивительной по пластике работе «Японские журавли» (2005). Этот анималистический мотив как бы продиктовал художнику формальный, цветовой и образный строй всей картины, посвященной расставанию близких людей. Глядя на этот немногословный сюжет, полный тихой грусти, невольно вспоминаешь классическую японскую живопись с ее созерцательной тишиной и точными смысловыми акцентами. И это не единичный пример. Подобная последовательность мне видится и в аллегорическом произведении «Безмолвие» (1991), где практически все главные смысловые акценты сосредоточены на натурном изображении массивного зубра и пейзажа земли с застывшим над ней облаком.

Песня перед боем.

Святогор.

Благословение.

Свет Невечерний.

Прощание с эпохой.

Стена.

Сероглазый король.

Выстрел во тьму.

Молитва.

Царь и наследник.

Императрица Александра Федоровна.

Реквием.

Иван Петрович и зубр.

Мне кажется, что ассоциативная игра увлекает и самого художника, особенно когда он обращается к театральной тематике. Здесь он может позволить себе быть то восхищенным зрителем, то ироничным участником происходящего действа. И неудивительно, что театрализованный жанр картин Копьёва отсылает нашу память то к грациозной аристократической живописи Антуана Ватто («Выстрел во тьму», 1999), то к чувственным образам театральных примадонн Огюста Ренуара («Представление начинается», 1993).

Пожалуй, ни один вологодский художник сегодня не обладает таким широким спектром тем, которые разрабатывает в своем творчестве Михаил Копьёв. Исторические композиции, к которым сам автор относится очень серьезно, в отличие от условно бытовых полотен несут в себе обязательный элемент этического и психологического содержания. Особенно интересны в этом плане его работы на евангельские и библейские темы. Через образ Христа, как и его предшественники, великие мастера прошлого, художник начала XXI века утверждает непреложный идеал общечеловеческого звучания. Наверное, поэтому в своих работах 1990-х годов он предпочитает и строгую пластическую форму изобразительного языка, и определенный, сложившийся на протяжении столетий образ Спасителя. Позднее, в картинах, обращенных к жизни святителей русской православной церкви Сергия Радонежского, Серафима Саровского, художник позволяет себе личностную окраску их образов. И в этом помогает ему верно найденное пейзажное окружение, созвучное по представлению автора с состоянием их души и помыслов. Именно таким строгим аскетом и паломником предстает перед нами Святой Сергий («Благословение», 1995), окруженный заснеженным первозданным лесом. А открытость и добродушие старца Серафима Саровского («Серафим Саровский», 2002) как бы подчеркнуты простотой внешнего облика странника в запыленной от долгих дорог одежде. Темы библейской истории Копьёв, как и многие мастера классики прошлого, осмысляет с позиций своего времени. Ведь размышления о судьбе все потерявшего, но прозревшего блудного сына («Возвращение блудного сына», 1992), или о тернистом пути носителя правды и истины пророка («Путь пророка», 1996) так же актуальны сегодня, как и тысячелетия назад. Наверное, в этом контексте постижения правды, утверждения истинных идеалов разрабатывается художником и тема исторического портрета, обращенная к личностям отечественной истории и культуры. В этом ряду – великие поэты России от Александра Пушкина и Михаила Лермонтова до Александра Блока; полководцы и российские императоры от Петра I до Николая II и цесаревича Алексея. Я могу быть несогласной с излишне комплиментарным характером трактовки отдельных образов, созданных художником. Но меня по-настоящему взволновали неординарные характеристики в портретах Велимира Хлебникова (1989) или Игоря Северянина (2000), где художнику удалось передать те трагические обстоятельства, которые сопровождали последние годы их жизни.

Путешествия по родной стране, зарубежные поездки по Европе, посещение Африки дают богатейший материал для работы художника. Так появляется в его творчестве тема судеб людей русской эмиграции, которые вынуждены были покинуть Родину в первые годы революции. Им, носителям русской культуры за рубежом, аристократам духа, Копьёв посвятил свои самые светлые и поэтичные портреты. Знакомство с историей и жизнью маленького европейского государства Люксембург выливается в серию романтичных картин художника, где органично уживаются образы истории и современности, мирно соседствуют легенда и реальность. Удивительной человеческой теплотой пронизан сюжет картины Копьёва «Разговоры о прошлом» (2003), повествующей об отдыхе двух старых дам, уютно расположившихся на полянке под тенью раскидистого дерева. И как материализация их дум о счастливых днях прошлого вдруг возникает фигура рыцаря на белом коне...

В последние годы, что вполне естественно, в творчестве Михаила Копьёва появляются определенные изменения. Мне показалось, что он начал избегать иронических ноток. Его работы стали динамичнее и свободнее по живописи, при этом более обобщенней и концентрированней по образному содержанию. Поиск ответов на волнующие вопросы времени он сосредоточил в иной плоскости. В этом отношении очень выразительна работа 2002 года «Категория – Дуэль». Здесь нет сюжета как такового, но есть внутреннее напряжение мысли и энергетика зарождающегося действия, которые и подсказывают нам смысл изображенного: готовность к борьбе за честь, за доброе имя, за правду... И невольно возникает вопрос: а как выразить «категорию – счастье», «категорию – свобода», «категорию – искусство»?

Процесс творчества – это таинство, которое еще никому не удалось доподлинно разгадать. Оно остается загадкой и для самого творца. Чтобы не быть голословной, воспользуюсь словами из «Нобелевской лекции» Иосифа Бродского: «Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее».

❑

Александр БОЛЬНЫХ

Член Союза писателей России с 1993-го года. Лауреат литературной премии им. Александра Беляева. Родился 1 февраля 1954 года в Таллине. В Свердловске (ныне Екатеринбург) окончил Уральский политехнический институт по специальности «Экспериментальная и ядерная физика». Работал на различных оборонных предприятиях. В конце 70-х попал в отряд «Каравелла», организованный известным уральским писателем Владиславом Крапивиным. Опубликовал фантастическую повесть «Костер для скорпиона» («Урал», март 1986 года). Первой изданной книгой стала фантастико-приключенческая повесть «Жил-был вор» (1989). Наиболее известные произведения – «Видеть звезды», «Сын дракона, внук дракона», «Руки вверх, мистер гремлин!», дилогия «Витязь Рутении» и трехсерийный цикл «Дорога». Продолжает плодотворно работать на ниве военно-исторической литературы. В 2013 году вышел его новый фантастический роман «Пуля-дура. Поднять на штыки Берлин!», написанный в жанре альтернативной истории.

г. Екатеринбург.

ХОЛАТЧАХЛ – ГОРА СМЕРТИ[*]

Тяжелый самолет взревел шестью моторами и начал разбег по полосе, ускорением людей шатнуло назад, однако они были давно привычны к такому. «Гигант» мягко качнулся, отрываясь от земли, и полого пошел вверх – тяжелому транспортнику были непосильны резкие маневры. Лейтенант Хеттингер привстал, на всякий случай оглядывая отсек, хотя был совершенно уверен в своих солдатах. В конце концов, война для них шла уже четыре года, и опыт за плечами парашютистов огромный. Бельгия, Франция, Россия... Десятки больших и малых операций, и каждый раз щекочущий нервы приятный риск.

Однако на этот раз его мучили дурные предчувствия. Все-таки полярные снега – неподходящее место для «Бранденбурга», он с удовольствием уступил бы место горным егерям генерала Дитля, которые уже обжились за Полярным кругом. Конечно, его 15-я (парашютная) рота уже почти год воевала в Карелии и не испытывала особых проблем в здешних снегах и лесах. Хуже было другое. Хеттингер страшно не любил вспоминать августовскую вылазку к Кировской железной дороге. Операция была подготовлена прекрасно, но кто же мог знать, что проклятые русские окажутся такими бдительными?! Взорвать мост не удалось, а потом остатки боевой группы русские целую неделю гоняли по болотам, и лишь с большим трудом самому Хеттингеру с парой солдат удалось вырваться к финнам, которые встретили неудачливых диверсантов кривыми усмешками. Вместо предвкушаемого Рыцарского креста он получил жесткий выговор от командира дивизии[1].

И вот новая операция, теперь уже в глубоком тылу русских, откуда просто так вырываться не удастся. Но... Приказ есть приказ, нам приказывают – мы исполняем. Хотя план операции казался лейтенанту слишком сложным. А тут еще на память пришли рассказы обер-фельдфебеля Штегемана. Студент Гейдельбергского университета попал в полк «Бранденбург 800» благодаря превосходному знанию русского языка и уже успел прекрасно себя показать. Но, как всякий филолог, отличался повышенной говорливостью и неудержимым желанием поделиться своими знаниями, разглагольствуя об особенностях «Старшей Эдды» и «Беовульфа». Знал он действительно немало и помнил множество легенд и мифов северных туземцев, так как специально изучал их, стремясь на примере мифологии доказать превосходство нордической расы над всякими там лопарями, саамами, уграми. Вот только по сравнению с героями этих мифов жуткие немецкие вервольфы казались не более чем игривыми щенками. Штегеман любил добавить, многозначительно поднимая указательный палец, что наука пока еще не опровергла существова-

---

[*] См. «Веси» №№ 1, 7, 9 (2016), 2–6, 9 (2017).

[1] Повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» и одноименный фильм основаны на вполне реальных событиях. В августе 1942 года боевая группа «Хеттингер», сформированная на основе 15-й роты IV батальона полка «Бранденбург 800» получила задание выйти к Кировской железной дороге и взорвать несколько мостов. Группа была обнаружена и после нескольких столкновений отброшена назад. Единственное преувеличение, которое допустил Б.Васильев – кое-кому из немцев все-таки удалось спастись.

ния потусторонних сил в ледяных пустошах севера. Это почему-то не прибавляло бодрости.

К тому же в плане операции имелись некоторые нюансы, которые казались Хеттингеру не вполне приемлемыми. Однако специально прилетевший командир полка жестко заявил, что это приказ командира дивизии, который не обсуждается. Да, существует Kriegsnotwendigkeit – военная необходимость, которая заставляет делать страшные вещи. Но война сама по себе дело ужасное. Лейтенант начал вспоминать недавние события и, незаметно для самого себя, задремал, привалившись к борту самолета.

Генерал Александр фон Пфульштайн, откинувшись на спинку кресла, прищурился и снисходительно посмотрел на визитера. Недолюбливал он рыцарей плаща и кинжала из ведомства Кальтенбруннера, сказывалось то, что раньше «Бранденбург» числился за абвером, который чуть не в открытую враждовал с СД. Сейчас абверу многие припоминали крупные промахи, за которые дорого пришлось платить простым солдатам, погибшим под Москвой и Сталинградом, поэтому генерал считал большой удачей то, что дивизия больше не подчинялась адмиралу Канарису. Однако при этом ветераны разведки, даже перейдя в вермахт, откровенно презирали дилетантов

Александр фон Пфульштайн.

из Службы безопасности СС, полагая, что те взялись совершенно не за свое дело.

– Господин генерал, я имею передать вам план операции, подготовленный организацией «Цеппелин». Эта операция может в значительной степени изменить ход событий на Восточном фронте, и группенфюрер Кальтенбруннер придает ей особое значение. Поэтому он просит вас внимательно изучить план и подготовить свои предложения по участию в нем подразделений дивизии «Бранденбург».

– Штурмбанфюрер, дивизия никогда не подчинялась и не подчиняется ни СС, ни СД, насколько вы знаете. Сейчас мы подчиняемся непосредственно начальнику штаба сухопутных войск генерал-оберсту Йодлю.

Легкая тень пробежала по лицу эсэсовца.

– Но ведь «Бранденбург 800» долго и успешно действовал в составе абвера.

– Вот именно. Но не в СД. Сейчас мы являемся резервной дивизией вермахта, и потому по всем вопросам вам следует обращаться в штаб сухопутных сил.

Штурмбанфюрер замялся, довольно долго размышлял и вздыхал, но потом все-таки решился, хотя при этом не показал никаких бумаг. Впрочем, генерал не слишком этому удивился, Кальтенбруннер не слишком уверенно чувствовал себя в области военной разведки и потому старался, по возможности, не оставлять следов, опасаясь обвинений в некомпетентности. Это ведь не заговорщиков ловить. Поэтому фон Пфульштайн охотно поверил, что все детали плана штурмбанфюреру приказали изложить устно, и какие-либо бумаги СД готовилась прислать только после того, как будет получено согласие дивизии участвовать в авантюре. Именно авантюре, потому что планом операции назвать это было сложно.

Оказалось, что еще с 1941 года абвер разрабатывал планы диверсий в русском тылу, но тогда было это не более чем набором пожеланий. Теперь эстафету подхватил заграничный отдел СД и созданная им организация «Цеппелин». Правда, оставалось не очень понятным, додумались до этого подчиненные Кальтенбруннера самостоятельно или поддались на рассказы пленного русского генерала Бессонова. А Бессонов предложил поистине наполеоновский план – высадить в районе северных лагерей огромный десант, не меньше чем пятьдесят тысяч солдат и поднять восстание заключенных, чтобы захватить промышленные центры Урала и отрезать европейскую часть России от Сибири. В первом эшелоне он предлагал отправить шесть тысяч пленных, вооружив их.

Слушая этот бред, фон Пфульштайн с трудом удерживался от того, чтобы не расхохотаться прямо в лицо гостю. Нет, эсэсовцы были и остались дремучими невеждами и откровенными глупца-

ми, иначе бы они знали, что сейчас Люфтваффе не в состоянии высадить даже батальон, не то что предложенный корпус. Русские зенитки и истребители окончательно перемололи транспортную авиацию немцев под Сталинградом, разнеся вдребезги воздушный мост к армии Паулюса.

Особенно прожектеров вдохновили сообщения о восстании в одном из лагерей под Воркутой. Заключенные ухитрились разоружить охрану и напасть на соседний городок, перебив комиссаров и чекистов. Правда, уже через день «повстанцам» пришлось покинуть городок, а вскоре они были либо уничтожены, либо захвачены. Однако Бессонов бодро заявил, что освободительное движение могло быть успешно начато при координации небольших сил вторжения с многомиллионной массой заключенных и трудпоселенцев. Как говорится, легче всего обмануть того, кто сам хочет быть обманутым, и потому офицеры «Цеппелина» поверили русскому генералу. Действительно, почему бы бывшим пленным и заключенным не захватить все центры производства ужасных русских танков Т-34?!

Однако долгая работа в ведомстве хитрой лисы Канариса помогла генералу сохранить каменное выражение лица, не показав, что он думает о штурмбанфюрере и его начальниках. Поэтому он только заметил, что контингенты русских пленных не имеют совершенно никакого отношения к дивизии «Бранденбург», и если уж эсэсовцам так хочется работать с ними, «Цеппелин» вполне способен справиться с этим самостоятельно. Перед дивизией же стоят совершенно иные задачи.

Заметно погрустневший эсэсовец поинтересовался, не может ли генерал в таком случае хотя бы временно придать «Цеппелину» роту «Бранденбурга», которая, как известно, базируется в районе Рованиеми? Фон Пфульштайн вежливо улыбнулся и ответил, что как только он получит соответствующий приказ генерала Йодля, то незамедлительно его исполнит. Однако при этом предвидит определенные сложности, ведь, насколько известно, школа «Цеппелин-Норд» находится в Пскове, что, мягко говоря, далековато от северной Карелии. После этого штурмбанфюрер только пообещал прояснить со своим командованием все непонятые вопросы и откланялся.

Генерал долго смотрел на закрывшуюся дверь кабинета, а потом придвинул к себе стопку бумаги и начал быстро писать. Было в этом безумном предложении нечто, что следовало бы обдумать и использовать, чтобы утереть нос самодовольным выскочкам из СД.

Ровный гул моторов убаюкивал, и лейтенант Хеттингер с удовольствием дремал, как и сорок его парашютистов. Известно, что солдат должен засыпать при первом же удобном случае, потому что не факт, что ближайшей ночью это удастся. Для десантника важно уметь спать в самолете, особенно во время длинных перелетов, так как заняться все равно нечем, и никакие жесткие скамейки не могут этому помешать. Во время долгого ночного полета над дикой местностью ничто самолету не грозит, нервничать нет никаких оснований. Хеттингер так и считал. Но не менее важно для солдата просыпаться при первом же признаке опасности, нет, даже при намеке на опасность. Поэтому Хеттингер, повинуясь неясному внутреннему импульсу, приоткрыл левый глаз и совершенно не удивился дробному топоту ботинок, когда мимо пробежал один из летчиков. Гораздо меньше лейтенанту понравилось то, что это был бортстрелок, который опрометью мчался к своему пулемету. Похоже, перелет был не таким безопасным, как виделось раньше. Конечно, Хеттингер много дал бы, чтобы взглянуть, что там происходит снаружи, однако сквозь иллюминаторы грузового отсека Ме-323 была видна лишь ночная темень.

– Что случилось? – спросил он в спину бортстрелка.

Но тот лишь недовольно отмахнулся, не произнеся ни слова. Хеттингер вздохнул и встал, решив подняться в кабину пилотов. Лезть к стрелку, схватившемуся за пулемет, значило нарваться на оскорбление, в таких случаях люди сильно нервничают. Но, в конце концов, он командир десанта, он отвечает за операцию и имеет полное право быть в курсе случившегося, что бы там ни думали пилоты. Впрочем, пока он особо не волновался, так как знал, что во второй группе Транспортгешвадера 5, занимающейся специальными операциями, служат самые опытные летчики, которые умеют выкрутиться из самого сложного положения.

В кабине царило нервное напряжение, смешанное с недоумением. Первый пилот, молодой капитан со шрамом на левой щеке, глянул через плечо на Хеттингера, но ничего не сказал, хотя и дернул шрамом недовольно.

– Что происходит? – спросил лейтенант.

Второй пилот ответил, пожав плечами.

– Пока сами ничего не можем понять. Какие-то странные... – он помялся, – явления. А мы привыкли к тому, что в наших операциях все странное может оказаться опасным.

– Слева на восемь часов! – вдруг крикнул сверху радист, разворачивая свою пулеметную турель.

– Дерьмо! – прошипел первый пилот.

Хеттингер приник к левому окну пилотской кабины и помотал головой, не в силах поверить увиденному. Сзади «Гиганта» быстро нагонял большой светящийся бело-зеленый шар, разбрасывающий фейерверки искр. Самым странным было то, что сам шар светился настолько ярко, что напоминал сварочную дугу, и на него было больно смотреть, но при этом его свечение совершенно не рассеивало темноту вокруг.

– Что это? – растерялся лейтенант.

– Понятия не имею, – огрызнулся первый пилот. – Никогда не

видел и предпочел бы не видеть. Хорошо еще, пока просто пролетают мимо. А то черт его знает, чем оно может закончиться.

Но тут наверху затявкал пулемет радиста, в темном небе к шару протянулась тускло-красная дуга трассирующих пуль. Зазвенели по полу кабины выплюнутые пулеметом стреляные гильзы.

– Отставить! – заорал капитан. – Ланге, немедленно прекрати! Он нас не трогает и пусть летит!

– Есть, господин капитан, – послушно откликнулся радист.

Но было уже поздно. Пулеметная очередь хлестнула по шару, и на его месте полыхнула ослепительная белая вспышка, на несколько секунд ослепившая всех. Когда Хеттингер проморгался, за окном снова было темно. Однако достаточно быстро позади самолета появилось слабое зеленое свечение, которое быстро расползалось по небу. А потом из этого зеленоватого марева начали выпрыгивать точно такие же бело-зеленые шары. Только теперь они не спешили приближаться к самолету, а осторожно кружили поодаль. В памяти Хеттингера совершенно некстати всплыли рассказы Штегемана.

– Дерьмо! – снова выругался первый пилот. – Пулеметчики, как только приблизятся, огонь без команды, самостоятельно. – Ему тут же послушно откликнулась хвостовая спарка. – Прекратить бессмысленную пальбу! Стрелять только наверняка.

Пулемет замолчал.

– Может, это какое-то новое оружие русских? – неуверенно предположил второй пилот. – Я слышал, фюрер подготовил к летнему наступлению новое оружие. Танки новые, самолеты... А еще говорят, что в секретных лабораториях работают над каким-то вундерваффе, которое сразу принесет победу.

– Так это у нас, – огрызнулся капитан. – А русские унтерменши... Откуда у них вундерваффе?! Нет, это что-то другое. Может, это какой-то безумный вулкан? Или шаровая молния. Мало ли что у них тут в дикой России может найтись.

– Но они гонятся за нами, – с подвизгиванием произнес второй пилот.

– Спокойно, – рыкнул первый. – Если бы не болван Ланге, все было бы нормально. Он нас не трогал и летел бы себе дальше, куда захочет. Нет, вздумалось пострелять.

– Но господин капитан, а вдруг это все-таки было новое оружие русских? – ответил радист. – Я и решил стрелять, когда он пошел на сближение.

– Проклятье! – вдруг крикнул капитан. – А ведь они отжимают нас к северу, хотя нам надо прямо на восток. Что там по карте? – обратился он ко второму пилоту.

Тот зашуршал склейкой, а потом растерянно ответил:

– Ничего. Никаких объектов, никаких населенных пунктов.

– Ладно, пока у нас хватает топлива, послушаем, что нам советуют, – невесело сказал капитан. – Почему-то мне не хочется выяснять, что произойдет, если такой шарик ударит нас по плоскости. Вдруг они проводят нас немного, а потом отстанут. Говорят, шаровые молнии следуют за движущимся объектом, пока не рассеются в воздухе. – Затем он повернулся к Хеттингеру. – А у вас, лейтенант, есть пулеметы?

– Да, господин капитан, шесть МГ-42.

– На всякий случай подготовьте их к стрельбе через бортовые иллюминаторы. Механики покажут, что делать. Огня не открывать, пока я не прикажу, но быть наготове.

– Есть, господин капитан.

Следующие минут сорок ничего не происходило. Лейтенант приказал подготовить пулеметы, но напомнил, что следует беречь патроны. Это летчикам хорошо, вернутся на аэродром – и все нормально, а у десанта боезапас не бесконечный. Хотя парашютисты и были встревожены, но держались спокойно. Мало ли что там за бортом мелькает? Самолету пока явно ничто не угрожает, так стоит ли дергаться? Штегеман даже предположил, что это духи нибелунгов решили проводить их. Но Хеттингеру было не до шуток. Он помнил слова капитана о том, что проклятые светляки отжимают самолет к северу. Ведь это означало срыв операции, высаживаться в полярной тундре никак не входило в планы лейтенанта, а уж тем более возвращаться назад.

Похоже, точно так же думал и первый пилот, потому что тяжелый транспортник вдруг плавно лег на правое крыло и заскользил к земле, одновременно поворачивая снова на восток. Но светляки отреагировали немедленно, они сразу пошли на сближение, а тройка бело-зеленых огней выскочила вперед прямо по курсу самолета.

Одновременно по кабине прокатился низкий, на грани слышимости, протяжный вой, переходящий в ужасающий стон. От этого звука у Хеттингера неожиданно заболело сердце, затряслись руки, а на лбу выступила холодная испарина. Он понял, что испуган до полусмерти. Оглянувшись, он увидел белые, перекошенные лица парашютистов и понял, что они чувствуют то же самое.

Затем стон утих, однако чувство необъяснимого ужаса только усилилось. Хеттингеру показалось, что самолет затрясся мелкой, противной дрожью, он выглянул в иллюминатор и увидел, что крыло начало изгибаться вверх и вниз, и вот-вот переломится. Это был конец! Он инстинктивно зажмурился, словно это могло отвратить неизбежное.

Но тут по ушам ударил резкий отрывистый грохот, и чувство леденящего ужаса мгновенно исчезло. Хеттингер открыл глаза и трясущейся рукой вытер лицо. Оказалось, снова не выдержали нервы у радиста Ланге – стрелял пулемет верхней турели. Хеттингер увидел, как два светляка рассыпались огненными брызгами. Приняв эту стрельбу за приказ, открыли огонь и остальные пулеметчики, стараясь скрыть недавний испуг. Механик, сжимавший

рукоять бортового МГ-17, зверски оскалился и выпустил длинную очередь по светящимся шарам. Вразнобой ударили пулеметы «бранденбуржцев», и лопнули еще несколько светляков.

А потом все изменилось, и самым скверным образом. Хеттингер в иллюминатор увидел, как непонятные шары из бело-зеленых вдруг разом превратились в ярко-красные, окутавшись мрачным багровым ореолом. Еще недавно они безвредно кружили вокруг самолета, держась на почтительном расстоянии, а теперь решительно пошли прямо на «Гигант». Пулеметы захлебнулись бешеным лаем, однако это не остановило светляки. Было видно, как они просто глотают пулеметные трассы, не дергаясь и не останавливаясь. Вот один из них прилип к правому крылу, и тут же назад протянулся трепещущий огненный хвост. Затем второй шар коснулся крайнего мотора, по ушам ударил дикий вой, переходящий в визг. Хеттингер увидел в иллюминатор, как неожиданно оторвался пропеллер и улетел куда-то в сторону. Затем из правого среднего мотора повалил черный дым, и его пропеллер беспомощно замер. Самолет ощутимо потащило вправо.

Но первый пилот «Гиганта» был настоящим мастером. Какимто чудом он сумел выровнять самолет, хотя удержать его в воздухе уже было просто невозможно. «Гигант» резко пошел на снижение, и Хеттингер понял, что остается только молиться, чтобы нашлась подходящая площадка для посадки. Этот самолет мог садиться на любой полянке, но тяжелой машине все-таки требовалось место. Но тут наверху, в кабине пилотов мигнула багровая вспышка, самолет дернулся и резко опустил нос.

Хеттингер еще успел заметить, что высота была совсем небольшой, внизу мелькали заснеженные деревья, чуть дальше пронеслась черно-белая скала. Самолет дернулся еще раз, неожиданно задрав нос – пилоты отчаянно пытались посадить его нормально. Но тут «Гигант» зацепился за что-то брюхом, неуклюже подскочил и с ужасным грохотом ударил правым крылом по толстому дереву. Самолет крутануло, внутренний правый мотор взорвался, превратившись в клубок огня. Что-то раскололо иллюминатор и ударило лейтенанта прямо в лицо, и все вокруг почернело.

Очнулся он от того, что кто-то плеснул ему в лицо холодной водой. Хеттингер обнаружил, что лежит прямо на промерзшей земле, а над ним стоит непонятная фигура. Разглядеть он ничего не мог, перед глазами плавали разноцветные круги, в ушах неприятно звенело, лоб просто жгло огнем.

– Герр лейтенант, вы меня слышите? – как сквозь вату донесся вопрос. Вроде голос был знакомым, но вспомнить, чей именно, Хеттингер не мог.

Он со стоном сел, и тут же перед глазами все завертелось. Лейтенант застонал и обеими руками обхватил голову, пытаясь остановить это вращение.

– Герр лейтенант, как вы?

– Нр... мално... – с трудом вытолкнул он и рухнул навзничь, снова потеряв сознание.

Когда он очнулся второй раз, то чувствовал себя уже почти нормально. Во всяком случае, он сразу понял, что его поливает водой обер-фельдфебель Штегеман. У Хеттингера даже хватило сил отмахнуться.

– Хватит, хватит. Все нормально.

Он сначала сел, а потом даже сумел встать. Правда, его сразу повело в сторону, но Штегеман успел подхватить под локоть, и лейтенант устоял на ногах. Неподалеку неряшливой черно-зеленой грудой виднелись обломки самолета, как ни странно, но «Гигант» не загорелся и не взорвался, даже пылавшие моторы теперь лишь едва дымились. Вокруг толпились его парашютисты, но их было явно меньше, чем ранее. Рядом валялись пулеметы, ящики с патронами, помятые банки консервов – в общем, весь тот хаос, который сопровождает любую катастрофу. К лейтенанту подошел первый пилот, левая рука которого висела на перевязи, летчик постоянно морщился. Было понятно, что рука сломана и сильно болит.

– Ну что, лейтенант, принимайте командование, – невесело предложил он. – Доставить вас по назначению я не сумел, теперь ломайте голову, как нам выкрутиться. На земле первое слово будет за вами, я перехожу к вам в подчинение. Положение поганое, хотя бывало и хуже.

Борясь с тошнотой, Хеттингер спросил:

– Сколько человек уцелело?

– Семнадцать человек наших, – бодро отрапортовал Штегеман, – и двое летчиков.

– Я и болван Ланге, из-за которого вся эта каша заварилась. Вот кого я бы пристрелил с удовольствием, – добавил первый пилот.

– Не уверен, капитан, что из-за него. Мне почему-то кажется, что эти проклятые фантомы не пропустили бы нас к цели в любом случае, стреляй мы по ним или нет, – возразил Хеттингер. – Это какое-то странное явление, объяснить которое я не в силах. – Вспомнив рассказы Штегемана, лейтенант криво ухмыльнулся. – Я совершенно не уверен, что это дело рук человеческих, даже наверняка нет. Мне в какой-то момент показалось, что они вообще разумны. Но сейчас не время разгадывать эти загадки. Все могло закончиться гораздо печальнее.

– Уж куда... – хмыкнул пилот.

– Да, а что у нас со связью? – спросил Хеттингер Штегемана.

– Одна из наших раций уцелела, а вот радист...

– Что?! – вскинулся лейтенант.

– Тяжелые переломы, без сознания. Второй радист погиб, – доложил обер-фельдфебель.

– Н-да, – подвел итог капитан. – Теперь Ланге точно нельзя расстреливать. Он наша последняя ниточка в эфире. Ладно, что вы намерены делать?

Хеттингер немного удивленно посмотрел на него.

– Как что? Выполнять приказ! Этот инцидент не основание отказаться от операции.

– Какой операции? Я имел приказ выбросить ваш десант в указанном квадрате, но о дальнейших ваших действиях я не имею ни малейшего представления.

Лейтенант потрогал горящий лоб – и когда только его успели перевязать? – и нехотя начал рассказывать. Сейчас секретность уже не имела никакого смысла. Командир «Бранденбурга», получив информацию о фантастической авантюре «Цеппелина», задумал свою собственную. Однако он не собирался полагаться на отбросы в виде русских изменников и заключенных. Фон Пфульштайн воспользовался старой информацией абвера о том, что значительное количество немцев из Приволжья было отправлено в лагеря северного Урала. Основную их массу вывезли в Казахстан, но по данным Канариса несколько десятков тысяч немцев находились в лагерях вокруг Ивделя. Генерал предложил уничтожить охрану одного или двух лагерей. Русские наверняка не ждут удара в спину и все внимание уделяют внутреннему периметру. Подготовленные диверсанты без всякого труда ликвидируют разленившуюся и зажиревшую охрану лагеря. После этого требовалось связаться по радио с «Бранденбургом», и генерал намеревался отправить в лагерь несколько самолетов с оружием, рассчитывая на то, что природные немцы будут сражаться всерьез. Но вот здесь начиналась та самая часть операции, которая так не нравилась Хеттингеру. Фон Пфульштайн заранее отводил освобожденным заключенным роль смертников. Они должны были своими телами пробить дорогу группе Хеттингера к какому-то сверхсекретному руднику. Что именно там добывалось, генерал не сказал, только туманно намекнул, что это какой-то вариант вундерваффе, и от лейтенанта зависит, сумеют ли русские его сделать. «Бранденбуржцы» имели жесткий приказ – не вступать в бой с охраной рудника, предоставив это пушечному мясу, но обязаны были любой ценой рудник взорвать. Посылать на смерть братьев по крови – это совсем не то же самое, что пожертвовать парой тысяч русских унтерменшей. Однако Kriegsnotwendigkeit. Нам приказывают – мы исполняем.

– Понятно, – вздохнул летчик. – Что мы будем делать с ранеными?

Выяснилось, что погибли далеко не все. Штегеман доложил лишь о тех, кто мог двигаться и сражаться. Но еще десять парашютистов и двое летчиков получили тяжелые переломы и ушибы, и хотя кое-кто даже оставался в сознании, двигаться они не могли. Пытаться нести их с собой, значило обречь операцию на провал. Оставить на месте и выделить еще пару человек для ухода за ранеными – ослабить отряд еще больше. Да и что ждет раненых? Хеттингер ненадолго задумался. Такие случаи у него уже были, хотя в первый раз пострадавших оказалось так много.

– Обер-фельдфебель! Позаботьтесь о раненых! – жестко приказал он.

– Слушаюсь, герр лейтенант, – козырнул Штегеман и передернул затвор автомата.

– Вы что... – побелел летчик.

– Продолжаю выполнение операции, – сухо ответил Хеттингер.

Действительно, а что тут такого? Самая обычная Kriegsnotwendigkeit – военная необходимость. Это даже гуманно, не оставлять же их в промерзлом лесу, вполне можно рассматривать происшедшее, как акт милосердия. А Штегеман – солдат опытный, нервы железные, ему даже университетский диплом не помешает выполнить приказ. Хеттингер в глубине души даже восхищался Штегеманом, куда простому лейтенанту до выпускника престижного университета. Ему привелось прочитать пару эссе, которые Штегеман писал даже на фронте – несомненный талант. Но при этом полное отсутствие предрассудков и устаревшей морали. Обер-фельдфебель мастерски доказывал превосходство нордической расы и с железной необходимостью выводил обязательное уничтожение унтерменшей, обосновывая это высшими интересами прогресса и процветания человечества. Он вполне мог бы окопаться в ведомстве Геббельса, однако ведь предпочел пойти на фронт!

Сборы были не слишком долгими. К счастью, парашютистам не пришлось волочь на себе ящики со взрывчаткой, ее предполагалось доставить вместе с оружием для бывших заключенных. Поэтому были собраны боеприпасы и продукты, которых после сокращения отряда оказалось более чем достаточно. Вместе с капитаном они постарались определить свое место на карте. Выходило, что проклятые светляки хоть и загнали их к северу, но в целом группа оказалась не слишком далеко от намеченного места высадки, а это означало лишние два-три дня пути. Впрочем, точные сроки генерал не ставил, все зависело от того, когда десантники захватят концентрационный лагерь и пришлют радиограмму. Правда, выплыло довольно неприятное обстоятельство – карты маршрута практически отсутствовали. То, что получил в штабе Хеттингер, было фактически грубым наброском, хотя он сразу подозревал, что так и окажется. Ну а карты летчика были еще хуже, с высоты два километра зачем ему видеть какие-то болота и тропинки? В общем, двинулись почти что наугад, как говорится, «в указанном направлении».

Двигались быстро, но сторожко, как стая волков. Хеттингер больше всего опасался, как бы русские не обнаружили их. Пролет самолета хоть и трудно, но можно было заметить, после чего выслать самолеты-разведчики было делом естественным. Однако хмурое небо, покрытое рваными серыми облаками, надежно укрывало группу. К тому же, как помнил лейтенант, просто не было у русских самолетов, которые можно было бы использовать для этой

цели. И все-таки он гнал парашютистов на пределе сил, стремясь как можно быстрее и как можно дальше уйти от места гибели самолета.

Места были глухие и гиблые, они ничуть не напоминали карельские леса, к которым уже привыкли парашютисты. Чахлые кривые ели, зелено-белый мох, под ногами постоянно чавкало и хлюпало, и приходилось постоянно опасаться, как бы не провалиться в топь. Перекрученные стволы прижимались к земле, прячась от ледяных ветров.

Местами деревья сменял такой же черный и чахлый можжевельник. Его ветви под порывами ветра неприятно стучали по земле, заставляя людей испуганно вскидываться – им чудились чьи-то шаги. В низинах и ложках мелькали языки грязно-серого снега, так и не растаявшего, хотя зима давно закончилась. Идти было тяжело, однако приказ есть приказ, никто не жаловался, даже летчики, непривычные к таким маршам, пока еще держались, но люди начали нервничать.

На ночь выбрали место посуше, наломали еловых ветвей, устроились, как могли. Хорошо еще, что с едой проблем не возникло, консервов было в достатке, и разогреть банки тоже не составило проблемы. Немецкая химия – лучшая в мире, это известно всем, таблетки сухого спирта имелись у всех. Это пусть русские мучаются с кострами из сырых сучьев.

После завтрака Хеттингер устроил небольшое совещание с капитаном, они выбрали направление на ближайший концлагерь. Правда, смущала пометка на карте – «недостоверно», но выбирать не приходилось. Злосчастный Ланге проверил рацию, она была вполне исправна, но выходить в эфир лейтенант пока запретил. Нельзя обнаруживать себя раньше времени.

Время понемногу катилось к полудню, как вдруг шедший впереди Штегеман поднял руку и остановился так резко, что следующий в колонне ткнулся носом прямо ему в спину. Хеттингер подбежал к обер-фельдфебелю.

– В чем дело?

– Слушайте, герр лейтенант?

– Вроде ничего...

– Собаки.

Хеттингер сделал знак отряду, чтобы все замерли без единого движения и снова прислушался. Лишь теперь он уловил едва различимый отзвук лая.

– Та-ак. Значит, здесь неподалеку какое-то поселение. Двигаться с особой осторожностью, если что... Ну, вы сами знаете, как действовать.

Отряд двинулся дальше, охватывая полукольцом предполагаемую деревню. Понятно, что следовало бы замкнуть окружение, но людей не хватало. Однако обошлось. Даже если эти жители севера и были отличными охотниками, они привыкли охотиться на зверей. А вот «бранденбуржцы» были натренированы для охоты на самого страшного хищника – человека. Поэтому мини-операция по захвату деревни прошла как по маслу.

Хотя какая там деревня... Хеттингер брезгливо морщился, разглядывая непонятные грязные вигвамы туземцев. Одно слово – унтерменши, они даже русским уступают. Фюрер был прав, когда собирался очистить землю от этих существ. Вонь, грязь, вши... Даже Штегеман со всем своим знанием языков был бессилен объясниться с ними. Впрочем, одного старика, который вроде бы понимал русский язык, отыскать в этом становище удалось.

Но когда его притащили, Хеттингер почему-то вздрогнул. Нет, с виду старик был таким же, как все остальные туземцы – грязный, в одежде из засаленных, потертых шкур. Однако, когда он мимолетно взглянул на лейтенанта, тому показалось, будто кто-то залез ему прямо в голову и копается там жадными грязными пальцами. Хеттингер замотал головой, отгоняя мерзкое ощущение, к тому же вдруг где-то глубоко тихий ласковый голос посоветовал ему не беспокоиться, потому что все закончится нормально, и не следует обращать внимание на ерунду.

Лейтенант тяжело вздохнул и обратился к Штегеману:

– Спроси у него, знает ли он, где находится это место, – ломать себе язык, пытаясь произнести туземное название деревни, рядом с которой находился концлагерь, Хеттингер не собирался. Пусть уж этот обладатель университетского диплома практикуется в языках.

Обер-фельдфебель с большим трудом, с запинками, и постоянно переспрашивая, начал допрос старика. У Хеттингера сложилось впечатление, что Штегеман знал русский гораздо лучше этого туземца. Но при этом лейтенант почему-то заподозрил, что старик его понимает без помощи переводчика. Во всяком случае смотрел он только на Хеттингера, не обращая внимания на Штегемана. Нет, это у него нервы вразнос пошли после аварии самолета, не следует так думать. Никакого колдовства!

В общем, посулами и угрозами, но Штегеман сумел-таки уговорить старика сопровождать отряд. Собственно, ничего особенного он не пообещал, так, несколько винтовок, консервы. Но, кажется, для этих дикарей и такие простые вещи были настоящими сокровищами. Как оказалось, туземцы прекрасно знают, где находятся концлагеря, и, судя по всему, не испытывают особой любви к русским в этой связи. Как потом пояснил Штегеман, несколько человек были арестованы, как заговорщики. Хотя, какие там заговоры на вечной мерзлоте? Однако несчастных туземцев схватили, и они пропали бесследно. Похоже, старик, который оказался не то вождем племени, не то шаманом, простить этого русским не мог. Обер-фельдфебель даже подарил ему свои часы, но вряд ли этот дикарь вообще знал, что такое время и зачем нужны часы.

В общем, задержка получилась недолгой, и вскоре отряд двинулся дальше, причем разницу немцы почувствовали сразу. Если сами они с большим трудом продирались сквозь дикие дебри, то сейчас

проводник вел их по незаметным тропинкам, и никто больше не ругался, получив упругой колючей веткой по носу.

Однако война есть война, и командир не имеет права пренебрегать никакими предосторожностями. Мало ли что, старик согласился проводить их, а вдруг он во время сборов отдал какие-то приказы соплеменникам, и те предупредят русских? В результате «бранденбуржцы» вполне могут нарваться на засаду, и кончится все это очень скверно. Поэтому Хеттингер шепотом отдал нужный приказ, и спустя час трое парашютистов незаметно отстали. Они должны были зачистить становище туземцев и догнать отряд, когда тот остановится на ночевку. Никакой жестокости, война диктует свои законы, соблюдать которые необходимо, если хочешь остаться жив. Kriegsnotwendigkeit – военная необходимость, и ничего более.

Очередная ночевка ничем не отличалась от предыдущей, устроились, поужинали. Однако Хеттингер сначала встревожился, а потом начал откровенно нервничать. Солдаты, посланные на умиротворение туземного стойбища, так и не вернулись. Отстали? Где-то задержались? Заблудились? Возможно, но маловероятно. Солдат «Бранденбурга» учили читать следы, пусть даже они и не достигали мифических высот, которые приписывали индейцам, способным видеть чуть не на метр вглубь земли. Однако проследить отряд из двух десятков человек они могли без труда, тем более, что в этой дикой местности особо сторожиться не было никаких оснований, и все-таки они так и не вышли к месту ночевки.

Поэтому утром лейтенант приказал двум солдатам отправиться назад по следу, чтобы проверить, что же могло случиться, правда, долго ждать результата поисков он не собирался. Два часа, три от силы... А дальше придется занести тех троих в неизбежные боевые потери, если только им не посчастливится таки догнать уходящий отряд. При этом Хеттингер почувствовал спиной неприятный сверлящий взгляд. Резко повернувшись, он увидел ненависть, полыхающую в глазах старого туземца. Догадался он, что ли или почуял что? Нет, не может быть.

Ждать долго не пришлось, буквально через пятнадцать минут один из солдат вернулся, только лицо его было перекошено и, как показалось лейтенанту, имело совершенно отчетливый зеленоватый оттенок.

– Там... Там... – только и смог пролепетать он.

– Что?! – взвился Хеттингер.

– Это надо видеть, – кое-как выдавил солдат.

Со стоянки снялись моментально, только теперь, повинуясь едва заметному кивку Хеттингера, за спиной туземца постоянно держались двое парашютистов. Идти пришлось недалеко, не более чем полкилометра. И то, что увидел лейтенант вполне объяснило бледный вид солдата. Пропавшие трое, точнее то, что от них осталось, обнаружились на небольшой полянке, сплошь залитой кровью. Тела солдат были буквально разорваны в клочья и обгрызены какими-то хищниками. Но это не могли быть звери, потому что три оторванные головы были аккуратно насажены на обломанные ветви кривой ели. Кое-кого из солдат при виде рваных кишок, разбросанных по поляне, стошнило, хотя они должны были привыкнуть к виду изуродованных тел, так как участвовали во многих боях. Однако артиллерийский снаряд не способен на подобное.

– Кто это мог сделать? – растерянно спросил Хеттингер, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вместо ответа один из солдат трясущейся рукой указал на странные следы, видневшиеся среди пятен крови. Больше всего они напоминали огромные птичьи лапы, только ведь не бывает птиц с семью пальцами на ноге. Да вообще никакое существо такую лапу иметь не может. Хеттингер решил, что больше всего эти следы напоминают отпечатки вывороченного вместе с корнями древесного пня. На какое-то мгновение он растерялся, но быстро спохватился – тугодумов в «Бранденбург 800» не берут.

– Штегеман! Быстро допросите старика, он наверняка знает, какие чудища могут водиться в этих местах.

По знаку обер-фельдфебеля парашютисты привели старика, почти не подталкивая его в спину стволами автоматов. Но, странное дело, всегда уверенный и даже самоуверенный Штегеман явно робел, глядя на старика.

– Ты можешь сказать, что это было? Никакому зверю это не под силу.

– Зверь такое не может. Но вы разбудили древнее зло.

При этих словах туземца у Хеттингера неприятно засосало под ложечкой, да и Штегеман побелел еще сильнее, хоть и трудно это было.

– Какое зло?

– То, которое отомстит вам за ваши дела.

– Но мы ни в чем не виноваты, – растерянно возразил Штегеман. – Ты же сам видел, мы все время были вместе

Старик зло усмехнулся.

– Ты можешь обмануть меня. Можешь даже обмануть сам себя. Однако духов тебе обмануть не удастся.

– Духов? – вконец растерялся обер-фельдфебель. У лейтенанта, слушавшего этот безумный диалог, волосы встали дыбом.

– Злыми делами вы разбудили духов этой земли – менквов. И теперь вам не будет спасения, если только вы не принесете жертву, чтобы умилостивить их.

– Какую жертву?! – сорвался на визг Штегеман.

– Человеческую. И не знаю, примут ли духи ее.

– А кто они такие, эти менквы? – наконец справился с истерикой обер-фельдфебель.

– Человек лесной, человек болотный, точно сказать никто не может, потому встретиться менкв может и там и тут. И мало кто из

встретившихся с ним выжил, чтобы потом об этой встрече рассказать. Роста преогромного и силы немереной, медведя может пополам разорвать, не заметив того, – начал нараспев говорить старик, полуприкрыв глаза, понятно было, что он вспоминал какую-то старую легенду. – Голова острая, посередь ее один глаз зеленый сверкает. Кого сверкание глаза коснется, тот пылью мелкой рассыплется. Тело железное, никакое оружие не берет его, только волшебство и способно справиться с менквом. На лапах когти длинные, медные...

– Хватит! – сорвался на крик Хеттингер, слушая перевод Штегемана. – Ты что, веришь в этот бред?!

Обер-фельдфебель хмуро посмотрел на командира и неожиданно огрызнулся:

– Верю-не верю, но только кто убил этих троих? Ни человек, ни зверь на такое не способны. А какие силы могут таиться в диких местах, никто не скажет. Вспомните хотя бы Дикую Охоту или Лесного Царя. Так то у нас, в мирном и культурном Шварцвальде. И встречаться с теми, кто может жить здесь, в холодной глуши, у меня нет никакого желания. Может, вызовем самолет? В конце концов, группа понесла тяжелые потери, ведь погибла половина людей, и продолжать операцию мы не в состоянии.

– И как нас встретят? – кисло поинтересовался лейтенант.

– Зато мы останемся живы. Лейтенант, я никогда ни на что не жаловался и никогда не отступал. Но сейчас я просто боюсь. Вспомните, что происходило в самолете, что сейчас происходит здесь. Есть тайны, которые убивают, я не хочу их разгадывать. Мы сейчас попали в загадочную Биармию, страну северных колдунов. Я помню старый манускрипт Олафа Магнуса. «Жители Биармии искусны в чаровании людей. Взглядом, словами или какими-нибудь другими действиями они умеют так связывать людей, что те лишаются здравого рассудка, теряют свободу воли и часто совершают непонятные поступки».

– Ты с ума сошел, филолог паршивый!

– Может быть, но разве вы сами не чувствуете, герр лейтенант, что здесь нечисто?!

Нет, этого Хеттингер как раз не чувствовал. Тихий ласковый голос прошептал, что ему следует успокоиться и не обращать внимания на всякие мелочи, потому что нужно идти дальше. Лейтенант хотел было отдать команду, но пересохшее горло перехватило, и он закашлялся, да так, что слезы покатились. Придя в себя, он жестко произнес:

– Отставить разговоры! Выполнение операции продолжается! Штегеман, выяснить у старика дальнейший маршрут! – Но на мгновение лейтенанту померещилось, что это не он командует, а кто-то другой шевелит его губами. Впрочем, дурное ощущение тут же развеялось.

Наскоро закопали головы, остальное собирать не стали, и отряд форсированным маршем двинулся дальше. Время, время! Правда, ближе к вечеру капитан-летчик догнал Хеттингера и обеспокоенно спросил:

– Вам не кажется, что мы слишком забираем к востоку? Если я не ошибаюсь, нам ведь следует двигаться на юг.

Встревоженный Хеттингер снова с помощью Штегемана попытался объясниться с туземцем. Но объяснение оказалось очень простым. Старик повел отряд к горному хребту, куда эти зловещие менквы не заходили, во всяком случае, старик ни о чем подобном не слышал. Не любят они горы и снег. Лейтенанту перспектива увидеть горы и снег тоже не показалась привлекательной, но из двух зол следовало выбирать меньшее. Солдаты были взвинчены и страшно нервничали, несколько раз вспыхивала стрельба, хорошо еще слышать ее могли разве что местные вороны, а то бы отряд давно себя обнаружил. Лейтенант не узнавал своих «бранденбуржцев», никогда еще он не видел их такими напуганными. Но тихий ласковый голос упрямо повторял: все будет хорошо. И Хеттингер верил ему, потому что очень хотел верить. А погода, между тем, начала понемногу портиться, по небу побежали серые тучки, пока еще редкие.

Ночевать остановились в какой-то лощине, куда меньше задувал промозглый сырой ветер. Старик твердо пообещал, что завтра они выйдут к колдовской горе, после чего ни о каких опасностях думать уже не стоит. Хеттингер на всякий случай расставил усиленные караулы, даже капитан вызвался дежурить, и сам лейтенант тоже решил бодрствовать с последней сменой. По своему опыту он знал, что противник предпочитает нападать ближе к утру, когда часовые измотаны дежурством и отчасти расслабились после спокойной ночи. И неважно, какой это противник – реальный или потусторонний.

Когда его разбудили, оказалось, что ночью повалил мокрый липкий снег. Но это было еще не самое плохое, оказалось, что пропали еще двое караульных. Посланная им на смену пара нашла лишь несколько выкуренных сигарет – и только. Хеттингер собрался было приказать найти хотя бы тела, но посмотрел на перекошенные лица солдат и отказался от этой мысли. Больше никто не спал, десантники сбились в кучу, судорожно сжимая оружие, и всматривались воспаленными глазами в темноту, перечеркнутую белыми полосами метели. Нервы были напряжены до предела, и несколько раз сама собой вспыхивала стрельба, Хеттингер даже не пытался ее останавливать, потому что сам был близок к истерике. Только старик-туземец, которого тоже разбудили, был спокоен и, как показалось Хеттингеру, чуть усмехался. Нет, определенно показалось! Ведь знает же, что его могут в любой момент расстрелять. Какие тут смешки?!

Начало светать, и метель, словно по заказу, прекратилась. Снега выпало не очень много, поэто-

му идти было не слишком трудно. Хеттингер был близок к тому, чтобы вызвать самолет и эвакуировать остатки группы. Всего пятнадцать, из них двое – летчики, люди измотаны, многие на грани истерики. Это вместо сорока уверенных в себе, отлично подготовленных десантников. Какие уж тут штурмы?! Но тихий ласковый голос упорно звал дальше, и лейтенант, отчетливо понимая, что действует против собственной воли, гнал солдат вперед.

Местность начала понемногу подниматься, равнина перетекала в гряду отлогих каменистых холмов. Из-под тонкого слоя мокрого снега тут и там торчали острые черные камни. Пронзительный ветер резал лицо, дышать было трудно, но солдаты упрямо брели вверх. Ведь там их ожидало спасение от неведомого ужаса... А впереди под тусклым серым небом обрисовалась тупая вершина невысокой горы, сплошь занесенная снегом.

Старик обернулся к Хеттингеру и, указав на гору рукой, прокаркал что-то на своем варварском наречии. Видя, что Штегеман его не понимает, он заговорил по-русски, и обер-фельдфебель автоматически перевел:

– Ну, вот мы и пришли. Гора Холатчахл, где вам уже ничто страшно не будет. Я привел вас, куда следует.

Лейтенант растерянно закрутил головой и вдруг увидел справа от себя пять огромных белых фигур, от которых веяло угрозой. Ему показалось, что он видит зеленое мигание во лбу этих созданий. Зеленый глаз! Циклопы... Или те самые менквы, которые, по словам туземца, гнались за ними. Но ведь они должны были отстать?

Над плато прокатился низкий гул, переходящий в душераздирающий стон, точно такой, какой они уже слышали в самолете. Только теперь его действие было немного другим. Да, снова в душе возникло чувство страха, только теперь этот страх ледяными оковами сковал людей так, что они не могли шевельнуться, и сами застыли, точно каменные истуканы. Хеттингер почувствовал, как у него по подбородку побежала струйка слюны, а брюки стали неприятно мокрыми. Скосив глаза, он увидел белое перекошенное лицо Штегемана, который безумно вращал выпученными глазами. Обер-фельдфебель явно пытался что-то сделать, но не мог.

А вот на проклятого старика этот гул не подействовал. Он подошел к Хеттингеру и посмотрел ему прямо в глаза, и лейтенанта буквально физически обожгла ненависть, полыхнувшая во взгляде туземца. И тут в голове зазвучал тот самый тихий голос, к которому он уже привык, только сейчас он не был ласковым, наоборот, злым и резким.

– *Вот вы и получили то, что заслужили!*

Хеттингер понял, что сходит с ума. Старик разговаривал с ним напрямую, без помощи переводчика. Видимо, что-то такое мелькнуло в глазах лейтенанта, потому что старик ответил:

– *Да, это я привел вас сюда, здесь вы и останетесь. Я не буду убивать никого из вас. Вы просто будете стоять... и стоять. До самого конца.*

Нет, этого не может быть, этот кошмар обязательно должен рассеяться! Мы же цивилизованные люди, мы не верим в колдовство. На какое-то мгновение Хеттингер решил, что наваждение рассеялось. Нет никаких великанов с зеленым глазом, просто это изъеденные временем и ветром останцы, припорошенные снегом. Это всего лишь ветер воет в трещинах каменных столбов. Но тут же в памяти всплыли слова Штегемана: «Жители Биармии искусны в чаровании людей. Взглядом, словами или какими-нибудь другими действиями они умеют так связывать людей, что те лишаются здравого рассудка».

Не-ет! Видимо, что-то похожее испытывал и Штегеман, потому что он издал ужасный стон, изо рта у него потекла кровь, но медленно, как во сне, он сумел поднять автомат. В душе лейтенанта полыхнула безумная надежда на освобождение, он расколет чары. И тогда к черту операцию, нужно спасаться. Однако проклятый старик лишь искоса взглянул на обер-фельдфебеля, и тот трясущейся рукой сунул ствол себе в рот и нажал на спуск. Метнулся красно-серый фонтан, опавший на камни.

– Ему повезло, но ты не надейся. Холатчахл – это гора смерти. Стой тут и жди.

Старик повернулся и, сгорбившись и подволакивая ноги, пошел прочь. Снова по ушам ударил низкий стон, от которого останавливается сердце... ❑

МОТИВАЦИЯ

Владлен КОЗИНЕЦ

г. Екатеринбург.

ДРОВ НАЛОМАЛ

«...Жизнь во время путешествия – это мечта в чистом виде...»
Агата Кристи

Задуло-заморосило над Атлантикой круто, до континента самолет тянуть стало опасно. Для чего и пригодился международный аэропорт «Шеннон» в Соединенном Королевстве, предусмотрительно прикорнувший на острове: если уж аварийная ситуация, то хоть не на большой земле.

Так, во всяком разе, оценивал ситуацию уральский тележурналист Ребров, уютно утопавший в барном кресле с огромным фирменным стаканом темного «Гиннеса». Сколько они здесь проторчат – не знает никто, поэтому бар заполнялся основательно, шумно. Пусть в самолете совсем недавно кормили – прямо над Ирландией, все равно кое-кто даже закуски заказывал. Хотя пока летели в Европу трудолюбивой «Люфтганзой», кормежек состоялось, наверное, штуки три-четыре, а может и больше. Роману, собственно говоря, ни есть, ни пить вовсе не хотелось, но не позиционироваться же в белую ворону среди уважаемых коллег! Для таких ворон-альбиносов – вон, общий зал ожидания.

Саммит СМИ в Доминикане пролетел как миг. Россиян было всего четверо, из них трое – москвичи. Те, конечно же, по привычке держались отдельно, а Роман и не навязывался: его английского с лихвой хватало для любого общения. Вот и сейчас он сел отдельно, за двухместный низенький столик с прозрачной столешницей (точно как у него дома), вспоминая темы дискуссий. Особо интересной была, пожалуй что, одна – «Компьютеризация отношений». По всему получалось, что скоро люди перестанут вообще друг с другом разговаривать, коль электронная почта, соцсети значительно эффективнее. С точки зрения технического прогресса – польза очевидная, а как насчет душевного тепла? Не промотается?

Особенно темпераментно выступала на эту тему красотка средних лет (разберешь там за умелым макияжем) из Испании. Она говорила в манере Фиделя Кастро – разрубая фразы не только голосом, но и всем красивым, точеным телом, как бы эффектно ставя в конце каждого высказывания восклицательные знаки. Сейчас именно она всей своей смуглой статью без приглашения обрушилась в соседнее кресло, щелчком подозвала гарсона, заказав тот же темный «Гиннес» с орешками, и лишь затем обратилась к Реброву. Причем – на русском.

– Скучаете, амиго*? Составлю вам компанию?

Вокруг этой дамы на саммите крутился самый густой мужской хоровод: дарили цветы, щедро за нее расплачивались, целовали ручки. Испанка воспринимала знаки мужского внимания как само собой разумеющееся, но никого не выделяла.

– Мой русский корошо?

– Мне бы так на испанском, мадам...

– Анна Мария Мендоза, владелица частный радиостанция в Мадриде.

– Ребров Роман. В отличие от вас – наемный работник.

* Друг, товарищ (исп.; далее – примечания автора).

Они тут же обменялись визитками на английском.

– Муй бьен... простите, Боже мой... Какой же вы наемник? Главный редактор телеканала! По-русски, как это... Шишка...

– У нас главный редактор – всего лишь главный специалист. Как главный инженер, главный режиссер. Сверху еще много начальства!

– Как это по-русски... Клеить, да? Вы меня совсем не клеить, как многий ваш коллега. Есть такой установка для русский за граница? Мигель Горбачофф запрещал? Или ваш новый лидер Ельци?

– Просто я трезво оцениваю свой потенциал. Вам ведь все равно не было скучно?

– Напрасно. Я не любить эти рубаха нараспашку, обувь на босу нога, а вы всегда такой элегант! Костюм английский яхт-клуб производил... вид. Я правильно сказал?

Роман и правда любил клубную пару*, она выгодно подчеркивала его уже слегка полнеющую, но все еще атлетическую фигуру борца. Поэтому если дневные заседания он посещал в легком летнем костюме, то вечером одевался максимально тщательно. Многие коллеги позволяли себе небрежность в одежде с утра до ночи: жара, преимущественно мужское общество, обилие спиртных напитков...

– Я борьбой занимался, стал постарше – судил поединки. У нас это как униформа.

– По ваш плеч видно, что спортсмен. Писал о спорт до политика?

– Первые десять лет. Потом второй вуз, повышение по службе...

– Что интереснее? Спорт?

– Если откровенно...

– Только так. У нас мало время. Ну и?..

– Несравнимо! В спорте все честно. Или – почти все. В политике много скользких людей. Я понятно выражаюсь?

– Скользкий – это хитрый?

– Можно и так определить. Зачастую большая разница между тем, что заявляют, и масштабом самой личности. Потребовалось время, чтобы к этому привыкнуть.

– Дров наломал? Так русский говорят?

– Было. Однажды поссорился с сенаторшей** по поводу передачи и отказался с ней в дальнейшем иметь дело. Наобещала, наговорила, а сама... Не хотелось делать примитив. А ей бы только на экране покрасоваться.

– Какой вы горд! Имел последствия?

– Да нет. Ей дали другого телеведущего. Но предупредили, что она тоже должна строить взаимоотношения с телевизионщиками: у нас не бюро заказов.

– Вот что значит Ти Ви! Сила! Сенатора – в пол! А был случай, когда ваш передача запрещали? Если это не секрет?

– Практически нет. Я ведь знаю, что можно, а что нет. Но один инцидент такой был. Когда я еще спортом ведал.

– Про наркотик? Стимулятор?

– Упаси боже!

Официант сменил опустевшие бокалы молча на то же самое. Ребров окинул взглядом зал – в основном все употребляли тот самый темный «Гиннес», на сорокоградусные напитки большинство не решалось – лететь еще ого-го! Это напомнило ему Дюссельдорф: там не успеешь присесть за столик – перед тобой молча поставят бокал с темным пивом и только потом поинтересуются, что будешь заказывать. В их журналистской группе с Урала один коллега хотел обязательно светлое и – непременно подогретое. Ну ему и ждать же приходилось! Однажды все давно уже успели отобедать, а этот бедолага все еще сидел всухую!

– Только-только входило в моду каратэ, – продолжил Роман. – Я и сделал передачу об энтузиастах этого вида борьбы. Подробную, ознакомительную. Мне повезло – перед Московской Олимпиадой удалось побывать в знаменитой школе Штурмина...

– Это тот, что посадили в тюрьма за каратэ? Наш газет много об этом писал: зажим, преследований...

– Ну, посадили якобы за взятки. Литературы методической тогда не было, все из-под полы приходилось доставать. Не бесплатно, естественно. Ученики скидывались кто сколько мог, документации, ясное дело, никто не вел...

– Понятно.

– И вот мою передачу никак не ставят в эфир. Оказывается, ее показывали и милицейскому, и другому разному начальству...

– Кэй джи би тоже?

– Не исключено. Меня на эти просмотры не приглашали. И все эти люди в погонах были категорически против: зачем, мол, учите по телевизору драться? Самое главное – не говорили правды. Оказывается, в уголовном кодексе была статья номер 219 прим., ее ввели по предложению одного большого начальника, члена Политбюро...

– Андропов***?

– Вам не откажешь в прозорливости. Да, именно по его предложению – в восемьдесят втором. Таким образом, каратэ становилось незаконным. Но применяли ее крайне редко, иначе я бы о ней знал – зачем нарываться? Статью отменили уже при Горбачеве, в восемьдесят девятом, когда каратэ вовсю развивался просто как вид спорта.

– И какой финал тот историй?

– Обратился в обком партии – спросил, как быть: участники передачи звонят, что им отвечать? Человек из обкома передачу посмотрел и посоветовал давать: бокс показываем, чем он лучше или хуже? Да и бьют там посильнее. Только надо передачу сделать покороче, ну куда целых сорок пять минут? Скучно!

– Умный люди были в ваш правящий партия. Ловкий компромисс!

– А то б они иначе простояли у власти семьдесят лет!

– А такой модный вопрос – конверсия – вы тоже освещал? Когда перешел на политик?

– И с огромным интересом: стали пускать на предприятия военно-промышленного комплек-

---

* Темно-синий блэйзер с металлическими пуговицами, серые брюки, светлая рубашка, галстук – в тон блэйзеру.

** Депутат Палаты Представителей.

*** Председатель КГБ.

са, куда раньше и сунуться было невозможно. По цензурным соображениям.

– Но это ж с самый старт был глупость! Завод может делать пулемет, как он будет делать мясорубка?

– Хотите, загадаю загадку? Если разгадаете, плачу за ваше пиво.

– Я стараюсь сам за себя платить – чтоб не давать мужчине аванс. Поздно ухаживать, в Цюрихе мы – на разный самолет! Давайте ваш загадка.

– Крупная область получает богатейший, просто «царский» заказ – сделать трамвай для всей России. Рынок – огромный: трамвайный парк повсеместно устарел. То есть – оплаченный госзаказ гарантирован.

– Любой взялся бы за такой бизнес.

– В борьбу вступили два предприятия. Один завод уже двадцать лет ремонтировал трамваи, но два его цеха простаивали из-за потери оборонзаказа – то есть, место для развертывания нового производства достаточно. И персонал в трамваях разбирается получше других. Их соперник-завод практически не работал по той же причине – потере оборонного заказа.

– Вот вам ваш конверсий!

– Оборотная сторона борьбы за мир. Второй завод еще имел достаточно средств для освоения новой продукции – побольше, чем ремонтный, но совсем не имел опыта производства и ремонта трамваев. Кому бы вы отдали заказ?

– Без слов – первый завод. Средств можно получить под гарантия правительство.

– Тем более, что первым заводом владел сеньор-совладелец банка в Швейцарии и гарантировал кредит с отсрочкой платежа до реализации продукции.

– Сеньор иностранец? Тогда это – не очень карош. Может увести капитал в свой Швейцария. Такие случаи были.

– Да в том то и дело, что – нет! Русский предприниматель. Ученый. Он до перестройки преподавал экономику в институте и на деле доказал, что теоретики коечто могут и на практике.

– Я, кажется, понял: ему не дали заказ... из-за зависть?

– Ну, эти нюансы не на моем уровне решались. А заказ получил, знаете кто? Третий завод, который был значительно мощнее двух первых.

– Потому что он тоже потерял оборонзаказ?

– Во всяком случае, один цех у него полностью простаивал. Пока шла борьба, ремонтный завод изучил опыт чехов, построил у себя стапель и выпустил опытный образец за свой счет. Стапель – это...

– Я знай. Не надо объясняйт – стенд для сборки. Я бы объединил первый и третий завод. Потому что на большой завод всегда есть передовой наука, у простой ремонтный завод на это нет денег.

– Именно так и аргументировали сторонники последнего варианта. А вот объединить их было нельзя: ремонтный завод – частная собственность, предприятие-гигант – государственный.

– Это прост! Трамвайный производств нужно был выделить в отдельный и только потом делать холдинг. А противник идей дать взятка, без этого никак не обходится.

– За взятки судят.

– Ой! Вы так наив! Потому и побоялись ко мне подойти раньше. Взятка можно дать так, что никто не придерется. Подарок в виде акций за интеллект... интеллектный...

– Интеллектуальный...

– Именно так. Интеллектуальный капитал.

– Жаль, что не вы у нас премьер-министр.

– Премьер-министр редко бывает женщина. Разве что Тэтчер. А уж сексуальный... как это – экземпляр? Я бы этим не пожертвовал!

Их вызвали на посадку. Собеседница гордо прошествовала в бизнес-класс, Роман устроился в своем эконом-классе и долго терзал себя вопросом: с чего это я робкий такой сделался? Сколько упущено!

РЕШИТЕЛЬНЫМ ВЕЗЕТ

«...Вся Европа знает, какая я скромная...»
Фаина Раневская

Зной под вечер спал. И все равно Роман ощущал сухость во рту. Как коренной уралец, он был предрасположен к умеренным градусам, поэтому пекло переждал в гостинице и на открытие спортшколы приехал впритык.

За созданием первой в России отдельной специализированной школы самбо в этом маленьком волжском городке напряженно следила чуть ли не вся общественность мира самбистов. Костров-то на карте отыскать можно было с большим трудом! Он и появился на слуху благодаря этому виду борьбы, и в первую голову – из-за замечательного тренера, сумевшего убедить руководство градообразующего оборонного завода вложить весомые деньги в строительство: работяг здоровых получите вместо алкашни местной, девки крепких парней рожать будут – самбисты химию всякую не глотают. Так вошли в обиход синонимичные понятия «костровские» и «шмелевские». Именно поэтому Александру Ивановичу Шмелеву поручили, совсем не ожидая от него последующего фортеля – скорее, как единственному заслуженному тренеру на всю округу – курировать строительство нового здания комплексной ДЮСШ олимпийского резерва гороно. Пустили, что называется, козла в огород!

Задумку этого своевольного решительного мужика раскусили слишком поздно, чтобы что-нибудь можно было активно поменять. Пока Шмелев вносил коррективы в типовой проект – относились с пониманием, благо финансирование львиной долей шло все с того же оборонзавода по его, шмелевской наводке и связям: надо так надо, у кого еще в городе есть воспитанники в сборной страны? Поэтому стройку объявили экспериментальной и со сроками пуска объекта с ножом к горлу не приставали. В результате вместо стандартного большого зала выросло целых три – каждый малость поменьше квадратурой. За счет резкого сокращения административ-

ных и складских помещений образовалась первоначально незапланированная гостиница на полсотни мест с двухместными и даже одним люксовым номером, плюс две бани, вместо намечавшейся одной. Превышение по смете стало, конечно, значительным за счет увеличения числа внутренних стен и удлинения коммуникаций – но и это Шмелеву сошло с рук: пожурили, да и только – у него как раз ученик Европу «повалил», как такого наставника талантливого ругать? В той Европе про существование Кострова отродясь не слыхивали – а тут и по радио, и по телевизору, и в газетах – Костров то, Костров это! Власти, правда, осторожно поинтересовались: а твоего «европейца» Сашку Комлева теперь в Москву не заберут? Или там – в Питер, или еще куда-нибудь? Шмелев в ответ только ухмыльнулся своей фирменной кривой улыбочкой: Сашке в армию пора, служить будет здесь, в местной части. Вернее, числиться – ему еще бороться и бороться! С военкоматом все утрясено. К чемпионату мира будем готовиться!

Ближе к пуску на «стройку века» повадились и спортсмены со всего городка, и их тренеры, и все радостно мечтали, как они тут будут обживаться. Баскетболистов малость смущало, что залы в длину коротковаты, хотя для классической площадки – матчевой, с трибунами для зрителей место нашлось на воздухе, ну а ежедневно тренироваться можно было, в принципе, и в этих залах. Лыжники приняли пристрой для спортинвентаря за будущую базу для своих нужд. Стрелки мечтали приспособить цоколь под тир. А какая рядом березовая роща для трасс, разминок на свежем воздухе!

Обломал Шмелев коллег только после подписания акта приемки. «Здесь будут обретаться только самбисты – и баста! Дорастете до наших результатов – и вам такое же возведут!»

Тарарам пошел страшный! Как человек здравый, Шмелев понимал, что в одиночку ему не выстоять, и в дело вступила «тяжелая артиллерия», заготовленная Александром Ивановичем впрок. Такой атаки титулованных особ костровское начальство не видело отродясь! Главный тренер сборной страны приехал – за рулем своего «Мерседеса» – с готовым планом эксплуатации комплекса в интересах сборной с соответствующим финансированием из федеральной казны! Крупный чиновник из Всероссийского спорткомитета предложил на выбор три международных мероприятия – вплоть до этапа Кубка мира: назовите сроки, и любой турнир – ваш. За державные деньги – вам еще и прибыль пойдет! Закрепил атаку большой человек из самого «верха»: если у вас здесь будут регулярно тренироваться и выступать сильнейшие самбисты мира, совсем нетрудно представить, как вырастут результаты ваших, костровских! Чем не показательный, мотивирующий пример и для молодежи, и для других подобных населенных пунктов, коих по России-матушке – не счесть?!

Дня не проходило, чтобы на шаткие мосточки местной пристани не высаживались десанты телевизионщиков, корреспондентов газет, радио, ТВ. Эти-то превозносили просто до небес замечательную инициативу костровских руководителей: все норовят «раздать сестрам по серьгам», а тут прозорливо предусмотрели, что помогать нужно – лучшим!

И городок сдался! А пока шла ссора-свара, Шмелев просто переселился в здание школы и с охотничьим ружьем в руках охранял ее по ночам. Только суньтесь! Днем отсыпался, подкрепляясь обедами на дому, а дежурство несли его ученики, с которыми тоже связываться не было желания никому – все равно не пропустят, да еще и по шеям надают. Так и выстояли!

Ребров приехал в Костров как член Совета федерации самбо страны – его кооптировали туда два года назад сразу после того, как уральские самбисты пожелали видеть во главе областной федерации не тренера или судью и даже не ответственного руководителя, а конкретного телевизионного журналиста. Редкий случай! Со Шмелевым Роман близко сошелся тогда же, два года назад, при анекдотических обстоятельствах на чемпионате мира, проходившем на греческом острове Родос. Как человек исконно русский, Шмелев был не дурак выпить. Если дома он предпочитал первачок из продукции собственного сада, то уж за границей спешил отведать чего-нибудь экзотического. В день приезда все дружно двинулись в рыбный кабачок на берегу моря. Ребров только-только наметил присесть за соседний с волжанами столик, как его умоляющим жестом подозвал Шмелев.

– Пресса, выручай! Они тут ни хрена понять не могут! Одно слово – нерусские!

Официант застыл в предупредительном полупоклоне. Проблему решили буквально за пару минут. Этот красиво отутюженный гигант с набриолиненным пробором готов был принять заказ на греческом, турецком, английском, французском, итальянском языках, но русского, увы, не знал.

– Я ему пальцем на этих их картинках-постерах показал, что мы с мужиками желаем, а он что-то мычит несусветное и ничего, сука, не тащит! – не унимался Шмелев. – Тут, блин, с тремя пересадками добираешься, жрать неимоверно хочется – а они... Уйми мальца Христа ради!

Роману уже давно стало все понятно.

– Александр Иванович, он никак не возьмет в толк, как это к рыбе можно красное вино заказывать! Вышколенные они тут.

– Так пусть водки тащит – и дело с концом! Оставайся с нами, а? А то мы как те рыбы без воды! Берем на все время чемпионата на полный кошт!

Вечер, прошедший в приятном общении, и положил начало их дружбе. Уже на следующем мировом чемпионате, в итальянском Римини, Шмелев сам предложил Реброву поселиться вместе. Титулованному тренеру отвели крутой номер даже по меркам отеля «Ройял»: с джакузи, вместо балкона – целая веранда с фонтаном. Журналисту такое никогда бы не досталось!

– Я тебя, Ромка, не умотаю, не боись. Тебе один хрен переводить, вот и толмачь за двоих. Что себе,

то и мне. И насчет пожрать, и по магазинам там...

Они с удовольствием бегали утренние кроссы по парку имени Феллини, и по набережной, купались в бирюзовом море, а уж сколько расслабляющих напитков употребили в ночном клубе, расположенном прямо в цоколе отеля! В свободный день взяли напрокат машину и рванули в Венецию. Шмелев все норовил поддать газку, но бдительные итальянские полицейские неумолимо показывали на знаки «60».

– Обходительные здесь ребята! Все намеками да намеками. Дома у меня бы уже весь бумажник растрясли, – качал головой волжанин.

Сейчас Шмелев встречал Реброва на пороге как одного из самых дорогих гостей и объявил «на всю ивановскую», обнимая высокого Романа концами кистей за плечи (выше бывший «мухач» – «метр с кепкой» – не доставал):

– Поприветствуем моего уральского друга Романа Реброва троекратным ура! Слава мастерам эфира и мастерам международного спорта в одном лице! Это так редко сочетается!

И тут же не удержался – похвастался:

– Знаешь, кого я в «люкс» поселил? Самого Борисоглебского!

– И тренер сборной здесь?

– А куда ж ему деться? На той неделе подопечных привезет. На целый месяц сборов! Бабок отстегнули – немеряно! Мне на весь персонал зарплаты с премиальными хватит месяца на два! А то пайфо все мозги крутит – никак штаты не утвердят.

Громогласная мини-презентация привлекла к Роману внимание немногочисленных здесь дам. Шмелев на банкет лишних людей не звал – незачем бабки по ветру пускать?! Именно к женскому кружку Александр Иванович и подвел Романа.

– У нас здесь – одни свои! Я на дамские вакансии набрал только жен и подруг спортсменов и тренеров. А то запаришься объяснять, что к чему! Взамен – лафа: что я днем не втолкую по занятости, мужик ночью дорасскажет – на доступных примерах. Девчонки, развлекайте короля телевидения. А то мне некогда, сейчас начальства понаедет – вагон с тележкой!

Роману было не привыкать к женскому обществу – на телевидении всегда превалировал слабый пол. Поэтому он сам задал первый вопрос:

– И как вы эту жару переносите? Я бы точно испекся!

За всех ответила бухгалтер Анастасия. Платиновая блондинка в легком шифоновом платье с крахмальными кружевами, она здесь чувствовала себя лидером: почти жена свежеиспеченной звезды Комлева – буквально вчера заявление в загс подали.

– За здоровье отвечает Ольга, – она кивком указала на полноватую шатенку в бежевом костюме, заведующую медпунктом. – Мы ей поставили условие: заботиться о нас не меньше, чем о чемпионах. Раз своего жениха Олега хочет сделать ведущим – он у нас на первенстве страны четвертым устроился – значит, и о нас сможет позаботиться. Расскажи гостю, Оленька, какое прекрасное будущее нас ждет.

– Я до школы в городском физкультурном диспансере работала, – начала объяснение врач. – Там у нас это дело хорошо налажено было. И я этот эксперимент продолжила здесь.

Но тут на Реброва буквально налетел, как вихрь, президент Московской федерации самбо Никодим Борман.

– И ты тут, Ромка! Рад видеть! В Америку опять не собираешься?

– Да пока вроде нет. А классная получилась поездка, мужики до сих пор вспоминают. Мы же оттуда даже в Мексику зарулили на недельку, в Акапулько.

– Молоток! Все потом – мне тут кое с кем перемолвиться словечком треба. После потреплемся. Мой ученик, девоньки! Голова-парень! Любите его – как Родину!

– Борман всегда такой, – отреагировал Ребров. – За что и ценим. Совсем как немосквич. Никаких понтов! Не обижайтесь на него, Оленька! Я весь внимание.

– Да знаем мы вас, борцов, – вступила в беседу высокостройная красавица яркой рыжей масти на высоченных шпильках. – Меня Александра зовут. Мой Витязев – такой же.

– О, так вы...

– Жена, законная...

– Николая Витязева? Он на последнем мире вне конкуренции был!

– Потому и взяла его в мужья. Это ему условие такое было.

– А кто твоего Коленьку после травмы в строй поставила, не я ли? – подначила ее Ольга.

– Доктор, мы вас слушаем со все растущим нетерпением, – улыбнулся Ребров

– Для начала я предложила снимать в офисе все украшения. Это – из опыта народных целителей: металлы даже в малых объемах блокируют энергетические потоки, а в жару тонус и так понижен. Плакаты повесили: «Как тут холодно!», «Не отморозь ноги, а заодно и мозги!» В подкорке сидят воспоминания – это из области прикладной психологии.

– Надо у себя попробовать.

– Испытайте вот еще что. В летнее время лучше планерки, совещания назначать на конец дня: меньше пустой болтовни, домой торопиться будут – на дачу, просто отдохнуть. Есть и конкретные медицинские предписания. Я собираюсь обучить всех массировать точку над верхней губой, под носом – называется «точка реанимации»: воздействует на кровоток, повышает работоспособность. В числе профилактических мер – раз в сорок пять минут вставать из-за стола и малость прогуляться в рощу, просто подышать. Я вот что еще хочу предложить руководству: если сильно жарко, можно покороче рабочий день делать – с компенсацией в зимнее время, естественно.

– Или в вечернее, – подхватил Роман. – Я заметил: в жарких странах днем делают перерыв – сиесту. И ничего, не хуже нашего работают.

– Конечно, это касается всех, кроме Шмелева, – беря Реброва под руку, громко хохотнула Анастасия. – Этому черту по барабану любая погода. Пойдемте, пора!

❑

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Юрий БОКАРЕВ

г. Москва.

БОКАРЕВ Юрий Павлович – специалист в области экономической истории, международных экономических отношений, мировой экономики, – доктор исторических наук, профессор.

Родился 05.09.1947 г. в г. Маленки, Владимирской области. В 1971 г. закончил исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Бюджетные обследования 1920-х годов как исторический источник», в 1989 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Взаимоотношения между социалистической промышленностью и мелким крестьянским хозяйством в СССР в 1920-е годы».

В настоящее время – зав. сектором экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института Экономики РАН, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Института экономики, управления и права РГГУ.

Награжден медалью 850-летия Москвы, медалями ВДНХ СССР, Знаком РАН, грамотами.

Область научных интересов: экономическая история, история денежного обращения, история экономических реформ, математические методы и информатика в экономической истории, компаративистика.

В РГГУ с 2000 года. Читает курсы лекций «Государство и экономика: теории и мировой опыт», «Политические проблемы мировой экономики». Будучи на протяжении нескольких лет профессором РГГУ он хорошо зарекомендовал себя в студенческой среде. Об этом свидетельствуют данные оценки отзывов на некоторые вопросы. Так высшим баллом – пятеркой – оценены: способность донести материал, практическая польза от предмета, им читаемого, увлекательность предмета, использование наглядных технических средств обучения и даже чувство юмора. Только один показатель – сложность сдачи экзамена – определяется тремя баллами.

В.В.Запарий.

Говоря о причинах экономической разрухи 1918–1921 гг., историки обращают внимание только на Гражданскую войну и экономическую политику большевистской власти. Разрушение экономических связей между частями распавшейся в результате Первой мировой войны Российской империи в расчет не принимаются. Между тем потеря экономически развитых Прибалтики, Польши и Финляндии, временное отделение Украины и Кавказа имели такие же драматические последствия, как и Гражданская война, как произведенная впопыхах национализация промышленности, как и попытки большевиков построить единую централизованную плановую производственно-распределительную систему, обходящуюся без банков и денег.

ВКЛАД РОССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТОШЕДШИХ ТЕРРИТОРИЙ

Кто бы ни обладал до этого Прибалтикой, Польшей и Финляндией, никто не сделал для их экономического развития больше, чем Российская империя. Ей достались аграрные территории с плохими коммуникациями, неразвитой портовой инфраструктурой и без крупных промышленных предприятий. Россия оставила в Финляндии, Прибалтике и Польше крупнейшие в Европе портовые сооружения, густую сеть железных дорог, мощную промышленность. Большей частью все это было построено на средства русской казны, капиталы российских промышленников и при поддержке царской администрации, уделявшей экономическому развитию западных окраин империи значительно больше внимания, чем центральным регионам страны.

Прибалтика. Экономические интересы России в Прибалтике прослеживаются еще со времен Киевской Руси. Река Даугава была частью великого торгового пути между Балтийским и Черным морями («янтарная» часть пути из варяг в греки). Небольшой поселок Рига на правом берегу Даугавы, в том месте, где в нее впадала река Ридзене, стал местом оживленной торговли русских купцов с немецкими, скандинавскими и голландскими купцами, приплывавшими в Ригу по морю с Севера и Запада, а также добиравшимися сюда по реке[1].

Не меньший экономический интерес представляла для России северная часть Прибалтики. Здесь в 1030 г. на реке Омовже (Эмбахе, теперь Эмайыги) Ярослав Мудрый основал город Юрьев (теперь Тарту)[2]. Здесь проходили торговые пути, соединявшие ремесленные центры Новгорода и Пскова с гаванями Северной Эстонии, а также эстонские и латвийские области. Другим важным для интересов России был город Нарва, расположенный на пересечении торговых путей, идущих через территорию Эстонии в Новгород и Псков. Особенно большое значение город приобретал во времена конфликтов между Ганзой и русскими городами. Тогда Нарва становилась особой экономической зоной, где русско-ганзейская торговля продолжалась вопреки официальному запрету.

На протяжении многих столетий за обладание Прибалтикой велась ожесточенная борьба между русскими, немцами, датчанами, поляками и шведами, пока в августе 1721 г. по условиям Ништадтского мира Лифляндия, Эстляндия и Ингерманлания не вошли окончательно в состав Российской империи[3]. В 1795 г. к России была присоединена Курляндская губерния.

Россия нуждалась в Прибалтике прежде всего из-за наличия обширных незамерзающих гаваней на побережье Балтийского моря, удобных для устройства портов, надежно связывающих страну с европейскими промышленными центрами. У Швеции, обладавшей прибалтийским побережьем в XVII в., такой заинтересованности не было. Эстляндия и Лифляндия использовалась шведами для получения хлеба. Следствием этого была длительная консервация аграрного характера Прибалтики.

В 1710 г. ключи города Риги были вручены графу Борису Петровичу Шереметьеву. Благодаря его энергии были проведены работы по строительству инженерно-технических сооружений и корректировке русла Даугавы. Для защиты города от ледохода и половодья были возведены дамбы. В 1788 г. в устье Даугавы был установлен первый маяк, который заменил костер на бревенчатой башне, разжигавшийся многие годы. В Риге была основана первая навигационная школа. Рижский порт, пришедший в упадок во время шведского владычества, стремительно развивался. В середине XVIII в. он обогнал все прибалтийские порты. В него ежегодно заходило более 500 кораблей, а к концу XVIII в. их число возросло до одной тысячи[4].

Но не на обустройство одной Риги расходовались средства русской казны. Внимание царского правительства было обращено и на другие города, которых в Лифляндии было в то время немного. В частности по проекту инженера Е.Ф.Геккеля был перестроен Динабург, основанный в 1577 г. Иваном Грозным в 19 км от разрушенной им ливонской крепости. В состав русской короны Динабург окончательно вошел в 1772 г. в результате первого раздела Польши. Позже он был переименован в Двинск. Большое развитие в нем получило складское хозяйство. Благодаря этому Динабург превратился в крупнейший перевалочный пункт на пути от Рижского порта в другие города Российской империи. Первая построенная в Лифляндии железная дорога соединила Ригу с Динабургом[5].

Благодаря поступлению зарубежного сырья и спросу центральных российских губерний в Лифляндии с XVIII в. стало развиваться полотняное производство, создавались суконные и чулочные мануфактуры, бумажные мельницы, стекольные заводы[6].

В 1828 г. в Риге был построен первый в России суперфосфатный завод. Председателем правления Общества «Первый русский суперфосфатный завод Мюльграбен близь Риги» был коммерции-советник Ю.И.Фогельзанг. Завод работал на американских фосфоритах и импортируемых с Пиренейского полуострова серных колчеданах.

С началом XIX в. судоходство в Рижском порту вступило в кризисную полосу в связи с заторами фарватера. Из-за уменьшения поставок зарубежного сырья возникла угроза закрытия многих предприятий Лифляндии. Чтобы избежать кризиса и сохранить ведущую роль Рижского порта были проведены грандиозные работы по очистке и углублению форватера, которые финансировались российской казной, купцами и Комитетом рижской биржи. В работах по углублению форватера использовались наиболее прогрессивные инженерные идеи и техника того времени.

В 1874 г. в Риге возникло «Акционерное общество Русско-Балтийского вагонного завода» с основным капиталом 1 млн 200 тыс. руб. Председателем правления Русско-Балтийского вагонного завода и его основным владельцем был М.В.Шидловский. Завод быстро освоил производство товарных вагонов, а с 1875 г. стал выпускать и пассажирские. Он стал одним из крупнейших машиностроительных предприятий в России. Территория завода занимала более 20 гектаров земли, здесь находилось 50 цехов. Численность рабочих достигала четырех тысяч человек.

Несмотря на интенсивное железнодорожное строительство в России заказы на вагоны были существенно ниже производственных возможностей завода. Поэтому завод стал осваивать новые виды продукции: трамвайные вагоны, сноповязалки и молотилки, плуги и двигатели для сельскохозяйственных машин. Положение изменилось в связи со строительством Транссибирской железно-

дорожной магистрали. 1893 г. стал исходным пунктом блестящей карьеры завода. В акционерное общество вошли видные русские предприниматели. Основной капитал общества вырос до 4 млн 800 тыс. руб., а впоследствии был увеличен до 9 млн 600 тыс. руб. Благоприятствовал заводу и повышенный спрос на вагоны во время русско-японской войны[7].

Однако с 1907 г. заказы на вагоны резко сократились. Не помогло даже выполнение крупного заказа на вагоны для Италии. Поэтому в 1908 г. по инициативе М.В.Шидловского на заводе был открыт автомобильный отдел, руководство которым было поручено И.Я.Фрязинскому. Первоначально на заводе не хватало оборудования, материалов, высококвалифицированных рабочих. Для сборки первых машин детали и узлы заказывались за границей. Однако вскоре инженеры и конструкторы завода смогли самостоятельно разработать практически все узлы, необходимые для сборки автомобилей. Активно велось строительство цехов, испытательных лабораторий.

26 мая 1909 г. появился первый «Руссо-Балт» модели С 24/30 с открытым двухместным кузовом спортивного типа. Цифра 24 означала расчетную мощность двигателя в лошадиных силах, а 30 – максимальную мощность. Всего было выпущено три экземпляра этой модели. Затем была разработана новая серия К 12/15 с рабочим объемом двигателя 2,2 литра. К 1910 г. максимальную мощность автомобилей серии К увеличили до 20 л.с., а к 1913 г. – до 24 л.с. (К 12/24). В это время появились новые модели «Руссо-Балт» Е 24/35 и Д 40/60.

В 1909 г. были изготовлены два легковых автомобиля модели С 24/30: один – с кузовом дубль-фаэтон, другой – с закрытым кузовом. Двигатель имел четыре цилиндра. Ж.Поттера разработал карбюратор для двигателя, а Р.А.Бош – магнето. Большой вклад в конструкцию внесли также Иван Фрязиновский и Дмитрий Бондарев. Коробка передач предусматривала три передачи переднего и одну передачу заднего хода. С 24/30 имел две тормозных системы, действовавшие на задние колеса. В 1910 г. появилась модель К 12/16. Модели С 24/30 и К 12/16 модернизировались и выпускались с тридцатью разными кузовами.

В конце 1910 г. была приобретена фабрика «Фрезе», которая стала кузовным филиалом завода в Петербурге. В 1912 г. появилась модификация С 24/35 12-й серии. Было построено не менее 60 таких автомобилей. Следующей была модель С 24/40 13-й серии. Самой распространенной моделью стала С 24. С 1909 по 1915 г. было выпущено 347 экземпляров. Моделей К 12 было выпущено 141 экземпляр, Е 15 – 71 экземпляр, Д 24 – 18 экземпляров. Основная часть этих автомобилей была приобретена для армии (штабные, ремонтные, санитарные автомобили и т. д.)[8].

Русско-Балтийский завод выпускал также грузовики, автобусы, пожарные и почтовые автомобили, а еще – вездеходы для армии. Только пятитонных грузовиков Т 40 было произведено 20 шт., двухтонных М 24 – 19 шт., легких грузовиков Д 24 – 9 шт. Русско-Балтийский вагонный завод стал первым российским заводом, на котором выпуск автомобилей был серийным. Автомобили выпускались сериями от 3 до 70 машин в каждой серии. Продукция завода отличалась отменным качеством, надежностью. Точность обработки деталей была доведена до сотых долей миллиметра. Сборку узлов и агрегатов выполняли высокоспециализированные рабочие. Была достигнута полная взаимозаменяемость деталей и сборочных узлов[9].

За период существования автомобильного отделения с 1908 по 1915 гг. завод активно производил капитальный ремонт своих автомобилей, тем самым развивая сервисную службу. Завод строил также гоночные автомобили, развивавшие скорость до 130 км/ч. В историю России прочно вписались его броневики[10], без которых немыслим ни один фильм об октябрьских событиях.

Русско-Балтийский вагонный завод занимался также конструированием и постройкой самолетов. В 1914 г. им был построен самый большой в то время самолет в мире – «Илья Муромец» конструкции выдающегося русского инженера Игоря Сикорского[11].

Первая резиновая фабрика в Российской империи была основана в Петербурге в 1822 г. В 1859 г. там же был построен завод «Треугольник» для производства галош. Однако их производительность не удовлетворяла спроса населения. Поэтому в 1888 г. недалеко от Риги начал работу завод «Проводник». Он работал на импортном сырье и выпускал разнообразные резиновые изделия: калоши, автомобильные шины и покрышки, пожарные шланги, мячи и многое другое. Перед началом Первой мировой войны на заводе трудилось 14 тысяч человек. Акционерное общество рижских трамваев открыло особые маршруты к заводу из многих районов города с пониженной стоимостью проезда. По объему производства резиновых изделий завод «Проводник» занимал второе место в России и четвертое (а по шинам – второе) место в мире.

Спрос на резиновые изделия в Российской империи был весьма высоким. Это позволило в 1897 г. в Риге на базе ряда мастерских открыть второй завод резиновых изделий «Каучук».

В 1888 г. в Риге был создан «Русско-Балтийский электротехнический завод». В течение последующих лет он неоднократно менял организационно-правовую структуру и собственников (в 1898 г. он входил в состав электрической компании «УНИОН», в 1904 г. – германской фирмы «AEG»), пока, наконец, не превратился в 1905 г. в акционерное русское общество «Всеобщая компания электричества». Его директором-распорядителем был инженер-механик Леон Исидорович Гольдштауб. Завод занимался строительством электростанций не только в Латвии, но и во многих губерниях Российской империи, а с принятием Морской программы он также выполнял заказы по изготовлению электрооборудования для военно-морских судов.

Нами перечислены далеко не все крупные промышленные предприятия Риги, созданные в XIX – начале XX в. Однако и перечисленного достаточно для вывода о том, что за время пребывания в составе Российской империи из провинциального городка Рига превратилась в крупный транспортный и промышленный центр европейского значения.

Это иллюстрируют следующие цифры. С 1897 до 1913 г. число занятых в сфере промышленности и ремесленничества только в Риге возросло со 120,8 тыс. человек до 226,3 тыс., или на 87,3%. Средние темпы роста промышленности составляли: по числу рабочих – 5,2%, по объему производства – 7,3% в год. Доля средних и крупных предприятий в общем объеме производства достигла 57%. Среди промышленных предприятий капитал распределялся следующим образом: российский – 52,5%, – немецкий – 14,6%, – французский – 23,3%, – скандинавский – 1,8%, – других стран – 2,6%[12].Таким образом, в промышленности Риги преобладал российский капитал.

Не менее бурным было экономическое развитие и других городов Прибалтики. На средства российской казны и усилиями русских строителей быстро выросли эстонские порты Ревель (Таллин) и Нарва, где во второй половине XVIII в. ежегодно бывало свыше 200 кораблей в каждом. Приток товаров из Европы привел к созданию предприятий по переработке западного сырья. Их продукция поступала в центральные губернии России. В результате экономика Эстляндии прочно срасталась с российским рынком. Из Эстляндии в Россию шли такие товары, как стекло, бутылки, зеркала, водка, парфюмерия, крахмал и т.д. Из России в Эстляндию привозили строительные материалы, железные орудия, гвозди, медную посуду, кожи, меха, свечи, мыло и т.д.[13].

В 1902 г. в Ревельский порт прибыло 2203 судна водоизмещением в 563 тыс. тонн, покинуло порт – 2197 судов водоизмещением в 559 тыс. тонн. Из них 1793 (82%) под русским и 404 под иностранным флагом (более всего немецких, английских и датских). Этими судами было доставлено в Ревель из-за границы товаров на 45,3 млн руб., вывезено товаров на 21,8 млн руб. Основная масса товаров поступила из Германии (на 21 млн руб.), Англии (19 млн руб.) и Дании (4 млн руб.); вывоз производился в Англию (на 8 млн руб.), Данию (7 млн руб.), Францию (свыше 2 млн руб.), Германию (около 2 млн руб.), Голландию (1,5 млн руб.); остальные страны, как по привозу, так и вывозу не превышали 1 млн руб. каждая. По размерам иностранного судоходства Ревель занимал 8-е место среди портовых городов России[14].

Таким образом за период с 1958 по 1906 гг. производственные мощности завода возросли в 44 раза.

В качестве сырья использовался хлопок, поступавший из разных мест. В 1905 г. по источникам поступления хлопок распределялся следующим образом (см. табл. 2).

30 апреля 1857 г. на острове Кренгольме в Везенбергском уезде близ г. Нарвы состоялась закладка первого корпуса крупнейшей в Европе хлопчатобумажной Кренгольмской мануфактуры. Ее учредителями были московские промышленники Лев Герасимович Кноп, Козьма Терентьевич Солдатенков, Алексей Иванович Хлудов, Ричард Васильевич Барлов и Эрнст Федорович Кольбе[15].

Постройка производилась чрезвычайно быстро и уже 10 октября 1858 г. были пущены в действие первые 8000 веретен, а в августе 1859 г. фабрика начала вырабатывать миткаль. В таблице 1 приведено число веретен и ткацких станков, работавших на мануфактуре в разные годы ее существования.

Преимущественно использовался американский хлопок, поступавший, как и египетский, по морю через расположенный рядом с Кренгольмом Нарвский порт, а также частью через Ревель и Балтийский порт. Среднеазиатский же хлопок перевозился по железной дороге. Благодаря хорошей постановке дела, знаниям и обширным торговым связям барона Л.Г.Кнопа, Кренгольмская мануфактура бесперебойно обеспечивалась, с одной стороны, своевременными закупками хлопка, защищенными договорами о поставках от внезапных колебаний цен и спекуляции, а с другой стороны – постоянными заказами пряжи и тканей, в которых остро нуждались текстильные предприятия центральных губерний.

Такое разделение труда между прибалтийскими и московскими фабрикантами содействовало быстрому развитию хлопчатобумажной промышленности, как в Прибалтике, так и в центре страны.

Внутренний спрос на пряжу и ткани все же заметно обгонял предложение. Это привело сначала к расширению старой фабрики, а затем и постройке двух новых: Георгиевской и Йоальской фабрик. Для обеспечения строительных работ Кренгольмская ма-

Табл. 1.

Годы	Было в действии к концу года	
	Веретен	Ткацких станков
1858	10.440	-
1859	34.431	516
1860	58.058	516
1861	64.232	996
1866	104.211	960
1871	177.195	1.578
1876	252.185	1821
1881	289.131	2.177
1886	340.759	1.004
1891	389.152	2.136
1896	419.252	2.138
1901	458.380	2.500
1906	460.280	3.024

Источник: Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования. СПб., 1907 г.

Табл. 2.

ПОСТУПЛЕНИЕ ХЛОПКА В КРЕНГОЛЬМСКУЮ МАНУФАКТУРУ В 1905 Г.

	В пудах	В %
Среднеазиатский	155 158,67	21,1
Американский	555 891,19	75,7
Египетский	23 414,30	3,2
Всего	734 464,16	100

Источник: Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования. СПб., 1907 г.

нуфактура приобрела Кулгский кирпичный завод.

На росте хлопчатобумажного производства в Кренгольме почти не отразились уменьшение привоза американского хлопка в первой половине 1860-х годов и повышение пошлины на хлопок в 1877 г.

В 1902–1906 гг. по сравнению с первым пятилетием существования мануфактуры производство пряжи и выработка тканей возросли почти в 20 раз. В непрерывном росте производства мануфактуры преобладали внутренние причины: усовершенствование механизмов и введение улучшенных технологий, с учетом успехов техники за границей. Основным рынком сбыта был московский промышленный район. Так, в 1860 г. мануфактурою были выработаны 58 638 пуд. пряжи и 4 млн 345 аршин тканей, а в 1866 г. выработка возросла до 110 150 пуд. пряжи и почти 11 млн арш. тканей. Следующее пятилетие дало такой же быстрый скачок вперед. Годовая выработка пряжи в 1871 г. составила 220 654 пуда, а тканей 23 млн 185 тыс. аршин, то есть удвоилось по сравнению с 1866 г. В 1881 г. количество выработанной пряжи снова удвоилось, составив уже 447 860 пудов. Однако производство тканей возросло в меньшей степени, а именно достигло только 35,8 млн аршин. Уже чувствовалось насыщение московского рынка миткалем.

В следующем пятилетии в выработке бумажных тканей наблюдалась заминка, вызванная перепроизводством. Если производство пряжи возросло в 1886 г. до 515 тыс. пуд., то выработка тканей упала с 35,8 млн аршин до 29,5 млн аршин. Но с 1891 г., благодаря поиску новых рынков сбыта и расширению ассортимента, рост производства тканей возобновился. Одновременное возрастание производства пряжи и тканей продолжалось в течение следующего пятилетия, затем производство пряжи несколько уменьшилось, а с 1902–1906 гг. вновь увеличилось.

Быстрому развертыванию производства не помешало то обстоятельство, что инфраструктура мануфактуры создавалась не по западному, а русскому образцу, который неоднократно критиковался современниками за то, что ведет к существенному увеличению расходов и потере конкурентоспособности (см. ниже раздел «Миф о польской конкуренции»).

Все нуждавшиеся обеспечивались жильем. Для простых рабочих были выстроены отапливаемые «казармы» с водопроводом, электрическим освещением и небольшими комнатами или «квартирами» из двух маленьких комнат (для многосемейных). Кухни были общие по 1, 2 или 6 на этаж с водопроводами и раковинами для спуска грязной воды. На каждом этаже были теплые отхожие места. Для хранения припасов имелись погреба. В коридорах были устроены шкафы по одному на каждую квартиру. Квалифицированные рабочие были устроены более комфортно. Здесь каждая квартира состояла из большой или большой и маленькой комнат, имела свою кухню, теплое отхожее место и собственные печи. Для администрации и инженерно-технических работников были выстроены отдельные дома со всеми удобствами. Жилые и хозяйственные помещения обеспечивались водой с помощью деревянной водокачки в 3 этажа. В 1874–1875 гг., взамен нее была построена каменная башня.

При Кренгольмской мануфактуре были устроены школы. В октябре 1874 г. было открыто Кренгольмское двухклассное училище министерства народного просвещения. Преподавание велось по общей программе, утвержденной министерством. Окончившие курс пользовались всеми правами, предоставленными министерством. Чтобы пополнить образование взрослых рабочих управление мануфактуры в 1878 г. открыло бесплатную вечернюю школу с занятиями с 9 часов вечера (работы на фабрике оканчивались в 8 час. вечера). При училище имелась библиотека. В 1893 г. была открыта музыкальная школа с духовыми и струнными инструментами. В октябре 1906 г. были открыты также бесплатные классы рисования.

Табл. 3.

РОСТ ПРОИЗВОДСТВА ПРЯЖИ И ТКАНЕЙ КРЕНГОЛЬМСКОЙ МАНУФАКТУРОЙ ПО ПЯТИЛЕТИЯМ С 1857 ПО 1906 ГГ.

Годы	Производство		
	Пряжи в пудах	Тканей:	
		кусков	аршин
1857–1861	169 613,21	236 599	11 501 185
1862–1866	357 686,11	672 709	33 865 141
1867–1871	885 759,39	1 577 575	85 865 288
1872–1876	1 404 299,28	2 134 888	120 906 942
1877–1881	1 808 949,38	2 926 419	166 971 933
1882–1886	2 283 928,12	2 755 553	158 750 051
1887–1891	2 869 974,21	3 034 333	173 055 273
1892–1896	3 083 614,04	3 771 009	216 634 398
1897–1901	3 058 378,32	3 826 421	219 406 611
1902–1906	3 363 533,27	4 645 379	267 490 176
Итого	19 285 738,36	25 600 865	1 454 446 965

Источник: Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования. СПб., 1907 г.

Еще одним отличием Кренгольмской мануфактуры от западных предприятий было наличие собственной больницы. Основанная в первые годы существования мануфактуры, она неоднократно расширялась и перестраивалась. Аптека, первоначально занимавшая одно отделение в нижнем этаже больницы, в 1892 г. получила отдельное помещение. В 1893 г. были построены инфекционный барак на 24 кровати и эпидемиологический корпус на Георгиевском острове на 100 кроватей. Больные получали бесплатно лечение, лекарства, белье, платье, трехразовое питание. В 1906 г. был построен кирпичный родильный дом на 30 кроватей.

По переписи 1897 г. население Кренгольма составляло 8539 чел. обоего пола. В эту цифру входили дети, старики, и другие, неработающие на фабрике члены семей, а также служащие со своими семьями и прислугой. Рабочих же насчитывалось 5475 чел.

По национальностям население Кренгольма распределялось следующим образом (см. табл. 4).

Для православных жителей острова пайщики товарищества Кренгольмской мануфактуры построили православный храм, ассигновав на это 500 тыс. руб. Строительством храма руководил архитектор Кренгольмской мануфактуры П.В.Алиш. Храм вмещал до 2 тыс. человек. Одновременно товарищество Кренгольмской мануфактуры построило на свои средства евангелическо-лютеранскую церковь.

Кренгольмская мануфактура была крупнейшим, но не единственным текстильным предприятием, основанным в Прибалтике на русский капитал. В Ревеле в конце XIX в. возникло очень крупное текстильное предприятие «Балтийская мануфактура». Устав основавшего его акционерного общества был утвержден Николаем II 28 октября 1898 г. Председателем правления этого общества был действительный тайный советник, впоследствии член Государственной думы Алексей Яковлевич Прозоров. В состав правления входили Джон Карлович Эльфенбейн и Евгений Юлианович Блок.

Для постройки фабрики была куплена земля около Цигельскоппельской дороги. 23 февраля 1899 г. началась постройка фабрики, и в марте 1900 г. на месте прежнего болота уже поднималось громадное кирпичное здание главного корпуса. Для его постройки были законтрактованы все более или менее значительные кирпичные заводы на значительном расстоянии вокруг Ревеля сроком на год. Первым директором фабрики стал в 1899 г. технический директор фабрики «Кренгольмская мануфактура» Джон Ричардович Карр. На этой должности он оставался до кончины в 1911 г.

Фабрика перерабатывала хлопок из США и Средней Азии и производила главным образом тонкие миткали и прочие ткани для Петроградских ситценабивных фабрик. Если в 1900 г. на фабрике работало лишь 188 рабочих и служащих, то к 1908 г. их число увеличилось до 2054 человек.

Для рабочих и мастеров были построены деревянные двухэтажные дома. В одном из них помещалась фабричная амбулатория с аптекой, где фабричный врач и две медсестры ежедневно и бесплатно принимали больных и бесплатно отпускали необходимые им лекарства[16].

Русские шерстоткацкие и джутовые мануфактуры возникли также в Либаве[17].

В Ревеле незадолго до первой мировой войны был создан крупный судостроительный завод – «Русско-Балтийский». Автором проекта был известный в Петербурге архитектор и гражданский инженер, академик архитектуры А.И.Дмитриев – брат директора завода Русского судостроительного общества в Николаеве. Руководил постройкой член правления завода инженер-технолог К.М.Соколовский[18].

В мае 1913 г. на заводе закончилась прокладка подъездных железнодорожных путей, сооружение местной электростанции, плаза, деревообделочного цеха, двух стапелей для легких крейсеров и четырех стапелей для эскадренных миноносцев типа «Гавриил». Механический цех завода строился с расчетом производства восьми судовых турбин в год. В конце 1913 г. на заводе насчитывалось около 10 тыс. рабочих и более 1000 инженерно-технических работников и служащих. Директором нового предприятия стал корабельный инженер полковник И.А.Гаврилов, служивший ранее на казенном Адмиралтейском заводе в Петербурге. Наблюдающими за постройкой кораблей на Русско-Балтийском заводе от Морского министерства были назначены корабельный инженер подполковник И.В.Благовещенский (по корпусу) и инженер-механик капитан 2 ранга Г.М.Хоментовский, а затем капитан 2 ранга А.А.Шафров (по механической части). Строителем крейсеров был 26-летний штабс-капитан В.А.Озаровский[19].

В 1913 г. на Русско-Балтийском судостроительном заводе были заложены легкие крейсера «Свет-

Табл. 4.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА КРЕНГОЛЬМ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Национальность	Мужчины	Женщины	Всего	В % к итогу
Русские	1069	1236	2305	27,0
Эстонцы	2534	3428	5962	69,8
Немцы	75	91	166	2,0
Англичане	31	23	54	0,6
Поляки	12	6	18	0,2
Шведы	-	2	2	0,0
Финны	6	8	14	0,2
Ижорцы	4	13	17	0,2
Украинцы	1	-	1	0,0
Всего	3732	4807	8539	100

Источник: Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования. СПб., 1907 г.

лана» и «Адмирал Грейг», а также эскадренные миноносцы «Гавриил», «Владимир», «Михаил» и «Константин». Из них были спущены на воду и достроены три корабля – «Константин», «Гавриил» и «Владимир». Крейсер «Светлана» был спущен на воду 28 ноября 1915 г. До буксировки в Петроград его готовность по корпусу составила 81%, а по механизмам – 75%. Достроен он был уже не в Ревеле. Остальные корабли остались недостроенными.

Военные корабли, построенные на Русско-Балтийском заводе, имели хорошую скорость хода, сильное артиллерийское и торпедное вооружение, низко сидели в воде. Эскадренный миноносец «Гавриил» отличился в тяжелых боях на Балтике в 1919 г. Вступив в сражение с четырьмя английскими эсминцами, он потопил один из них. Крейсер «Светлана», переименованный в «Красный Крым», вошел в состав Черноморского флота. В 1942 году он получил звание гвардейского[20].

На заводе был построен один из крупнейших в начале XX века плавучих доков водоизмещением в 40 тысяч тонн для ремонта кораблей всех классов, от линкоров до подводных лодок.

С возникновением завода и рабочего поселка в Копли возникла потребность в общественном транспорте, и в 1914 г. администрация Русско-Балтийского завода, получив разрешение от города, приступила к прокладке трамвайных путей от завода до ул. Теллискиви. В ноябре 1915 г. по этой линии пошел паровой трамвай. Со временем паровую машину заменил автомобильный мотор, и линию продлили до железнодорожного вокзала. Так появился первый в Эстонии трамвай.

В 1912 г. на полуострове Копли было начато строительство судостроительной верфи акционерного общества «Металлургических, механических и судостроительных заводов Беккер и К°», основной капитал которого принадлежал Петербургскому коммерческому банку и частично французской судостроительной фирме «А.Норман». Строительство продвигалось быстрыми темпами и уже в 1913 г. на верфи были заложены эсминцы «Автроил», «Изяслав», «Прямислав», «Брячислав» и «Федор Стратилат». Из них первые два были спущены на воду в 1914 г., следующие два – в 1915 г., а последний – в 1917 г. Эсминцы «Автроил» и «Изяслав» вступили в строй в 1917 г. Остальные достраивались в Петрограде.

13 февраля 1915 года Морской Генеральный штаб, оценивая эсминцы типа «Изяслав» как наиболее удачные среди строившихся на Балтике кораблей данного класса, обратился к Морскому ведомству с просьбой заказать акционерному обществу «Беккер и К°» еще три таких корабля. Однако верфь не справлялась с имеющимся заказом и заключение контракта не состоялось[21].

С программой развития судостроения связано появление в Ревеле еще одного завода, построенного в том же 1913 г. акционерным обществом «Ноблесснер» на берегу Минной гавани, напротив завода «Вольта». Инициатором создания этого акционерного общества и первым руководителем завода «Ноблесснер» в Ревеле был управляющий Петербургского учетно-ссудного банка и крупный предприниматель М.С.Плотников. Он возглавлял не только крупный банк, но и целый ряд предприятий в Петербурге и Ревеле. По его инициативе электротехнический завод в Ревеле «Вольта» вошел в состав общества «Ноблесснер» и благодаря заказам по изготовлению электротехнического оборудования для подводных лодок значительно расширился. В состав правления акционерного общества вошли известные петербургские предприниматели Людвиг Нобель (брат Альфреда Нобеля), А.Лесснер.

Строительство завода «Ноблесснер» было начато в 1913 г., а в феврале 1914 г. на его верфях было заложено сразу несколько подводных лодок по проекту выдающегося инженера и теоретика судостроения Ивана Григорьевича Бубнова, построившего в 1902 г. первую русскую подводную лодку «Дельфин». Конструктором на заводе «Ноблесснер» был ученик Бубнова штабс-капитан В.И.Юркевич[22]. В 1915 г. завод был переименован в «Петровскую вервь».

Первая подводная лодка «Барс» по проекту Бубнова была спущена со стапелей завода в 1915 г. Всего же на стапелях завода было заложено 18 подводных лодок. Из них до 1917 г. было спущено на воду и достроено восемь подводных лодок. Одна из них, «Пантера», прошла через две мировые войны[23].

Таким образом, в короткий срок Эстония превратилась из аграрной в индустриальную страну.

Польша. Хотя Россия участвовала в трех разделах Польши, на ее основную территорию она не претендовала, а присоединила к себе только спорные территории Украины, Литвы и Белоруссии. Часть национальной территории Польши вошла в состав России только в результате Венского конгресса 1814–1815 гг. Тогда к России отошла большая часть созданного Наполеоном Великого герцогства Варшавского (кроме Торна, Познани, Восточной Галиции и Кракова с округом, которому был дан статус «вольного города»), получившая название Царство Польское.

Еще до Венского конгресса Александр I издал именной указ Варшавскому Генерал-губернатору Ланскому от 1 февраля 1814 г. «Об облегчении Герцогства Варшавского в податях и повинностях и о разрешении выпускать из России в оное Герцогство скот, кожи, вино и все то, что приобретало Герцогство по торговле с Россией». Это привело к развитию экономических отношений между Царством Польским и другими частями Российской империи.

Очень благоприятной предпосылкой для развития промышленности этого края было его географическое положение между Западной Европой, с одной стороны, и емким рынком Северо-Западного и Центрального регионов России – с другой. В крае были хорошие транспортные условия, что положительно отразилось на состоянии и развитии промышленности. Царское правитель-

ство строило в этом крае железные дороги не только по стратегическим, но и по экономическим соображениям. Район хорошо связался железными дорогами с Донецким бассейном (Варшава – Ковель – Киев, Ковель – Бердичев). Это благоприятно отразилось на польской металлопромышленности. В частности в смеси с донецким углем Домбровский уголь был хорошим металлургическим топливом.

Большое значение для экономического развития Польши имела отмена таможенной границы между Царством Польским и остальной империей. Одновременно были введены высокие таможенные тарифы на товары из Австрии и Пруссии. Это увеличило рынок сбыта польских товаров и воспрепятствовало конкуренции на рынке Российской империи товаров из Европы.

В ноябре 1830 г. поляки подняли восстание против России, но потерпели поражение. Николай I отменил конституцию Царства Польского и восстановил таможенную границу. В 1846 и 1848 гг. поляки пытались организовать восстания, но потерпели неудачу. В 1863 г. вспыхнуло еще одно восстание против России, но после двух лет партизанской войны поляки вновь потерпели поражение. Это изменило политическое положение Польши, которая лишилась государственного статуса, превратившись в Привислянский край в составе 10 губерний (Варшавской, Петроковской, Ломжинской, Люблинской, Радомской, Келецкой, Калишской, Сувалкской, Седлецкой и Плоцкой).

Однако на экономическом развитии Польши это почти не отразилось. Напротив, наличие огромного рынка России дало ей возможность развиваться весьма динамично. Именно с 1815 г. стала складываться фабрично-заводская промышленность Польши, появились промышленные районы (текстильный Лодзинский, каменноугольный Домбровский, металлургические Пабианицкий, Згержский, Бендинский).

Показательна в этом плане история формирования Лодзинского промышленного района. До вхождения в состав Российской империи Лодзь успела побывать в составе королевства Пруссии и герцогства Варшавского[24]. За это время город, история которого восходит к XIV столетию, превратился в маленькое захолустное селение, насчитывавшее в 1793 г. 44 жилых дома и 190 жителей, занимавшихся хлебопашеством[25].

Вхождение в состав России резко изменило судьбу Лодзи. 18 сентября 1820 г. постановлением наместника Царства Польского великого князя Константина Павловича Лодзь, вместе с рядом других мелких поселений, была объявлена фабричным городом. Такое решение было принято с тем, чтобы содействовать развитию местной промышленности вообще и текстильного дела в частности. К этому времени в Лодзи уже насчитывалось 112 домов и 799 жителей. Однако доходы города не превышали 2577 злотых (около 387 руб. серебром)[26].

Царская администрация зазывала в Лодзь русских и иностранных специалистов, которым немедленно предоставляли ссуды, участки для строительства, стройматериалы из казенных лесов и другие льготы. Благодаря этому уже в 1821 г. в Лодзи появился суконный посад Новэ Място.

Для стремительно расширявшейся промышленности не хватало городской территории. Поэтому предприниматели стали осваивать соседние местности. Два ближайших к Лодзи поселения получили название Александрув Лудзки и Константынув Лудзки (Константинув Лодзинский) в честь Императора Александра Первого и его наместника в Царстве Польском Великого Князя Константина. Они сохранили свое название до наших дней, хотя немногие поляки знают, кому эти городки обязаны своим именем[27].

Летом 1825 г. император Александр I посетил Лодзь и разрешил расширить город присоединением к нему села Вулки и части казенной лесной дачи. На новой территории было выстроено 462 двора и 7 фабрик, образовавших «ткацкую» часть города, получившую название «Lodka». Лодзинский текстиль получил широкое распространение на всей территории Российской империи.

В истории промышленного строительства Лодзи, важную роль сыграли немцы, которые сначала намеревались поселиться в окрестностях Плоцка; но так как их пребывание там было найдено нежелательным, то немцы переселились в Лодзь, пока еще небольшое и небогатое местечко. На протяжении 1830-х гг. территория Лодзи постоянно расширялась и в 1840 г. население города увеличилось до 20 150 человек, а объем промышленного производства достиг 941 228 руб.[28].

В 1847 г. Магистрат Лодзи, вместе с почетными гражданами обратился к Николаю I с просьбой разрешить переименовать город в Николаев. Просьбу обосновали следующим образом: «Горожане челом бьют, дабы переименовать город в честь его Достойнейшего Реформатора, ибо всеми благодеяниями город обязан исключительно Безграничной Милости Светлейшего Императора. Переименование города позволит показать чувство нерушимой верности и безграничной привязанности к Трону и Царствующей Семье...» Однако Николай был лишен тщеславия и ответил отказом на просьбу лодзинцев[29].

В 1840-е гг. число жителей Лодзи сократилось из-за упадка хлопчатобумажной промышленности, но в 1850-х гг. население вновь стало возрастать. В 1860 г. в городе проживало уже 29 450 человек постоянного населения и 3189 человек пришлых рабочих. В 1879 г. в царстве было 17 бумагопрядилен с 3976 рабочими, бумаготкацких – 221 фабрика с 12 тыс. рабочих. Вместе с ситценабивными, тесемочными и ватными польские фабрики имели общий оборот в 17 млн руб.[30]. Во второй половине XIX в. начинается период динамичного развития промышленной Лодзи. Толчком к нему стало строительство в 1865 г. соединительной ветки железной дороги до Колюшек, через которые проходила существовавшая уже в 1845–1848 гг.

Варшавско-Ведыньска железная дорога.

Благодаря быстрому развитию текстильной промышленности Лодзь стала вторым городом в Польше. К этому времени она превратилась в промышленный город, на предприятиях которого трудились 7107 рабочих, а стоимость фабричного производства составила 2 612 095 руб. В 1860 г. самым крупным предприятием была фабрика Людвига Гайера с 574 рабочими, переработавшая за год 541 тыс. фунтов бумажной пряжи. На втором месте находилась фабрика Карла Шейблера с 115 рабочими, переработавшая 458 тыс. фунтов пряжи. Однако последняя развивалась более динамично и в последующем вышла на первое место.

Постройка Тереспольской ж.д., соединившей Привислянский край с внутренними губерниями России, затем Лодзинской фабричной ветви, низкий курс русской валюты, франкопрусская и турецкая кампания – все это способствовало стремительному росту фабричной промышленности Лодзинского района. В 1878 г. там имелось 800 фабрик хлопчатобумажного производства, с общим оборотом свыше 18 754 тыс. руб., и 80 фабрик шерстяных изделий, с оборотом свыше 8,5 млн руб.

С 1860-х гг. в Лодзи появляются русские купцы, а также технические специалисты, работники образования и здравоохранения. Первая школа с русским языком преподавания появилась в Лодзи в 1870 г. В среднем количество русских чиновников, промышленников и инженеров, а также членов их семей, в Лодзи составляло от 7 до 10 тыс. человек (без численности гарнизона). В первых годах XX в. их количество возросло до 18–20 тыс. в связи с участием в строительстве новой железнодорожной линии и увеличением государственного аппарата в период революции 1905–1907 гг.

Стремительная индустриализация имела и отрицательные последствия. Лодзь стала одним из самых нездоровых городов во всем Привислянском крае. Воздух был испорчен дымом ежегодно сжигаемых местными фабриками 20 млн пуд. угля. Вода в Лудке и в окрестных озерах была загрязнена фабричными отбросами. Большинство домов и квартир были устроены без соблюдения важнейших требований гигиены. Болезненность и смертность в Лодзи были высокими[31].

С 1 января 1881 г. таможенная граница между Польшей и Россией была вновь отменена. Были также установлены высокие таможенные пошлины на границах Польши с Пруссией и Австрией. Это дало дополнительный импульс развитию польской текстильной промышленности.

28 марта 1891 г. было опубликовано высочайшее повеление о выселении из Москвы всех евреев-ремесленников и о запрещении им вновь селиться в Москве. За короткий срок из Москвы было изгнано около 20 тыс. евреев. Большая часть их поселилась в Лодзи.

К 1899 г. Лодзь превратилась в большой фабричный город с населением в 351,5 тыс. душ. Фабрики Шейблера, Грохмана, Познаньского, Бидермана, Зильберштайна, Гейера, Кона, Киндермана и других стали известны не только в Европе, но и в Новом Свете. Маленькая сонная Лодзь, поглотив сельскохозяйственные угодья, всего за 40–50 лет превратилась в польский Манчестер. Она стала центром привислинских хлопчатобумажных фабрик, на которых уже действовало 800 984 веретена и 21 305 станков. Годовая стоимость всего мануфактурного производства определялась за 1895 г. в 165 млн руб.[32].

Миф о польской конкуренции. До 1880-х гг. польская промышленность не вызывала никаких жалоб русских промышленников. Польская продукция ввозились в Центральную часть Российской империи, и проникала в ее дальние окраины, но она никак не конкурировала с русской продукцией, поскольку предназначалась для разных сегментов рынка и опиралась на спрос других категорий покупателей. В свою очередь, русские товары ввозились в Польшу и некоторые русские фабриканты (например, товарищество Василия Моргунова и сыновья в Коломенском уезде) специально работали на польский рынок. Многие русские промышленники смотрели на фабрики в Польше как на школу, где можно обогатиться опытом. По воспоминаниям фабричного инспектора И.И.Янжула основатель Богородско-Глуховской Мануфактуры Иван Захарьевич Морозов высоко ценил те знания, которые он приобрел во время посещения Лодзи[33].

Впервые жалобы на «польскую конкуренцию» прозвучали в 1880-е гг., когда Российскую империю поразил тяжелый и продолжительный промышленный кризис. Значительная часть фабричной продукции не находила сбыта, и фабриканты вынуждены были ограничивать производство. С 1882 г. многие фабрики Московской губернии работали с неполным числом рабочих, несколько крупных фабрик приостановили работу или совсем закрылись, остальные, работавшие до этого круглосуточно, перешли исключительно к дневной работе.

Кризис сделал московских фабрикантов нетерпимыми в отношении польской конкуренции. В 1885 г. они отправили в Польшу для сбора компромата Сергея Шарапова. Он блестяще справился с заданием, выступив с докладом, односторонне преувеличивавшим опасность польской конкуренции и умалчивавшим о том, что говорило против интересов его нанимателей – московских фабрикантов. В результате в Петербург полетели сначала единоличные жалобы отдельных фабрикантов о вреде польской конкуренции для русских интересов, а поздние поступило коллективное ходатайство в министерство финансов – обратить внимание правительства на этот вопрос и устранить «неравные шансы промышленного соперничества»[34].

Правительство решило проверить справедливость этих жалоб. Тем более, что еще до подачи ходатайства московских фабрикантов министру финансов Н.Х.Бунге стали поступать донесения о том, что принятый в 1877 г. покровительственный тариф привел к появлению на прусско-польской гра-

нице массы немецких предприятий, которые благодаря своему пограничному положению и легкости контрабанды обходили высокие ставки русского тарифа на иностранные изделия. В результате иностранные товары избегали значительной части таможенных платежей и немецкие предприниматели обогащались на разнице между ценой продукта внутри России и той ценой, которая существовала на мировом рынке. В письме от 27 июня 1885 г. варшавскому генерал-губернатору Гурко Бунге писал о немецких пограничных фабрикантах: «Такие предприятия, вызванные покровительственным тарифом, не только не способствуют успехам отечественной промышленности, но, оставаясь чужеземными, обращаются ей в подрыв и обогащают не страну, в которой означенные предприятия находятся, и ее жителей, а лишь заграничных предпринимателей и рабочих»[35].

В результате в 1886 г. министр финансов вступил в контакт с другими министерствами с тем, чтобы отправить в Привислянский край для исследования справедливости жалоб московских фабрикантов особую комиссию из представителей разных ведомств: министерства финансов, министерства внутренних дел, департамента торговли и мануфактур и таможенного ведомства. В комиссию вошли такие видные специалисты, как директор Технологического института профессор Н.П.Ильин, доцент Н.П.Лановой, профессор Московского университета И.И.Янжул и др. Комиссия приступила к работе в середине июня 1886 г. и продолжала ее до конца сентября.

Повсеместно она наталкивалась на необоснованность и прямо клеветнический характер жалоб московских промышленников. Так, Янжул писал: «В Калише я осмотрел вместе с Ильиным и прикомандированным к нам губернским техником г. Карповым две прекрасные суконные фабрики (одна в городе, другая в уезде) старинные и вывозившие сукна даже в Китай. Вторая фабрика Фидлер (наследники германского подданного Нитче) особенно выдавалась своим прекрасным качеством продукта, который Ильин очень хвалил... Мне хорошо известны по Московской губернии несколько прекрасных суконных фабрик – Четверикова, Иокиша и др., а так как в своих жалобах Московские промышленники особенно налегали на шерстяные именно фабрики, то я также обратил специальное внимание на все условия этого производства и... шансы конкуренции вовсе не говорили в пользу Калишских фабрик. Так, топливо там дороже, заработная плата выше Московской и, наконец, сырье – шерсть также едва ли не дороже»[36].

Необоснованными оказались также многие донесения чиновников, подозревавших все расположенные на прусской границе предприятия в контрабанде. Как писал Янжул: «Первый такой наезд мы совершили с Ильиным на Мирковскую писчебумажную фабрику Велюнскаго уезда Калишской губернии... Мирковская писчебумажная мануфактура возбуждала много толков и переписки у Генерал-Губернатора, а равно и в М-ве Финансов. Положение этой фабрики считали подозрительным и даже опасным для интересов России... Мирковская фабрика лежит на пограничной реке Просна, отделяющей Россию от Пруссии; между тем фабрика занимает своими постройками оба берега реки: с русской стороны – ворота фабрики, с немецкой – калитка, у которой стоит постоянно наш часовой. В самой пограничной Просне происходит часть процедуры производства – мытье тряпки и пр. Все рабочие – из лежащей за стеною прусской деревни, и два раза в день приходят на работу и уходят. ...Таможенное ведомство выражало опасение ни является ли, не смотря на принятые меры осторожности, Мирковская фабрика орудием и удобным местом сплава контрабанды... Мы с Ильиным тщательно осмотрели эту фабрику, выспрашивая в подробностях рабочих и администрацию и проверяя показания книгами. Никакой фиктивной якобы работы на этой фабрике не нашли, а по осмотре Ильиным механизмов и аппаратов Мирковская мануфактура действительно перерабатывала в бумагу все то тряпье, которое получала. Осмотр рабочих... совершался... с большою строгостью. Напротив, надо считать за большую выгоду для России существование этой фабрики уже потому, что она доставляет заработок населению прусской деревни, здесь лежащей, ибо иначе крестьяне весьма возможно, не имея заработка, могли бы легко и выгодно заняться контрабандой, как профессией»[37].

Вместе с тем, Янжулу и другим членам комиссии пришлось убедиться в массовом взяточничестве и криминальной деятельности русских чиновников всех ведомств, не просто закрывавших глаза на контрабанду, но прямо участвовавших в ее организации: «Чаще всего мне приходилось, разумеется, интересоваться в беседах фабричными и таможенными порядками по предмету моего занятия и можно было утвердительно сказать, что в частной беседе такого рода, особенно за чайным столом, или стаканом вина с таможенным чиновником, он непременно начнет раньше или позже рассказывать разные пикантные вещи о взяточничестве и злоупотреблениях полицейского или жандармского управления; наоборот, в беседе с представителем последнего – выступают на сцену нескончаемые сообщения и уверения о самом злостном попустительству контрабанде, со стороны местного финансового ведомства!.. Один жандармский ротмистр пограничного местечка, напр., предлагал мне, если бы, конечно, я решился, за небольшую сумму, воочию убедиться в правильно, будто бы, организованной системе контрабандной транспортировки с ведома и, так сказать, благословения чинов местного таможенного надзора»[38].

На каждом шагу члены комиссии сталкивались с фактами, свидетельствовавшими о том, что русские таможенники помогают контрабандистам. Как писал Янжул: «В Пруссии, вдоль русской границы и в непосредственной

близости от нее (иногда в нескольких саженях от нее), я видел много винокурен, очевидно, умышленно выстроенных так близко и невольно возбуждавших подозрение, не для водворения ли специально в Россию спирта контрабандным способом такие заводы существуют? Затем один раз, близ самой русской границы, в виду нашего сторожевого поста, я случайно зашел в прусскую пивную и нашел сени ее сверху донизу наполненными... металлическими ранцами, с завинченными отверстиями и ремнями; очевидно, они были предназначены для наполнения жидкостью. Хозяин был смущен и ничего не мог ответить на мои расспросы, русский же таможенный чин представил какое-то нелепое объяснение и всячески старался увлечь меня вон из харчевни!!.»[39].

Уличить русского чиновника в Польше во взяточничестве было чрезвычайно просто. Немецкие промышленники со свойственной им пунктуальностью все случаи дачи взяток заносили в графу расходов своих бухгалтерских книг. И это не было секретом для варшавского генерал-губернатора. Янжул приводит следующий факт. «Вчера внезапно приехал в Сосновицы граф Уваров, чиновник особых поручений при Варшавском Генерал-Губернаторе... Я поехал на одну фабрику, гр. Уваров же вызвался сопровождать Ильина на другую (стеклянный завод Энштейна). За обедом мы снова сошлись и я, к своему ужасу, услышал от Ильина, что он на заводе Энштейна, по указанию гр. Уварова, в «Kassa-Buch» нашел прямое упоминание: «Geschenk 50 R. Herrn Fabrikinspektor»[40] – в день... посещения последним этой фабрики... Представьте наше негодование и удивление!!. Мы немедленно пристали к графу Уварову, как он сделал это печальное открытие, и тогда Уваров сознался, что он уже несколько месяцев – де, по приказанию Гурко, производит секретное дознание о Лодзинском Фабричном Инспекторе, на которого Генерал-Губернатору был сделан донос о взяточничестве. Граф Уваров уже во многих фабричных книгах отыскал, будто бы, следы подобных подвигов обоих фабричных инспекторов в Польше и на днях шлет рапорт Гурко... Он сильно убеждал нас хранить пока в тайне, но Ильин согласился лишь с оговоркой, что он в частном письма сообщит все это А.Б.Беру»[41].

Опрометчивое заявление Ильина имело неожиданные последствия. Не все письма членов комиссии на имя директора департамента торговли и мануфактур А.Б.Бера стали доходить до адресата, а многие он стал получать в распечатанном виде или вовсе без конвертов. Одновременно владельцы предприятий стали прятать бухгалтерские книги, а на запросы членов комиссии о записях «гешенков» они стали давать однотипный ответ: «Ничего не обнаружено». Очевидно, что ни ведомство Гурко, ни польские фабриканты не были заинтересованы в разоблачении взяточничества.

Взяточничество и коррупция русских чиновников вели к разложению польских предпринимателей, содействовали появлению предприятий, получавших сверхприбыль от контрабандной торговли. По всей видимости, таких предприятий было немного и они не оказывали серьезного воздействия на московскую промышленность. Во всяком случае, комиссия при всем старании не смогла обнаружить ни одного из них. Отчасти это связано с той «крышей», которую предоставляли таким предприятиям русские чиновники. Но немалую роль играло и их искусство маскировать свою деятельность.

Вот как Янжул описывает типичное предприятие, занимающееся контрабандой: «Характеристикой Калиша, хотя, впрочем, не исключительной, является существование в нем нескольких фабрик и ремесленных заведений, подозреваемых в сбыте, контрабанды, которая производится или точнее, прикрывается следующим ловким маневром: лицо, занимающееся в больших размерах контрабандой, открывает в пределах России, но на границе, напр., в том же Калише, для вида, фабрику или мастерскую этого товара, напр., прошивок, лент, тесемок, шляп, платков и т.п. Единовременно с контрабандным привозом этих товаров из-за границы, фабрика работает и свой подобный товар, только в ничтожном количестве, а затем на все ставит свои клейма и сбывает как собственный товар, хотя большая часть произведений – иностранного происхождения. Поймать и уличить в контрабанде подобное заведение чрезвычайно трудно, ибо товар его сработан, во-первых, по тем же иностранным образцам и рисункам и затем оно запасается заблаговременно небольшими обрезками этих товаров, привезенными через таможню с таможенными пломбами, так что по всякому роду товара есть на лицо как бы свой оправдательный документ. В первый раз на эти фабрики обратило внимание таможенное ведомство по следующему поводу: особенно часто стал попадаться контрабандный привоз тех именно товаров, которые в этой местности вырабатывались. Естественно, такие фабрики должны были бы страдать и закрываться от такой конкуренции, а они, между тем, все больше и больше процветали!! В Калише я посетил с представителем Таможенного Ведомства семь таких подозрительных фабрик прошивок и другого рода; к сожалению, была пятница и затем какие-то еврейские праздники; многие фабрики бездействовали, так как хозяева и все рабочие были почти исключительно евреи. В Ченстохове я еще раз видел 4 подобных фабрики: ленточную, галстучную, перчаточную, и, конечно, они ничем не отличались на мой недостаточно опытный глаз от вполне легальных заведений, но одна из них как раз только что попалась в крупной контрабанде и я не знаю, чем кончилась ее судьба»[42].

Проведя три месяца в Польше и подробно изучив положение дел на 89 крупных фабриках и 11 мелких, но интересных в таможенном отношении, комиссия не нашла справедливыми те доводы, которые выдвигались московскими промышленниками в отношении польской конкуренции. Но, желая подробно осветить вопрос о конкурентных преимуществах

той или другой из сторон, комиссия попыталась получить материалы для сравнения от московских фабрикантов. Однако последние оказались в этом не заинтересованы. Поэтому на вопросы разосланной на московские предприятия анкеты ответили только четыре фабрики. Тем не менее, на основании этого весьма скудного материала комиссия пришла к определенным выводам.

Первый вопрос, который ставился в анкете, касался взаимного отношения основного капитала на фабриках к производству. В Польше стоимость годовой продукции превосходила основной капитал (т.е. стоимость земли, зданий и машин), причем на некоторых предприятиях – в три раза. На московских предприятиях, напротив, стоимость основного капитала была выше стоимости годовой продукции. Отчасти это было связано с тем, что постройки (дороговизна кирпича) и машины стоили в Москве дороже, чем в Привислинском крае. Но главная причина заключалась в господствующем в средней полосе России обыкновении строить для рабочих жилые помещения, тогда как в Польше предприниматели не снабжали рабочих жильем. Это отражалось на чистой прибыли предприятий (при одинаковых ставках налога на недвижимость московские предприниматели платили больше). Кроме того, для открытия своего дела в Москве требовался больший капитал, чем в Польше.

Вторая группа вопросов касалась естественных условий производства. Из них наиболее важным был вопрос о топливе. В Польше топливо обходилось предпринимателям дешевле, чем в средней полосе России. В Москве в 1886 г. средняя цена пуда дров колебалась от 11 до 13 коп., а торфа – от 12 до 15 к. В Польше в качестве топлива использовался каменный уголь (местный и заграничный) и стоил он от 2 до 15 коп. за пуд местного и от 7 до 22 коп. иностранного производства. Если же учесть большую калорийность угля, то окажется, что сравнительный расход топлива на единицу продукта в общем фабричном обороте в Польше, был в два раза меньше, чем на фабриках Московской губернии.

Иным было соотношение расходов на рабочую силу. В Польше заработная плата рабочих была выше, чем в Москве. Польский рабочий получал в среднем на треть больше, чем в средней России, малолетние работники – на 60% больше, а женщины в Польше получали на 3/4 больше русских работниц на таких же производствах. Вдобавок к этому надо сказать, что до 1886 г. никаких правильных сроков расплаты с рабочими в средней России не существовало: хозяин платил, когда желал и даже штрафовал рабочих, которые приставали с просьбой о деньгах. Лишь закон комиссии Плеве установил с 3 июня 1886 г. правильные сроки расплаты. В Польше срок расплаты был регулярным: двухнедельным или недельным. Притом расплата происходила в Польше всегда сполна чистыми деньгами, тогда как в России часть заработка выдавалась талонами в заводскую лавку. Кроме того, в России до 1886 г. штрафы рабочих в пользу хозяина были очень многочисленны, разнообразны и произвольны, в Польше они взимались в гораздо меньшем числе случаев и обыкновенно возвращались рабочим в том или ином виде (чаще всего они шли в т.н. Krankenkassen)[43].

Польские рабочие были образованнее русских, во-первых, потому, что среди них было много иностранцев, преимущественно немцев, прошедших обязательную школу, во-вторых, несмотря на малое развитие образования в Польше, вообще, фабрики имели гораздо больше грамотных, чем в России. В то время, как в Москве на лучших фабриках число грамотных не превосходило 31%, на польских цифра грамотных давала 45% для всех трех исследованных фабричных районов, из них в Сосновицах – 55%, а в Варшаве – 56%. Средняя продолжительность рабочего времени в Польше была короче, а именно от 10 до 12 часов в день, тогда как на московских фабриках она достигала 12–14 часов в сутки. Однако на польских фабриках работали 292 дня в году, а на русских из-за большого числа религиозных праздников – только 285 дней.

Другим отличием польских фабрик от московских было полное отсутствие фабричных лавок. Снабжение рабочих припасами было предоставлено частной конкуренции и в этот вопрос фабричная администрация не вмешивалась. Впрочем, это едва ли было преимуществом. Фабричные лавки контролировались фабрично-заводской инспекцией, в то время как частники пользовались недостатком времени у рабочих и продавали им товар низкого качества и по завышенным ценам.

На всех крупных московских фабриках по давней традиции, узаконенной 21 сентября 1866 г. циркуляром министерства внутренних дел, фабрики с числом рабочих более 100 человек имели собственные больницы с бесплатным лечением. Они составляли довольно существенную статью расходов. В Польше даже на крупных фабриках больниц не существовало, а расходы на приглашение врача и лекарства несли сами рабочие.

В России многие рабочие происходили из сельской местности, где имели собственное хозяйство. Их надо было приучать к фабричному делу, каким бы несложным оно ни было. Часто после возвращения таких рабочих из деревни навыки забывались и надо было их вновь учить фабричному делу. В Польше же на 8 рабочих приходился один иностранный подданный, никогда не занимавшийся земледелием. Большинство польских рабочих также трудились только в промышленности.

Немалая часть польских фабрикантов являлись владельцами фабрик где-нибудь за границей и пользовались одинаково выгодами кредита как в России, так и за границей, получая деньги на более выгодных условиях, чем их русские сотоварищи. Кроме того, польские фабрики были обложены более легкими местными налогами. Вообще часть рабочих, большая часть служащих и значительная часть капиталов польской

промышленности – иностранного происхождения.

Около 4/6 сырья, перерабатываемого на фабриках Польши было иностранного происхождения Хотя Россия вывозила большое количество шерсти за границу, на фабриках Польши более половины всей обрабатываемой шерсти было иностранного происхождения. Несмотря на значительные месторождения железных руд, огромная часть перерабатываемого железа на заводах Польши доставлялась из-за границы (почти 1,5 миллиона пудов против своих 113 тысяч). Исключительно русским видом сырья, перерабатываемым в Польше, было только тряпье для выделки бумаги и искусственной шерсти. Однако трудно сказать, какое конкурентное преимущество для польской промышленности усмотрела в этом комиссия.

Сопоставляя шансы конкуренции двух частей Российской империи, комиссия пришла к заключению, что, «во-первых, для уравнения шансов конкуренции московская промышленность должна стремиться именно наиболее всего к умственному и нравственному поднятию своего рабочего класса, к улучшенному подбору состава служебного и рабочего персонала наших фабрик. Во-вторых, в виду лучших взаимных отношений в Польше хозяев и рабочих, русская промышленность должна позаботиться о наилучшем применении и осуществлении только что изданного закона от 3 июня 1886 года, регулирующего их взаимные отношения. Для другой стороны – промышленности Царства Польского комиссия рекомендовала две меры – увеличение податного обложения польских фабрик, особенно местного, и затем некоторых мер против чрезмерного наплыва иностранцев и устройства иностранных фабрик, угрожающих нашим окраинам германизацией»[44].

Конечно, выводы комиссии были не бесспорными, а нередко противоречивыми. Например, единственное конкурентное преимущество московских фабрик было связано с дешевизной рабочей силы. Тем не менее, комиссия рекомендовала следовать закону 3 июня 1886 г., влекущему рост расходов на рабочую силу. Кроме того, большим недостатком работы комиссии было то, что она не выявила тех польских товаров, которые реально конкурировали с московскими. И, наконец, жаль, что в выводы комиссии не попала проблема взяточничества чиновников. Хотя в своих записках Янжул отмечает важность того обстоятельства, «какими неудовлетворительными чиновниками Россия наполняет свои окраины, существенно вредя связи и объединению интересов последних с остальной Россией»[45].

Но очень важно, что комиссия развенчала миф о неравноправной конкуренции со стороны Польши, промышленность которой якобы обходит высокие таможенные тарифы. Контрабандой занимались очень немногие предприятия. А сама контрабанда стала возможной лишь благодаря коррумпированности русских чиновников.

Между тем миф о польской конкуренции оказался весьма живучим. Даже в советской литературе он получил широкое распространение[46].

Финляндия. В XII в. значительная часть Финляндии была завоевана Швецией и до XIX в. оставалась в ее составе. С XVI в. началось длительное противоборство между Россией и Швецией за обладание южной частью Финляндии. Стремясь захватить у России земли, завоеванные Петром I, Швеция объявила ей в 1741 г. войну, но по Абоскому мирному договору 1743 г. к России отошла территория до р. Кюмийоки с укрепленными городами Вильманстранд (Лаппенранта) и Фридрихсгам (Хамина). В ходе Русско-шведской войны 1808–1809 гг. русские войска заняли Финляндию и по Фридрихсгамскому договору 1809 г. она была присоединена к России на правах великого княжества.

В XVII–XVIII вв. Финляндия представляла собой самую бедную провинцию Швеции. В составе России Финляндия получила довольно значительную внутреннею автономию, располагая собственным парламентом – сеймом, правительством, судебными и исполнительными властями. Крепостное право не распространялось на территории княжества. Финляндия имела собственный банк, принимаемый сеймом бюджет и свою финансовую систему. Денежные средства княжество могло хранить в зарубежных банках. Финляндия сохранила таможенную границу с Россией[47].

Казалось бы, в этих условиях экономика Финляндии могла развиваться совершенно независимо от экономики Российской империи. Ведь общими у них были только глава государства – царь, он же Великий князь Финляндии – и внешнеполитическое ведомство. Тем не менее, пребывание в составе Российской империи оказало на экономическое развитие Финляндии огромное стимулирующее воздействие.

Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на наличие таможни, Финляндия получила право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной в пользу финского бюджета. Это ставило в неравноправное положение русских и финских предпринимателей. Финляндия могла беспрепятственно проникать на внутренний русский рынок, тогда как от конкуренции со стороны русских товаров она была надежно защищена. Правда, длилось это только до 1885 г., когда был введен тариф, ограничивший возможности финляндского экспорта в Россию[48]. Однако к этому времени промышленность Финляндии уже получила значительное развитие.

Для экономического развития Финляндии большое значение имел перенос столицы из захолустного Турку в Гельсингфорс (Хельсинки) в 1812 г. Находясь в непосредственной близости от стремительно развивавшегося Санкт-Петербурга, Гельсингфорс быстро превратился в крупный портовый, торговый и промышленный город. До 1820-х гг. Гельсингфорс был маленьким провинциальным городком с немощеными улицами, освещавшимися ночью тусклым светом фонарей с

сальными свечами у ворот каждого дома. Александр I затеял генеральную реконструкцию города, по своему масштабу и культурному значению соперничавшую с Санкт-Петербургом. Реконструкция заняла 25 лет и была завершена при Николае I.

Комитет по реконструкции возглавил военный инженер Альбрехт Эренстрем. Он отстраивал новую столицу Великого княжества вместе с архитектором Карлом Людвиговичем Энгелем. Под руководством Энгеля в городе были воздвигнуты 30 монументальных зданий, что превратило центр Гельсинкфорса в один из лучших архитектурных ансамблей в стиле «ампир». В 1852 г. было закончено строительство Кафедрального собора, ставшего архитектурной доминантой города[49]. Гельсинкфорс получил великолепные портовые сооружения. Южная и северная гавани были снабжены гранитными набережными. Около южной гавани расположился дворцовый ансамбль с огромной площадью, служившей также рынком. В 1862 г. была проложена первая железная дорога от Гельсингфорса до Хямеенлинны, а в 1870 г. – до Санкт-Петербурга. Ветвь этой железной дороги была проведена к северной гавани, где суда могли удобно нагружаться и разгружаться.

Положение Гельсингфорса было весьма удобно для внешней торговли, благодаря широким портовым гаваням и железной дороге, соединявшей его с Санкт-Петербургом и важнейшими городами Финляндии. Это стало мощным стимулом для промышленного развития Великого княжества. В 1887 г. в Гельсингфорсе уже было 444 промышленных заведения, с 5205 рабочими и стоимостью производства в 14 880 835 марок; в том числе 8 меховых, 3 пивоваренных, 6 табачных фабрик, сахарный завод, 2 асфальтовых, 9 винокуренных и спиртовых заводов, фаянсовая фабрика, шпалерная, 7 типографий, 3 литографии и т.д. Близ Гельсингфорса были построены фарфоровый завод, несколько лесопилен, 2 пивоваренных завода и другие предприятия.

Бурными темпами развивалась торговля. Общее число торговых фирм в Гельсинкфорсе составляло в 1887 г. 2299. Их оборот равнялся 40 миллионам марок. Торговый флот состоял из 147 пароходов, водоизмещением в 36,5 тыс. т и 62 парусных судов, водоизмещением в 5,7 тыс. т. Ввоз находился преимущественно в руках русских купцов. Главными предметами вывоза были: дерево, масло, рыба, мануфактурные товары. Число прибывших судов в 1887 г. составило 1332, водоизмещением в 224 457 тонн; число отошедших – 942, в 214 811 тонн[50].

Русское гражданское население Гельсингфорса после присоединения Финляндии к России стало быстро расти и к началу 1830 г. составляло примерно 3% от общего числа жителей города (не считая тех, кто имел в городе недвижимость, но проживал в российских губерниях). В основном в городе селились русские купцы из ближайших к Финляндии мест. В «описи Церкви Святыя Живоначальныя Троицы, что в городе Гельсингфорсе 1856 года» есть запись: «Икона устроена в 1829 году бывшими жителями Выборгской губернии села Красного, и ныне гражданами г. Гельсингфорса. Риза со венчиком пожертвована в 1847 году Иваном Шариным»[51]. Многие гельсингфоргские купцы были родом из села Красного (ныне поселок Красносельское Выборгского района Ленинградской области).

Другим регионом Финляндии, вставшим на путь промышленного развития, был г. Тавастгус и прилегавшие к нему местности. Во время шведского владычества Тавастгус был небольшой крепостью, расположенной в сельской местности. После того как финны соединили Тавастгус железной дорогой с Гельсингфорсом и тем самым с Российской империей там появилась фабрично-заводская промышленность.

В 1896 г. по размерам фабричной и заводской деятельности (по числу рабочих и стоимости производства) Тавастгусская губерния занимала в Финляндии второе место после Нюландской губ., центром которой был Гельсингфорс. Фабрик и заводов в Тавастгусской губернии в 1896 г. было 908. Они давали работу 13 976 рабочим. Стоимость производства составляла 43 097 733 финских марок. Литейных и металлических заводов было 149, заведений по обработке камня – 36, химических заводов – 24, кожевенных мастерских – 91, ткацких фабрик – 17, писчебумажных фабрик – 28, предприятий по обработке дерева, кости и других предметов растительного и животного происхождения – 114, строительных предприятий – 29, пивоваренных и портерных заводов – 12, водочных и спиртовых – 6, табачных – 3, предприятий пищевой промышленности – 250, мастерских по пошиву одежды – 137, графических мастерских – 12. Значительное развитие получила торговля (главным образом в гг. Тавастгусе и Таммерфорсе)[52].

Именно во время пребывания Финляндии в составе Российской империи зародилась и стала стремительно развиваться финская целлюлозно-бумажная промышленность. Первоначально она не могла конкурировать на рынке Западной Европы, но для нее открылись большие возможности на рынке России. Финская бумага не только не встретила в России серьезных конкурентов, но поступала на российский рынок без уплаты таможенных пошлин, которые были обязательны для производителей из Западной Европы. Бумага изменила положение Финляндии в мировом хозяйстве[53].

К сожалению, статистика экономических отношений России и Финляндии весьма противоречива. Например, по российским источникам, в 1897 г. Россия вывезла в Великое княжество товаров на 30 432 тыс. руб., а ввезла на 19 070 тыс. руб. По финляндским же источникам из России было получено товаров на сумму 72 259 тыс. руб. и вывезено – на сумму 48 315 тыс. руб.[54]. Но при всей противоречивости этих данных можно сделать вывод, что торговое сальдо Финляндии с Россией в 70–90-е гг. XIX в. было пассивным.

Из этого можно сделать вывод, что господствующее в современ-

ной историографии представление о независимом экономическом развитии Финляндии сильно преувеличено. Экономическая политика царского правительства и обширный внутренний рынок России способствовали бурному промышленному и торговому развитию Великого княжества.

Примечания:

[1] Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 12.

[2] Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 года. М.: Просвещение, 1989. С. 83.

[3] Там же. С. 264.

[4] Там же. С. 296.

[5] Львов И.И. Крепость-склад Двинск. Историческая справка. Двинск, 1914.

[6] Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А. Указ. соч. С. 296.

[7] Деловой Петербург, от 02 августа 2004 г.

[8] Там же.

[9] Шугуров Лев. Погоня за Руссо-Балтом. М.: изд. ЦДТС, 2004.

[10] Там же.

[11] http://carhiv.narod.ru/russobaltique.html

[12] Вести сегодня. Общественно-политическая газета Латвии. От 28 марта 2002 г. № 74 (817); http://www.liveastrology.org/buivid_%20latvia_stat.htm

[13] История России XVIII–XIX веков. / Под ред. Л.В. Милова. М.: «Эксмо», 2006. С. 295.

[14] Статистический сборник министерства путей сообщения. Вып. 72, СПб., 1903.

[15] Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования, исполнившегося 30 апреля 1907 года. Санкт-Петербург, типография Н.П.Сойкина, Стремянная ул., № 12, 1907.

[16] 1900–1925. Акционерное общество Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры в Ревеле. Таллин 1925.

[17] Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М.: Эпифания, 1994.

[18] Описание судостроительного завода в г. Ревеле «Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов». Спб., 1912. С. 1–21.

[19] Список личного состава учреждения Морского ведомства. Спб., 1916. С. 516, 517, 684, 689, 701, 1193.

[20] Молодежь Эстонии, 24 августа 2007 г.

[21] http://infoart.iip.net/history/navy/rusdd139.htm

[22] Меркушов В.А. Записки подводника. 1905–1915. – М.: Согласие, 2004. С. 165–182.

[23] Там же. Приложение 5.

[24] Егер Оскар. Всемирная история в четырех томах. Т. 4. Новейшая история. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999. С. 110, 212, 351.

[25] http://be.sci-lib.com/article061428.html

[26] Вестник Новгородского Государственного Университета, 1998 № 9.

[27] Верницкая Виолетта. Императоры и Царство Польское. // Русский курьер Варшавы. 2004. Декабрь.

[28] Вестник Новгородского Государственного Университета, 1998 № 9.

[29] Верницкая Виолетта. Указ. соч.

[30] Отчет И.И. Янжула по исследованию фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. СПБ., 1888, стр. 104.

[31] Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1907. С. 134.

[32] http://be.sci-lib.com/article061429.html

[33] Янжул И. И. Указ. соч. С. 118.

[34] См. Исторический Очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского Университета 12 Января 1887 года Ординарным Профессором И.И.Янжулом. Москва. 1887.

[35] Янжул И.И. Указ. соч. С. 120.

[36] Там же. С. 131–132.

[37] Там же. С. 129–131.

[38] Там же. С. 138–139.

[39] Там же. С. 133.

[40] Взятка. 50 руб. господину фабричному инспектору.

[41] Там же. С. 142.

[42] Там же. С. 132 – 133.

[43] Страхование от несчастных случаев.

[44] См. Отчет И.И.Янжула по исследованию фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 99–104.

[45] Янжул И.И. Исторический очерк... С. 134.

[46] Шустер У.А. Экономическая борьба Москвы с Лодзью (Из истории русско-польских отношений в 80-х годах прошлого века). Исторические записки. Т. 2. М. Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 188–234.

[47] Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 77; Белоглазов А.В. Федерализм в «тюрьме народов»: Великое княжество Финляндское // Федерализм: проблемы формирования. Казань, 1994. С. 47–48; Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX века). М., 1997. С. 134.

[48] Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968. С. 95; Грипенберг Л. Торговые сношения между Империей и Финляндией за последние 25 лет. СПб. 1911.

[49] http://vse.fi/helsinki/gorod/istoria.html

[50] http://enc.mail.ru/article/?53024300

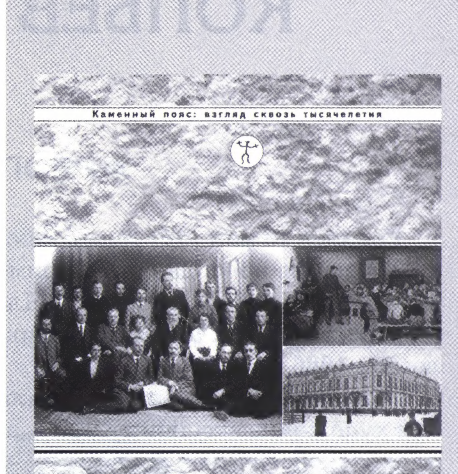
[51] http://ricolor.org/europe/finlandia/mp/3/

[52] http://be.sci-lib.com/article098789.html

[53] http://liberty-belarus.info/content/view/377/54/

[54] Россия. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. – СПб., 1898. С. 330.

В

Проведено обобщающее исследование движущих сил российской имперской модернизации XVIII – начала XX в. на основе собственного оригинального акторного подхода, который предполагает выявление роли акторов модернизации, эволюции акторных структур, реконструкцию модернизационных стратегий акторов. Не ограничиваясь изучением роли государства в целом как модернизационного актора, которая признается высокой и возраставшей в условиях догоняющей модернизации, авторы обратились на уральском региональном материале к исследованию таких социальных акторов как предприниматели, интеллигенция, иностранные специалисты. Выявлены существенные сдвиги, произошедшие во второй половине XIX в. в развитии всех этих категорий, связанные с диверсификацией и интенсификацией экономической и культурной жизни региона. Серьезное внимание уделено и региональным институциональным акторам (административный аппарат, органы самоуправления, общественные организации, профессиональные общества, представительские организации и партии), совершенствование которых, как доказывается в монографии, содействовало рационализации системы управления, становлению элементов гражданского общества, развитию публичной сферы в российской провинции.

В

КОПЬЁВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
1947–2017

ЖИВОПИСЕЦ, ГРАФИК, ХУДОЖНИК ТЕАТРА

Родился 13 мая 1947 года в городе Уфе (Башкирия).

Учился и преподавал в Уфимском государственном институте искусств (1973–1978), стажировался в ЛИЖСА им. И.Е.Репина (1979). Член Союза художников России с 1980. Заслуженный художник Российской Федерации (1999). Доцент кафедры архитектуры и градостроительства ВОГТУ. Жил и работал в городе Вологде с 1986 года.

Участник областных, региональных, всероссийских и международных выставок с 1972 года. Произведения художника экспонировались на многочисленных персональных выставках в России и за рубежом: в Германии, Люксембурге, Болгарии, Франции и ЮАР. Автор идеи проекта «Русская эмиграция: люди и судьбы» (2001–2005).

Произведения художника находятся: в Уфимском художественном музее им. М.В.Нестерова, Вологодской картинной галерее, Череповецком художественном музее, Кисловодском музее-усадьбе им. А.Н.Ярошенко, Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С.Д.Эрьзи; Библиотеке Фонде «Русское Зарубежье» (Москва), Российском Фонде Культуры (Москва).

Картины художника приобретены министерствами культуры БАССР и СССР, министерством культуры Люксембурга.

Большая часть картин находятся в частных галереях и коллекциях многих городов России, а также за рубежом: во Франции, Германии, Бельгии, Люксембурге, Англии, Израиле, США и ЮАР.

Дипломант: Всероссийской художественной выставки «Россия» (Киров, 1999, Новгород, 2009), Комиссии по наследию композитора В.А.Гаврилина (Санкт-Петербург, 2001), выставки «Российский Север» (Вологда, 2003, Архангельск, 2015), Российской академии художеств (2006).

Лауреат Государственной премии в области культуры и искусства (2006). Кавалер ордена Дружбы (2008). Награжден Золотой медалью Союза художников России (2009). Знаком «За доблестный труд во благо Вологды» (2012). Знаком «За заслуги перед Вологдой» (2017). Награжден Золотой медалью СХ России «За выдающийся вклад в изобразительное искусство России», 2017 (медаль им. В.Сурикова).

Поэт Велимир Хлебников на пути в Персию.

Японские журавли.

Вдохновение.

